

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1981

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ОБ ОСНОВНЫХ ОТЛИЧИЯХ ИСТОРИИ СТРОЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА ОТ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

На первый взгляд проблема отличий истории строевых элементов языка от истории литературного языка может показаться надуманной и искусственной. Такой проблемы в общем языкознании даже не существует. В имеющихся многочисленных исследованиях по истории литературных языков почти не встречаются случаи, когда их авторы не проводили бы четкого разграничения между исторической грамматикой языка и историей литературного языка. Тем не менее там, где еще не написана история языка на основе применения сравнительно-исторического метода, подобная проблема может возникнуть.

Непонимание различий между историей строевых элементов языка и историей литературного языка, к сожалению, еще имеется. И корни такого непонимания достаточно глубокие.

Тюркология являет немало примеров крайне нечеткого представления о различиях между историей строевых элементов языка (или исторической грамматикой языка) и историей литературного языка, что часто ведет к нежелательному смешению методик изучения и предметов исследования истории строевых элементов языка и истории литературного языка. Приведем несколько вполне показательных примеров.

История любого литературного языка целиком основывается на памятниках письменности. Эта история по существу и есть история языка письменности, то есть история употребления языка в различных типах письменных памятников.

Некоторые тюркологи-языковеды, однако, считают, что и история строевых элементов любого тюркского языка также должна создаваться только на базе письменных памятников. Изучая историю, скажем, азербайджанского или узбекского языков, исследователи почти не занимаются сравнениями звуков и форм этих языков со звуками и формами других тюркских языков. Основу такого изучения составляет анализ языка памятников письменности.

Эта фетишизация памятников иногда заходит настолько далеко, что автор такой «истории» даже не интересуется происхождением самого памятника, не задумывается над тем, является ли современный язык результатом последовательного исторического развития языка памятника.

Хорошо известно, что письменные памятники — это различные формы вещественного проявления литературного языка. Но литературный язык народа может быть как своим, то есть возникшим на базе данного языка, так и привнесенным. В истории тюркских народов были литера-

турные языки, обслуживавшие несколько народов. Примером может служить так называемый *тюрки*. Совершенно нелепо было бы утверждать, что поволжский *тюрки* является результатом предшествовавшего последовательного исторического развития татарского языка. *Тюрки* — это наполовину искусственный литературный язык, в дореволюционное время бывший в обращении у ряда тюркских народов. Литературный татарский язык дореволюционного периода возник из письменного языка Золотой Орды, развивавшегося под сильным влиянием сперва уйгурского, а затем чагатайского языка. Отсюда следует, что современный татарский язык и его диалекты не могут считаться органическим продолжением дореволюционного языка *тюрки*. Между тем некоторые татарские языковеды, занимавшиеся изучением памятников старой татарской письменности на *тюрки*, утверждают, что в татарском языке некогда существовало причастие прошедшего времени на *-myş*¹. Подобный вывод должен быть опровергнут, ибо нельзя делать категорических заключений об истории форм данного языка на основании данных, привнесенных литературным языком. Причастие на *-myş* в кыпчакских языках исчезло очень давно, еще до обособления татарского языка. Поволжский *тюрки* не является предком современного татарского языка, хотя некоторые татарские языковеды и склонны называть его древнетатарским языком.

Историк татарского языка может пренебречь данными литературного языка *тюрки*, однако историк татарского литературного языка этого делать не вправе, ибо должен обязательно включить *тюрки* в историю татарского литературного языка, поскольку он занимается изучением истории различных форм литературного языка. Следует подчеркнуть, что неверное обращение с письменными памятниками стало ныне распространенным явлением при изучении истории тюркских языков.

Некоторые исследователи истории казахского, туркменского, узбекского и других тюркских языков почему-то убеждены в том, что главным методом изучения истории этих языков является не их сравнение, а привлечение материалов памятников древнетюркской письменности: ученый, изучающий, скажем, историю казахского языка, считает совершенно необходимым сослаться на памятники енисейско-орхонской письменности, «Бабур-наме», «Кутадгу билиг», «Словарь» Махмуда Кашгарского и т. д., полагая, что в них нашли отражение этапы исторического развития изучаемого им языка. При этом забывается самое главное — установление исторической преемственности между изучаемым языком и языком того или иного памятника древнетюркской письменности.

Преемственная связь языков ранних тюркских памятников и современных тюркских языков остается еще до конца не выясненной. При таком положении сопоставление по отдельным признакам языка памятника и современного языка не имеет большой доказательной силы.

Индоевропейцы в этом отношении поступали более правильно. Они сначала реконструировали древнее состояние методом сравнения данных родственных языков и затем в тех случаях, когда древние письменные памятники подтверждали правильность произведенной реконструкции или предполагаемого пути развития, ссылались на данные этих памятников.

Иногда ставится целью изложение истории литературного языка. Показательной в этом отношении может быть книга А. Т. Кайдарова

¹ А. Х. Нуриева. Система спряжения глагола по категории времени в татарском языке. Автореф. канд. дисс. Казань, 1961, стр. 10—11.

«Развитие современного уйгурского литературного языка»². Около девяноста процентов содержания этой книги составляет описание особенностей уйгурских диалектов. По существу это исследование уйгурских диалектов. Непосредственно к истории литературного уйгурского языка относится лишь пятая глава книги «Диалектная основа литературного языка советских уйгуров», а также некоторые сведения о формах древнеуйгурского литературного языка, содержащиеся во «Введении».

Вместе с тем автор книги считает правомерным и нужным начать историю уйгурского языка с алтайской эпохи.

В так называемую хуннскую эпоху древнеуйгурский язык, относящийся по классификации Н. А. Баскакова к восточнохуннской ветви, вырабатывает ряд характерных черт, отличающих его от других близкородственных языков, образовавших западнохуннскую ветвь.

В древнетюркскую эпоху древнеуйгурский язык с древнегузским (орхонские памятники) и древнекиргизским (енисейские памятники) языками получает дальнейшую дифференциацию, то есть все три указанных языка приобретают признаки *d/t* и *s/z* языков и тем самым начинают отличаться от *r* языков, к которым относятся языки булгар, хазар и потомков древних огузов³.

Допустим, что все эти выводы правильны (хотя в этом можно и усомниться), однако к истории литературного языка они отношения не имеют.

Та же самая методическая нечеткость имеется и в книге А. Демирчизаде «История азербайджанского литературного языка»⁴. Хотя книга посвящена истории литературного азербайджанского языка, автор ссылается на источники истории азербайджанского языка вообще (письменные памятники, орхонские и енисейские надписи, памятники уйгурского письма, памятники арабского письма, грамматики, словари, диалекты и говоры, родственные языки, топонимия и этнонимия, соседние языки). Во второй главе книги автор обращается к вопросу о происхождении азербайджанского языка. По понятным причинам все эти сведения не имеют к истории литературного языка никакого отношения.

Прямым следствием такого смешения понятий истории строевых элементов языка и истории литературного языка является строгое методическое требование ряда авторов изучать историю любого языка в теснейшей связи с историей народа.

Действительно, изучение образования литературных языков не может абстрагироваться от культурно-исторического процесса. Только привлечение фактов истории может дать ключ к правильному пониманию того, в какую эпоху и почему возник литературный язык, какие социальные силы, общественные взгляды, поэтические школы и направления стимулировали или, наоборот, задерживали его поступательное развитие, каким образом они на него влияли, творчество каких писателей оказывало на него воздействие.

Вне исторического контекста невозможно понять особенности формирования литературных языков. Борьба за ликвидацию литературного двуязычия, например, в Норвегии, Албании, странах Арабского востока и т. д., не носила такого острого характера, как это было в Англии и Германии. Без знания конкретной истории упомянутых стран понять причины этих различий не представляется возможным.

² А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1969, стр. 17.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Э. Демирчизаде. Азербайжан эдэби дилинин тарихи. I hissə. Баки, 1938.

Язык произведений Петровского времени поражает своей стилистической пестротой и неупорядоченностью. Если не знать истории России, особенностей Петровской эпохи, то объяснить конкретные причины этой пестроты и неупорядоченности будет очень трудно.

Исследователи истории русского литературного языка указывают, что и в наше время, в 50—60-е годы, отмечается некоторая раскованность в речевом использовании нелитературных слов и оборотов и, в частности — элементов просторечия. Это объясняется тем, что приток сельского населения в города в связи с развитием промышленности не прошел бесследно для литературного языка.

Существование на территории Восточного Туркестана двух самостоятельных государств — Уйгурского и Караханидского — привело к образованию двух литературных языков — древнеуйгурского и карлукско-караханидского. Последующее объединение этих двух государств и вхождение их в состав улуса чагатаидов способствовало сближению двух литературных языков⁵.

Распространение церковнославянского языка в древнерусском государстве невозможно понять, если абстрагироваться от принятия населением этого государства христианства.

«Славянорусский язык церковнославянских текстов, — замечает А. И. Соболевский, — был различен в разных местах Древней Руси XI—XIII вв. Причина этого заключалась в отсутствии в Руси этого периода, во-первых, выдающегося политического и литературного центра, во-вторых, училищ и учебных руководств по церковнославянскому языку. Политическое значение Киева, высокое при Владимире и Ярославе, пало при их преемниках, когда Русь разделилась на несколько удельных княжеств, бывших фактически независимыми от Киева и не признававших его главенства... Вследствие этого язык киевских церковнославянских текстов не получил значения образцового языка, не сделался общерусским и остался таким же провинциальным языком, как языки церковнославянских текстов, новгородских, псковских, ростовских»⁶.

Наметившаяся позднее сильная тенденция к расширению социальной базы и к демократизации русского литературного языка была теснейшим образом связана с постоянно прогрессирующей централизацией и усилением русского национального государства.

Формирование национального языка, существенные изменения в его составе и функциях находятся в зависимости от развития экономической и политической жизни общества.

«Сама культурная общность народа, — пишет А. И. Ефимов, — прежде всего зависит от социально-исторических условий, создающих для широких слоев народа реальные возможности активного владения литературным языком... К числу общественно-исторических факторов, оказавших большое влияние на развитие языка, относятся: развитие производства, появление классов, возникновение письменности, зарождение государства, развитие торговли, развитие литературы... Изучение истории литературного языка в связи с историей народа предполагает:

1. Определение того, как история народа находит свое отражение в формировании средств литературного выражения, как развитие общественной жизни влияет на литературный язык, в силу чего он обогащается новыми словами и выражениями, а также изменяется смысловое значение многих бытующих в нем слов, совершенствуется морфологическая и синтаксическая структура языка.

⁵ А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 21.

⁶ А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980, стр. 31—32.

2. Изучение того влияния, которое язык, будучи средством общения, оказывает на развитие культуры, науки, литературы и искусства.

3. Решение вопроса о периодизации истории литературного языка в связи с важнейшими этапами отечественной истории»⁷.

Это методическое требование, вполне уместное в применении к истории литературного языка, некоторые языковеды-«теоретики» начинают совершенно механически переносить на изучение истории строевых элементов языка. История строевых элементов языка также должна изучаться, по их мнению, при теснейшей увязке истории языка с историей говорящего на нем народа. Механическое перенесение принципов изучения истории литературного языка на изучение истории строевых элементов языка буквально ставит в тупик многих исследователей.

В тюркском праязыке не было исходного падежа на *-dan*. Местный падеж, имеющий окончание *-da*, одновременно выполнял функции и исходного падежа (ср. *taŋ-da* 'на горе' и *köz-dä jaš* 'слезы из глаз'). Позднее появился особый исходный падеж на *-dan*, ср. тур. *Ankaradan* 'из Анкары'.

Спрашивается, какие конкретные факты истории тюркских народов обусловили появление формы исходного падежа? Совершенно ясно, что на этот вопрос ответить невозможно.

Рефлексы начального *j* в тюркских языках отличаются большим разнообразием. В одних языках старый *j* сохраняется; ср. азерб. *jol* 'дорога'; в казахском языке начальный *j* превратился в *ž*, а в киргизском — в *ž*; ср. каз. *žol* 'дорога', кирг. *žol*. Привлекать какие-либо конкретные факты истории здесь бесполезно, так как не они являются причинами этих изменений.

Механически перенося принципы изучения истории литературного языка на изучение истории строевых элементов языка, некоторые лингвисты совершенно забывают о различии самих уровней, на которых возникли рассматриваемые языковые явления.

История литературного языка, занимающаяся изучением письменных памятников, имеет дело с языковыми явлениями, возникшими как факты истории, тогда как возникновение строевых элементов языка восходит нередко к неизмеримо более далекому прошлому. О какой-либо внеязыковой истории здесь даже и говорить не приходится, поскольку она не зафиксирована в памятниках, то есть попросту нам не известна.

Кроме того, как уже указывалось выше, изменения строевых элементов языка не могут быть вызваны конкретными историческими событиями.

Некоторые советские лингвисты (Т. А. Дегтярева, Р. А. Будагов, Ф. П. Филин), не проводя четкой грани между особенностями истории строевых элементов языка и истории литературного языка, либо отдавая дань известным воззрениям Н. Я. Марра, стремятся убедить читателя в том, что все изменения в языке происходят от внешних причин⁸.

Смещение истории языка с историей литературного языка может проявляться и в других формах.

Языковые стили — это отдельные виды литературного языка, сложившиеся применительно к различным сферам его функционирования.

Под стилем следует понимать исторически сформировавшуюся разновидность литературного языка, которая отличается своеобразным

⁷ А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М., 1971, стр. 3—4.

⁸ Т. А. Дегтярева. Пути развития современной лингвистики. Кн. 3-я. М., 1969, стр. 161; Р. А. Будагов. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1979, стр. 125; Ф. П. Филин. Советское языкознание. Теория и практика. — «Вопросы языкознания», № 5, 1977, стр. 9.

строем речи, подбором и объединением речевых средств, а также традиционными нормами их употребления⁹.

Нигде так ясно не обнаруживается обусловленность употребления слов внешними факторами, как в различных языковых стилях. «На долю стилистики речи, — замечает академик В. В. Виноградов, — выпадает задача разобраться в тончайших различиях семантического характера между разными жанрами и общественно обусловленными видами устной и письменной речи»¹⁰.

Эволюция стилей, тесно связанная со сменой культурно-бытовых форм общения в определенной социальной среде, отражает принятую в данной среде нормативность и эстетику речи, широко употребляется в литературных произведениях как средство социальной характеристики персонажей. «История стилей художественной литературы находится в самой тесной связи с историей соответствующего литературного языка и с его разнообразными, историческими изменяющимися стилистическими вариациями»¹¹.

Особенности отдельных стилей не ограничиваются одними лексическими характеристиками. Например, для многих стилей литературного языка недопустимо употребление морфологических диалектизмов типа: *идеть* вместо *идет*, *говоритѣ* вместо *говорите*, *палкам* вместо *палками*, *ушоццы* вместо *ушли* и т. д.

Таким образом, стиль литературного языка выполняет специфическую общественную функцию, которая создает определенное лексическое и грамматическое своеобразие конкретного стиля литературного языка.

Некоторые лингвисты особенности стиля начинают переносить на язык в целом. Так, например, Ю. Д. Дешериев выделяет так называемую функциональную линию развития языка, то есть линию развития функциональной структуры языка, общественных функций языка и линии развития внутренней структуры языка. Функциональная линия является определяющей по отношению к внутренней структуре языка¹². При этом не учитывается, что образование структуры языка зависит от многих факторов.

В прежнее время писалось довольно много диссертаций на тему «Язык писателя». Сама тема по своему характеру является скорее литературоведческой. Языка писателя как такового фактически нет. Есть совокупность определенных языковых средств, с помощью которых писатель создает характерные литературные образы. Следовательно, в данном случае нужно было прежде всего изучать стиль писателя с синхронной или исторической точки зрения. Очень часто к такого рода исследованиям применялись сугубо лингвистические методы изучения, сводившиеся к довольно нудным перечислениям прилагательных, существительных и глаголов, употребляемых писателем, то есть к сухим статистическим подсчетам и т. д. Совершенно очевидно, что подобное смешение методик исследования фактически вело к развенчанию и опознанию самой идеи изучения языка писателя.

Следует всегда иметь в виду, что цели и задачи, которые ставят перед собой лингвист, изучающий историю строевых элементов языка, и лингвист, изучающий историю литературного языка, отличаются друг от друга коренным образом. Основная цель лингвиста, изучающего историю строевых элементов языка, заключается в прослеживании ис-

⁹ См.: А. И. Ефимов. Указ. раб.

¹⁰ В. В. Виноградов. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 89.

¹² Ю. Д. Дешериев. Социальная лингвистика. М., 1977, стр. 25.

тории звуков, грамматических форм и синтаксических конструкций. Историк языка должен прежде всего установить наиболее древнее состояние какой-либо группы родственных языков. Иными словами, он должен четко представлять основные характеристики праязыка, лежащего в основе групп родственных языков, его вокализм, консонантизм, важнейшие морфологические и синтаксические особенности. Эта точка — точка отсчета, без которой ему никак не обойтись. Создать историю строевых элементов языка совершенно немыслимо без установления точки отсчета, то есть определенного периода, отталкиваясь от которого должны изучаться исторические изменения явлений. Без точки отсчета нет исторической перспективы, следовательно, не может быть и самой истории.

Для историка языка проблема реконструкции имеет первостепенное значение. Используя данные более поздних эпох, он должен уметь реконструировать архетип.

У историка литературного языка этих проблем нет. Он должен установить отправной пункт или исторический период, с которого следует начать исследование истории литературного языка. Так, например, для лингвистов, занимающихся изучением истории русского литературного языка, таким пунктом является эпоха Киевской Руси, литературный язык древнерусской народности. У историков литературного языка нет проблемы литературного праязыка, поскольку такого явления вообще не существует, нет также проблем реконструкции, архетипов, форм под звездочкой и т. д.

Можно говорить о развитии и изменении литературных жанров и стилей, но на основании языка приказов и распоряжений современных министерств нельзя реконструировать деловой язык петровских канцелярий.

История строевых элементов языка не зависит от наличия письменных памятников. Можно создать историю языка, не имеющего вообще никаких письменных памятников. При этом могут быть использованы данные его диалектов и родственных языков. Историю же литературного языка создать без наличия письменных памятников невозможно.

История литературного языка не занимается проблемами происхождения звуков, грамматических форм и синтаксических конструкций. Она может их рассматривать только в аспектах, необходимых для истории литературного языка, и лингвист, работающий над проблемой диалектной базы литературного языка, выясняет, какие диалекты могли участвовать в образовании этой базы, но диалектами как таковыми он не занимается.

Происхождение такой особенности русского литературного языка как акание — чисто лингвистическая проблема. Историк же литературного языка может ее рассматривать как показатель диалектной основы русского литературного языка, который, как известно, сложился на базе среднерусского московского наречия, объединившего некоторые черты северных и южновеликорусских говоров. Акание его интересует как черта южнорусских говоров.

Отмечая в памятниках древнерусской письменности наличие церковнославянских и древнерусских слов, историк литературного языка констатирует в этих памятниках взаимодействие двух языковых стихий — церковнославянской и древнерусской, но он не занимается лингвистической трактовкой указанных слов.

Чем же, собственно, занимается история литературного языка, каков предмет ее исследования и где проходит граница между исторической грамматикой и историей литературного языка? А. И. Горшков до-

вольно четко проводит эту границу: «Историю русского языка в целом рассматривают обычно дополняющие друг друга и связанные друг с другом дисциплины: историческая грамматика и история литературного языка.

Историческая грамматика изучает русский язык в широком смысле слова, пользуясь данными как литературных памятников, так и народных говоров, рассматриваемых как явления, свойственные языку в целом, и как явления, свойственные отдельным диалектам и группам диалектов. Историческая грамматика изучает лишь историю звуков и грамматических форм, не касаясь вопросов их нормализации и стилистических функций в те или иные эпохи, не касаясь истории лексики, истории стиливых средств, особенностей языка отдельных произведений и отдельных писателей и, тем более, не касаясь таких вопросов, как взаимодействие различных разновидностей (стилей) литературного языка в те или иные периоды его истории, как вопрос о нормах литературного языка. Все эти вопросы рассматривает история русского литературного языка. Как видно, эта дисциплина занимается более широким кругом проблем, чем историческая грамматика, но ограничена только рамками литературного языка»¹³.

Несколько уже понимает задачи истории литературного русского языка А. И. Ефимов: «Задача курса истории русского языка — изучить процесс формирования и развития языка художественной, публицистической, научной, документально-деловой литературы и других важнейших ее жанров, которым соответствуют разновидности языка, называемые стилями. Историческое развитие литературного языка как системы стилей, формирование характерных для каждого стиля лексико-фразеологических, морфологических, синтаксических средств, а также приемов словесно-художественной изобразительности составляют предмет и основное содержание данного курса.

От исторической грамматики русского языка он отличается по своим задачам, материалам и методу исследования.

Занимаясь изучением развития звукового и грамматического строя языка с древнейших пор до нашего времени, историческая грамматика прослеживает это развитие применительно к разным видам письменной и разговорной речи. В задачу же истории литературного языка входит изучение вопроса нормализации грамматических средств, а главное — их стилистической дифференциации и закономерностей употребления в соответствии с формировавшимися стилями языка»¹⁴.

А. И. Ефимов прав в том, что абсолютно преобладающее количество тем, которыми занимается история литературного языка, падает как раз на изучение истории стилей.

В задачу истории литературного языка входит также взаимоотношение различных стилей в разные исторические эпохи. Так общей закономерностью, характерной для русского литературного языка эпохи XIV—XVI веков является бурное развитие письменности светского характера и постепенный отход на задний план церковно-богослужебных стилей.

В начальный период формирования русской нации (XVII век) в связи с появлением новых жанров письменности все шире используются элементы народной речи, закрепляясь в различных стиливых разновидностях языка. В это время «общенародная национальная речь» ложится в основу подлинно национального языка.

¹³ А. И. Горшков. История русского литературного языка. М., 1965, стр. 9.

¹⁴ А. И. Ефимов. Указ. раб., стр. 12.

В Петровскую эпоху резко меняется соотношение светских и церковно-богослужебных стилей. Однако процесс взаимовлияния этих стилей не прекращается. Идет напряженный трудный процесс преодоления стилистической пестроты и неупорядоченности, формирования нового литературного языка.

М. В. Ломоносов своей теорией трех стилей пытался внести известные ограничения в употреблении каждого из них, что привело к образованию новых соотношений между стилями. А. С. Пушкин по-своему продолжил этот процесс. «В творчестве Пушкина процесс демократизации русского литературного языка нашел наиболее полное отражение, так как в его произведениях произошло гармоничное слияние всех жизнеспособных элементов русского литературного языка с элементами живой народной речи»¹⁵.

Подлинная история литературного языка не должна обходить и проблемы влияния. Академик В. В. Виноградов, изучая историю русского литературного языка, занимался такими проблемами, как: византийские стили церковнославянского языка, влияние латинского языка, усиление западноевропейских влияний, процесс образования салонно-литературных стилей высшего общества на основе смешения русского языка с французским, освоение западноевропейской терминологии, литературный язык так называемой юго-западной Руси и его влияние и т. д.

По-видимому, влияние литературного арабского и персидского языков нужно учитывать и при изучении истории литературных языков некоторых тюркских и иранских народов СССР. Здесь следует, разумеется, не впадая в крайность, раскрыть объективную картину взаимодействия указанных языков.

Не может быть оставлена без внимания и проблема влияния одних стилей на другие, например, влияние городского просторечия на светско-деловую речь, синтез церковнославянской и русской языковых стихий, процесс стилистического смешения и скрещения в области лексики и фразеологии литературного языка, рост влияния научной и газетно-публицистической речи, взаимодействие между газетно-публицистическими стилями и стилями официальной и канцелярской речи, и многие подобные вопросы.

Проблема взаимоотношения русского литературного языка и народной разговорной речи неизменно интересовала лингвистов, занимавшихся историей литературного языка. Эти две формы языка всегда находились в процессе взаимодействия. В одни эпохи эти формы сильно отдалялись друг от друга, почти изолировались, в другие, например, в периоды образования наций и централизованных государств, взаимодействие между ними усиливалось и иногда приводило к созданию нового типа литературного языка.

Задачей историка литературного языка является также изучение исторических условий и процессов, вызвавших к жизни появление тех или иных стилей, а также их изменение и исчезновение.

Об основных направлениях, по которым развивался литературный язык в Петровскую эпоху, А. И. Ефимов пишет: «Происходит своего рода универсализация лексического и фразеологического состава языка, призванного обслуживать все возрастающие потребности мощного государства, развивающейся науки, культуры, искусства, техники. Например, в связи с развитием военного дела развиваются и такие разделы науки и техники, как фортификация, артиллерийское дело. Появ-

¹⁵ Е. Г. Ковалевская. История русского литературного языка. М., 1978, стр. 289.

ляются руководства по фортификации, т. е. по строительству различных укреплений; формируется терминология, относящаяся к морскому делу, судоходству; таким образом создается политехническая лексика и фразеология.

Новое административное устройство вызвало к жизни новые должностные чины, табель о рангах, чиновничью субординацию.

Значительно усложняется государственная деловая переписка. Так как состав чиновников формировался за счет светских людей, довольно плохо знакомых с церковнославянской речевой культурой, то в документы официально-канцелярского характера вносилось много элементов живой народной речи.

Экономические и политические преобразования вызвали к жизни многие новые речевые средства, ранее не употреблявшиеся в литературном языке, до этого не известные в письменности»¹⁶.

Глубокие революционные преобразования в России в период Октябрьской революции и создание социалистического государства не могли не отразиться на русском языке. Русский литературный язык в советскую эпоху освободился от влияния классовых жаргонов, существовавших в прошлом и в известной степени оказывавших влияние на нормы литературного языка. Старые нормы литературности были в необходимой степени пересмотрены. Средства литературного языка заметно обогатились за счет самых различных источников, которые ранее не служили таковыми для пополнения литературной речи.

История литературного языка может заниматься изучением языка писателей, поскольку роль писателей в создании литературного языка, особенно больших писателей, может быть весьма значительной. Однако это изучение может охватывать лишь небольшое количество произведений, в которых нашли характерное, наиболее яркое выражение типичные черты литературного языка данного периода.

Было бы неправильно думать, что историк литературного языка не интересуется изменениями структуры литературного языка, но, в отличие от лингвиста, занимающегося историей строевых элементов языка, он интересуется изменениями структуры языка в совершенно ином плане. Он обычно ограничивается простой констатацией этих изменений.

К XIV—XVI векам в русской разговорной речи существенно изменилась система временных форм глагола, продолжалось развитие категорий вида, аорист и имперфект стали восприниматься уже как устаревшие формы. Происходили большие изменения в именном склонении. Светские стили опирались в своем развитии на вновь образовавшиеся языковые средства¹⁷.

Историк литературного языка обычно отмечает эти изменения, но не занимается анализом их причин.

Как известно, в число примет определенного стиля литературного языка входят и чисто языковые признаки, например, документально-канцелярские стили Петровской эпохи характеризуются наличием шаблонных и устойчивых элементов (различные формулы, начала и концовки грамот-указов, сложные предложения с подчинительными союзами: *а буде, понеже, того ради, дабы* и т. п.), создававших представление об архаичной и устойчивой структуре предложения, стабилизовавшемся порядке слов, громоздкой фразе, характерных союзах и союзных словах, накладывавших на канцелярский стиль своеобразный отпечаток.

В стилистическом отношении канцеляризмы отличаются преобладанием лексики и фразеологии терминологического характера, а глав-

¹⁶ А. И. Ефимов. Указ. раб., стр. 79.

¹⁷ Там же, стр. 59—60.

ное — отсутствием эмоционально-экспрессивного словоупотребления, образно-метафорических выражений¹⁸.

Все отмеченные явления рассматриваются и исследуются в истории литературного языка только как языковые признаки определенного стиля, как его языковые приметы.

«Специфика литературного языка состоит в том, что это язык нормированный как в отношении словарного состава, так и грамматического строя. В отличие от диалектов, жаргонов, а также просторечных языковых средств, литературный язык немислим без исторически развивающейся литературной нормы. Она призвана устанавливать и узаконивать употребление типичного для литературного языка и его стилей известного круга слов и их значений (лексико-семантические нормы), морфологической структуры и синтаксических конструкций (грамматические нормы), а также самые способы и приемы употребления речевых средств, методы создания средств художественной изобразительности (стилистические нормы), не говоря уже о единообразном произношении»¹⁹.

Литературная норма изменяется в ходе исторического развития языка. Поэтому история литературного языка — это история не только стилей литературного языка, но также история образования его норм.

Немаловажной проблемой истории литературного языка является проблема его происхождения, которая может иметь различные аспекты. Одним из таких аспектов является вопрос о диалектной базе литературного языка. Но это наиболее простое решение вопроса. Иногда проблема происхождения литературного языка становится очень сложной. Так, например, некоторые языковеды считают, что русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский язык, другие, наоборот, утверждают, что он имеет русскую основу и только взаимодействовал с церковнославянским. Трудно решать проблему происхождения литературного языка также в тех случаях, когда у разных народов литературный язык был общим.

Насколько можно видеть из изложенного, две смежные дисциплины — история строевых элементов языка (историческая фонетика и грамматика) и история литературного языка — достаточно четко разграничены. И это важное обстоятельство следует обязательно учитывать в тюркологических исследованиях.

¹⁸ А. И. Ефимов. Указ. раб., стр. 88.

¹⁹ Там же, стр. 8.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Б. Х. СУЛТАНОВ

АРАБСКО-ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В «КУТАДГУ БИЛИГ» ЮСУФА БАЛАСАГУНИ

Дидактическая поэма Юсуфа хос Хаджиба Баласагуни «Кутадгу билиг» является как «по возрасту» (1069 г.), так и по объему (более 13 тысяч строк) наиболее значительным тюркоязычным письменным памятником XI века. Язык поэмы представляет особый интерес в связи с тем, что эпоха ее создания относится ко времени утверждения ислама в качестве господствующей и широко распространяющейся религии. Смена мировоззрения и религии народа, а также связанные с ней изменения всего уклада его жизни, не могли не сказаться и на языке, особенно на наиболее неустойчивой его части — лексике. Исследование лексики «Кутадгу билиг» показывает, что литературный язык¹ этой эпохи испытывал на себе большое влияние арабского и иранского языков, исламской идеологии, среднеазиатской культуры и науки.

Н. А. Баскаков следующим образом характеризует литературный язык того времени: «...Литературный язык Караханидского государства, сформировавшегося в среде уйгурских, тюркешских, ягма и карлукских племен, язык которых в результате взаимодействия с языками иранских племен, оказался языком-победителем, получив все же значительный слой арабской и иранской лексики (разрядка наша. — Б. С.) как результат этого взаимодействия и влияния сначала арабского, а затем персидского литературных языков Саманидского государства»².

Таким образом, влияние арабского и иранских языков затрагивало прежде всего лексику тюркского литературного языка эпохи Караханидов. Однако, ни лексика «Кутадгу билиг» в целом, ни арабско-персидский пласт ее в частности, не были до сих пор предметом специального изучения. Лексика «Кутадгу билиг» в той или иной степени нашла отражение во многих отечественных и зарубежных словарях и других изданиях. Наиболее полно систематизирована она в работе известного турецкого исследователя Р. Р. Арата, который при жизни смог опубликовать только первую часть своего труда — текст «Кутадгу билиг». Вто-

¹ О языковом состоянии в X—XIII веках, в особенности в период правления караханидов, см.: А. М. Щербак. Грамматический очерк тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 26; Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков, М., 1962, стр. 257—258; Э. Н. Наджип. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1970, № 6, стр. 49—51.

² Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 257.

рая часть — перевод, а третья — индекс³ — увидели свет только после смерти автора. В индексе приведен в алфавитном порядке весь словарный состав «Кутадгу билиг». Слова арабско-персидского происхождения целиком вошли в индекс. Они приводятся в одном ряду с исконно тюркскими и словами другого происхождения, причем снабжены особыми пометами.

Значительная часть лексики «Кутадгу билиг» отражена в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) и в знаменитом радловском «Опыте словаря тюркских наречий» (СПб., 1893—1911). Авторами «Древнетюркского словаря» была предпринята попытка возможно полное охватить лексику «Кутадгу билиг», которая в «Словаре» В. В. Радлова представлена довольно скупо. Поэтому «Древнетюркский словарь» и особенно индекс Р. Арата являются ценными источниками для лексико-семасиологического исследования языкового материала произведения Юсуфа Баласагуни.

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с проникновением в язык и употреблением арабско-персидской лексики в «Кутадгу билиг». Для сравнения нами привлекаются данные лексики «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари. Если язык «Кутадгу билиг» — художественно-литературный, то язык «Дивана» — скорее разговорно-литературный язык того времени.

Сравнение лексики этих двух памятников одного и того же периода показывает большое различие между ними как в количестве, так и в употреблении арабско-персидской лексики.

Арабско-персидские слова в «Диване» Махмуда Кашгари были исследованы Х. Г. Нигматовым⁴, обнаружившим здесь всего двадцать слов, отмеченных Махмудом Кашгари как заимствования из арабского или персидского языков. Однако Х. Г. Нигматов приводит высказывания автора «Дивана» о том, что «тюрки, особенно огузы, после смешения с ираноязычными (персами) позабыли некоторые исконно тюркские слова и вместо них употребляют персидские. Так, например, вместо тюркского слова *qoṭṭaṇ* (комган) говорят *āftāba* (кувшин)...»⁵. Из этого замечания можно сделать вывод, что автор «Дивана» включил в словарь лишь часть арабско-персидской лексики, употреблявшейся в речи тюркоязычного населения.

В «Кутадгу билиг» арабско-персидские слова представлены намного шире, чем в сочинении Махмуда Кашгари, хотя и не так полно, как в письменных памятниках более позднего — староузбекского периода⁶.

Слова арабско-персидского происхождения в лексике «Кутадгу билиг» можно подразделить на несколько групп.

1. Первую и наиболее значительную группу слов составляют арабско-персидские заимствования, имеющие эквиваленты в тюркском языке. Например:

п. *xīrad* (из вводного стихотворения) // т. *ög* 'ум, разум'.

³ R. R. Arat. *Kutadgu bilig*. III. *Endek's. Neşre hazırlıyanlar* Kemal Erarslan и др. *Sтамбул*, 1979, 566 стр.

⁴ Х. Г. Нигматов. Махмуд Кашгарский о взаимовлиянии тюркских и иранских языков. — В сб.: «Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А. Н. Болдырева». М., 1969, стр. 101—104 (по-топ-ринт).

⁵ Там же, стр. 103.

⁶ См.: В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников А. Навои. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1969, стр. 17—28.

- а. *adad* (2594)//т. *san* 'число'⁷;
 п. *xazyna* (1892)//т. *komüč, jumqu* 'клад';
 а. *kitab* (1550)//т. *bitig* 'книга', 'писание';
 а. *šarāb* (2865)//т. *čarug* 'вино', 'спиртное';
 а. *žavab* (965)//т. *janut* 'ответ';
 п. *arzu* (476)//т. *tilāk* 'мечта', 'желание';
 а. *xijla* (2102)//т. *al* 'хитрость', 'обман';
 п. *dušman* (1023)//т. *jaуу* 'враг';
 а. *qādyг* (из вводн. стих.)//т. *оуап* 'могучий' (эпитет Аллаха);
 а. *kamal* (из вводн. стих.)//т. *jeluk* 'совершенство';
 а. *falak* (1277)//т. *evrān* 'небосвод';
 а. *burž* (134)//т. *ōkāk* 'созвездие';
 а. *xalq* (мн. ч. *xalajik*; 1632)//т. *budun* 'народ';
 а. *rasul* (введение)//т. *jalavač, savču* 'посол', 'посланник', 'пророк';
 а. *qut* (1228)//т. *jem* 'еда';
 а. *qavl* (45)//т. *söz, sav, aјуу* 'слово', 'сказанное обещание';
 п. *rānd* (184)//т. *ōgūt* 'наставление';
 а. *še'г* (2592)//т. *qošuу* 'стихи, песня';
 а. *qamar* (453)//т. *aj* 'луна';
 а. *qismāt* (1711)//т. *ülüg* 'судьба', 'доля';
 п. *čāra* (5395)//т. *etig* 'средство' ('путь избавления');
 а. *sanā* (3151)//т. *ōgdi* 'хвала';
 п. *dost* (4087)//т. *eš* 'друг', 'приятель'.

Слова этой группы составляют почти сорок процентов общего количества арабско-персидской лексики. Следует особо отметить, что такие заимствования и их тюркские эквиваленты в языке произведения употребляются параллельно:

- pekü ersa barmu ölümkä etig* (1174)
 'имеется ли какое-либо средство (избавления) от смерти?'
pekü xijla barkim angar čarasiz (1168)
 'что (что за) уловка, от которой нет средства (избавления)',
...sengār berdi qut (1228)
 'он (Аллах) дал тебе еду'.
jaуу jarlyqayul ičür ber jegü (484)
 'помилуй постороннего, напои (его), дай есть'.

Причиной проникновения заимствований этой группы в литературный язык была тенденция к обогащению синонимических средств языка и, несомненно, также требования поэтической формы — метрической системы стихосложения (*аруз*).

II. Вторую группу заимствований составляют арабско-персидские слова, значения которых в тюркском языке передавались словосочетаниями, фразеологизмами и парными словами. Например:

- а. *qijamat* (47)//т. *uluу күп* 'день страшного суда',
 а. *du'a* (1025)//т. *eđgü tilāk* 'молитва, доброе пожелание',
 п. *rozi* (1094)//т. *jem-ičim* 'хлеб насущный',
 а. *zinā* (1322)//т. *arıpsyz iš* 'блуд',
 а. *mašruq* (5557)//т. *kuntoуар* 'восток'.

Известно, что все языки могут выражать описательно (словосочетаниями) значение любого слова другого языка. Однако при тесном контакте двух и более языков такие описательные способы выражения и

⁷ Номер бейта, в котором встречается данное слово, указывается по изданию: Юсуф хос Ходжиб «Кутадгу билиг». Тошкент, 1972. Лексические примеры даны в транскрипции на основе латинской графики, принятой редакцией журнала «Советская тюркология». Для отсутствующих в редакционной транскрипции звуков использованы следующие знаки: ' — для звука *ع*, ' — для хамзы. Условные обозначения: а. — слово арабского происхождения; п. — слово иранского происхождения; т. — тюркское слово.

кальки, как правило, вытесняются заимствованиями. Ср.: вытеснение словосочетаний (или сложных слов) *uluḡ kün, jem-ičim, küntoḡar* и т. д. словами *a. qijamat, a. rizq, a. šarq (mašriq)* и т. д. Эти заимствования, обогащая лексику, делают язык более емким. Ср.: употребление слов *qijamat* и *uluḡ kün* в одинаковых контекстах: *qijamatta kōrgit tolun-teḡ jüzin* (47) 'в день страшного суда покажи мне его лицо, (подобное) полному (месяцу)' — *uluḡ kündä qylyḡ elig tuttačy* (61) 'в день страшного суда сделай его для меня спасителем'.

III. Значительную группу арабско-персидских заимствований составляют слова, выражающие понятия, известные и в тюркском языке. Однако тюркские и заимствованные слова различаются самобытными оттенками, переносными значениями.

Ср.: *a. qapa'at* (из вводного стихотворения) 'удовлетворенность', 'довольствование малым'//т. *serinç* 'терпение, выносливость'; *a. davlat* (532) 'счастье, успех, удача с оттенками богатства, обеспеченности'//т. *qut* 'счастье, успех (без указанных выше оттенков)'. К тюркскому *qut* по своему значению более близко п. *baxt* (89); *a. 'adl* (из вводного стихотворения) 'справедливость, беспристрастность'//т. *kōnilik* (2819) 'правдивость, праведность'; *a. 'amr* (6238) 'приказ, повеление'//т. *jarlyḡ* (2775), 'повеление, предписание'; *a. aḡal* (5270) 'смерть, смертный час, конец'//т. *ölüm* 'смерть'; *a. vasijjat* (914) 'завещание'//т. *qumaru* (6137) 'завещание, завет', 'памятные вещи, наследство'; *a. hikmat* (2658) 'мудрость, знание'//т. *bilig* 'знание'; *a. p. byuḡā* (1489) 'непостоянный, неверный, недолговечный'//т. *jajuḡ* 'неустойчивый, непостоянный'; *a. vaqt* (1199) 'время, период'//т. *özlāk* 'время (удобный момент)'; 'судьба, рок'; п. *gadāj* (1889) 'нищий, живущий подаяниями'//т. *čiyaj* (1889) 'бедный, неимущий'; п. *žap* (1380) 'душа, духовное качество'//т. *öz* 'сущность, душа, сознание'; *a. ra'ijat* (5603) 'подданный'//т. *budun* 'народ'.

Заимствования такого рода обогащают лексику языка и его выразительные возможности. Автор «Кутадгу билиг» мастерски пользуется этим. Ср.: *biliglig biligsiz čyḡaj bar ja baj /uq'ušluḡ uq'ušsuz otun bar gadaj* (1889) 'имеются знающий и невежда, бедный и богатый/ смысленный и несмысленный, ничтожный и нищий'.

Рассмотренные выше три группы арабско-персидских заимствований обогащали синонимические средства языка, разнообразили оттенки значения слов. Широкое употребление таких заимствований в языке поэтического произведения обуславливалось также требованиями рифмы, метрики, особенностями поэтической речи. Поэтому с достаточной степенью уверенности можно сказать, что основы тенденции к употреблению арабско-персидских слов в тюркской литературной поэтической речи без ограничений были заложены уже в X—XI веках и получили дальнейшее развитие в последующие эпохи.

Кроме того, переход к оседлому образу жизни, приобщение тюркских народов к мусульманской культуре, принятие ими ислама, способствовали появлению в жизни древних тюрков неизвестных доселе реалий, новых обычаев и традиций и т. д. Многие новые понятия обозначались словами арабского или иранского происхождения. Таких слов немало и в «Кутадгу билиг». Об этом свидетельствует язык бесед и споров между Кютогды, Айтолды, Огдюлмишем и Озгурмышем, в которых затрагиваются различные вопросы хозяйственной и экономической жизни, политики, этики, эстетики, медицины, военного дела и религии. По-

⁸ В «Древнетюркском словаре» последний оттенок значения не отражен, однако он имеется, ср.: *turub rakvā birlā tajaqyn alyb/elig otru urdu qumaru qylyb... eligmā kötürsü kumaru birin* (6137—6139) 'Он поднялся, взял кувшин и посох, поставил перед правителем как памятные (вещи). Пусть правитель возьмет как памятное одно из них'.

скольку после принятия ислама его влияние на науку и культуру стало решающим⁹, научные термины и, само собой разумеется, прежде всего названия понятий, обрядов, связанных с религией, были заимствованы из арабского или персидского языков, хотя некоторые из них обозначались также тюркскими кальками. Это породило отношения синонимичности между арабско-персидскими заимствованиями и тюркскими кальками. Например, основатель ислама Магомет именуется а. *gasul*, перс. *raḡambar* и тюркским словом *savču* (букв. 'вестник' от тюрк. *sav* 'слово', 'весть', и *-ču* — имяобразующий аффикс), *jalavač* 'посол', 'посланец'. *Sevüg savči idty baḡuḡsaq' idi* (33) 'Милостивый господь ниспослал любимого пророка'. В этой строке слова *sevüg*, *savču*, *baḡuḡsaq' idi* являются, собственно говоря, кальками: а. *habib* 'любимый (эпитет пророка)', п. *raḡambar* [букв. 'носитель (хорошей) вести, устного поручения'], а. *raḡmān* 'милостивый, милосердный (эпитет Аллаха)', а. *gabb* и п. *xuda/xudavand* 'господин, хозяин, властитель'.

Со временем значительное количество таких калек было вытеснено арабско-персидскими заимствованиями. Так, если Махмуд Кашгари дает слово *jūkūn* в значении «молиться» (*qul tengrigā jukundi* 'раб молился богу', III, 92)¹⁰, то в «Кутадгу билиг» *jūkūn* в значении «молиться» почти не употребляется и замещается сложным глаголом *памаз qul* 'молиться'. Точно так же, как и *jūkūnč*, употребляемое в «Диване» в значении «мусульманская молитва» (III. 385), в «Кутадгу билиг» замещается словом п. *памаз*.

Из числа арабско-персидских заимствований, обозначающих понятия, обряды и традиции, связанные с религией, можно указать: а. *du'a* (1025) 'молитва, благожелание, благословение'; а. *dīn* (349) 'религия'; а. *zuḥd* (из введ. стих.) 'набожность, благочестие'; а. *īmān* (386) 'вера'; а. *kaḡir* (4774) 'неверный, иноверец'; а. *mašjid* (5372) 'мечеть'; п. *goza* (3188) 'пост'; а. *imḡāt* (36) 'приверженцы ислама как некое единое общество'; *qazu* (5217) 'судья'; *haḡam* (1418) 'нечистый', 'запрещенное религией'; п. *faḡištā* (2194) 'ангел'; а. *haḡ* (3200) 'паломничество'.

Кроме религиозных терминов, в «Кутадгу билиг» встречаются заимствованные термины в области математики, астрономии, географии, этнографии, медицины. Например, астрономические: а. *asur* (91) 'эфир'; а. 'arḡ (3311) 'небо', 'небосвод'; *burḡ* (119—120) 'созвездие' (наряду с тюркским *ökäk*; 1343); а. *kavakib* (119—120), *nuḡum* (2593) 'звезды' (наряду с тюрк. *julduz*)¹¹; математические: а. *handasa* (2744) 'геометрия'; а. *ḡam* (4277) 'сложение'; а. *taḡyq* (4277) 'вычитание'; а. *misahat* (4277) 'измерение площадей'; а. *zarb* (4275) 'умножение'; а. *qismat* (4275) 'деление'; а. *kasur* (4275) 'дробь'; медицинские и химические: а. *kimja* (304) 'химия'; п. *baḡam* (5889) 'мокрота'; а. *kaḡur* (4744) 'камфара'; п. *ḡulab* (4552), *ḡulanbin* (4552) 'особо приготовленный лечебный напиток'; географические и этнографические: а. *maḡyūq* (5557) 'восток, восточные страны'; а. *maḡin* (вводное стихотворение)

⁹ Ряд исследователей, в частности академик В. В. Бартольд, видят одну из причин быстрого распространения ислама среди тюркских народов именно в этом. Так, В. В. Бартольд пишет: «Главное преимущество ислама заключалось, конечно, в культурном первенстве мусульманского мира, одинаково в области материальной и духовной культуры, среди образованных народов того времени» (В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 68).

¹⁰ Тома и страницы «Дивана» указываются по его переводу на узбекский язык: Махмуд Кошгарий. Туркий сүзлар девони [Девону луғот-ит-турк], т. I—III. Тошкент, 1960—1963.

¹¹ Следует отметить, что тюркские названия планет и созвездий еще не были тогда вытеснены арабско-персидскими наименованиями.

‘Верхний Китай’; *tažik* (3226) ‘таджики’; *a. zangi* (3247) ‘негроид’, ‘чернокожий’ и т. д.

Помимо религиозных и научных терминов, под влиянием развитой культуры местного ираноязычного населения в быт и культуру тюркоязычных народов вошли такие новые реалии (чаще всего со своими названиями), как: *a. qalam* (290) ‘тростниковое перо’; *a. vazir* (2143) ‘визирь’; *a. bajt* (572) ‘двуступище’; *a. davat* (3148) ‘чернильница’; *a. kitab* (1550) ‘книга’; *a. muhtasib* (5438) ‘чиновник-надзиратель за правильным исполнением канонов шариата’; *a. gakva* (6137) ‘кувшин для омовения’.

Значительное количество арабских слов служит для выражения различных абстрактных понятий: *a. ‘adl* (из вводного стихотворения) ‘справедливость’; *a. afijat* (351) ‘безопасность’; *a. ‘ajb* (521) ‘недостаток’, ‘позор’; *a. balavat* (2655) ‘красноречие’; *a. zina* (1322) ‘блуд’; *a. ‘ilm* (4277) ‘наука’; *a. millat* (86) ‘нация’; *a. siyasat* (2096) ‘политика’; *a. ‘uqbā* (2123) ‘загробная жизнь’; *fana* (1) ‘тленность’; *a. fazl* (389) ‘достоинство, совершенство’; *a. hažat* (1463) ‘нужда’ и т. д.

Необходимо особо подчеркнуть, что вспомогательных слов, а также синтаксических конструкций арабско-персидского происхождения в языке «Кутадгу билиг» очень мало. Из союзов персидского происхождения более или менее широко используются *agag* ‘если’ (наряду с тюркским *qalu*) и арабский *va-* ‘и’.

Среди арабско-персидских слов, употребляемых в языке «Кутадгу билиг», арабских заимствований, как это явствует из приведенных примеров, значительно больше, нежели персидских. Общее число таких заимствований составляет более 400 слов, что, конечно, несравненно меньше, чем количество таких заимствований в произведениях XIV века, но значительно превышает число арабско-персидских слов в текстах «Дивана» Махмуда Кашгари.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Н. МАЛЕХОВА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА В ПОЭМЕ НАВОИ «ЛИСАН УТ-ТАЙР» («ЯЗЫК ПТИЦ»)

При анализе строфической и образно-смысловой структуры текста «Лисан ут-тайр»¹, то есть бейтов и их последовательности, следует прежде всего учитывать все важнейшие исторические и эстетические категории, характерные для эпохи Навои. Б. А. Ларин справедливо отмечал «неверно направленный интерес» читателя и исследователя при соприкосновении со своеобразным миром древних литературных памятников, что, по мысли Б. А. Ларина, затрудняет объективную оценку свежести и действительности, а также самой эстетической и художественной эффективности литературного факта давних лет².

Правильное понимание содержательных и выразительных свойств бейта требует уяснения всех его эстетико-художественных функций, и при этом — непременно в связи с общим контекстом всей поэзии, имеющей своей основой «бейтовую» структуру.

Бейт, будучи основной строфической и образной единицей, представляет также и единицу смысла (оба его полустихия объединены одной мыслью). В маснави обязательная для бейта афористичность³ допускает некоторые исключения: она может порою утрачиваться, однако только во имя «развития» сюжета.

В маснави бейты при всех своих свойствах художественной обособленности, завершенности и афористичности обязательно должны быть связаны определенной последовательностью, диктуемой развитием сюжета⁴. Однако это развитие характеризуется неторопливостью, эпической сдержанностью. Движение от бейта к бейту происходит в рамках основного содержания посредством минимальных «накоплений» нового в развитии заданного смыслового направления. Эта особенность текста отражает одно из свойств средневековой эстетики в целом. Свойство это заключается в стремлении автора приблизиться к идеальному отражению задуманного посредством различных «подходов» к одной и той же микротеме и убеждению в том, что только путем последовательного приближения к отображению сокровенного смысла можно достичь желаемого результата⁵. В этом плане характерны фрагменты поэмы, такие, например, как бейты №№ 1789—1801.

¹ Все отсылки к тексту поэмы Навои, номера ее бейтов и фрагментов даются по изданию: Алишер Навоий. Лисонут-тайр. Илмий-танкидий текст. Тошкент, 1965.

² См.: Б. А. Ларин. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974, стр. 76.

³ См., например, бейты №№ 625, 785, 826, 918, 1576, 1685, 2073, 2104, 2320 и др.

⁴ Ср. свойства бейтов в газели: Е. Э. Бергельс. Навои. М.—Л., 1948, стр. 74.

⁵ См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 114—117.

Нанизывание сходных смыслов позволяло сохранять в бейте то качество, которое являлось мерилом его эстетической ценности, а именно — афористичность. Это свойство бейта в русле упомянутых эстетических норм и требований удавалось культивировать благодаря неторопливости сюжетного движения (см., например, бейты №№ 1721—1729).

И все же для «Лисан ут-тайр», как и для других произведений подобного жанра, наиболее характерным является «такое членение стихового потока, при котором последовательность определенного количества связанных друг с другом бейтов как бы прерывается бейтом-афоризмом, заключающим данное смысловое единство»⁶. Таковы в поэме почти все ответы Удода другим птицам (см. фрагменты №№ 83—148, особенно, №№ 109, 112).

Несомненно высокое искусство Навои в создании своеобразной гармонии бейтов, требующей согласованности их «разбега» с отделкой каждого из них как замкнутой единицы текста. Эту черту поэзии Навои подтверждает почти каждый произвольно выбранный фрагмент поэмы (см., например, бейты №№ 2062—2073).

Строфическая структура поэтического текста в жанре маснави связана и соотнесена и с его образной структурой. Общий строй образности «Лисан ут-тайр» характеризуется гиперболичностью и максимализмом, вообще свойственными поэзии народов Передней и Средней Азии. Система образов в целом подчинена этикетным требованиям: образы традиционны и по тропам, и по словесному выражению, сравнению и эпитеты стандартизованы и строятся на основе «общепринятого».

Объективная оценка названных свойств образного строя возможна лишь на основе ясного понимания важнейших особенностей средневековой эстетики, с ее привязанностью к таким художественным ценностям, которые освящены традицией и закреплены в сознании данной среды в виде устойчивых моделей, блоков, знаков, символов⁷. Такое понимание художественно-эстетических ценностей связано с характерным для средневековья тяготением к церемониалу и в общественной жизни. Согласно представлениям людей феодальной эпохи, красиво то, что принято считать проявлением хорошего тона, благосопитанности, умения поступать в духе, подобающем добропорядочным людям⁸.

Именно в этом аспекте и должны оцениваться образы поэзии Навои и, в частности, поэмы «Лисан ут-тайр».

Наиболее характерной структурной особенностью образов этой поэмы является их «двоичность» («бинаризм»), объясняющаяся бинарностью средневекового мышления вообще⁹, а также и тем, что для исследуемого текста, равно как и для всей поэзии Навои, образ и бейт фактически совпадают, а бейт, как известно, двоичен по своей структуре.

Таким образом, к основным свойствам бейта как образа¹⁰ следует отнести:

1) Гиперболичность, максимализм. 2) Традиционность, предположенность, заданность сравнений (с частичным выходом за пределы

⁶ С. Н. Иванов. Поэма Алишера Навои «Язык птиц» (Опыт переводческого истолкования). — В сб.: «Мастерство перевода». Сборник десятый, 1974. М., 1975, стр. 146.

⁷ Д. С. Лихачев. Указ. раб., стр. 97.

⁸ Там же, стр. 94—97.

⁹ Там же, стр. 120—121.

¹⁰ Вопросы образной структуры бейта применительно к лирическим жанрам персидско-таджикской поэзии рассматриваются в работе: М.-Н. О. Османов. Стиль персидско-таджикской поэзии IX—X веков. М., 1974.

традиции). 3) Бинаризм структуры образа-бейта. 4) Автологичность образов и ее соотношение с другими выразительными средствами.

1. Гиперболичность, максимализм

№№ 997—1001.

Жил-был шах — месяц в зените красоты,
Луноликие были его войском, а он был шахом.

От его стана было унижение кипарису,
От его лика — посрамление солнцу.

Смutoю для всего мира явился лик его,
Губительно было лицезрение того лика.

Ссоры из-за его красоты вспыхивали по всей вселенной,
В души врывались губительные набеги любви к нему.

И такова красота его была, что дано ему было украшать весь мир,
А неги и неприступности ему было дано еще в сто раз больше.

Гиперболизация как художественный прием свойственна устному народному творчеству и имеет богатые традиции в тюркском героическом эпосе¹¹.

Гиперболичность образов «Лисан ут-тайр», разумеется, следует рассматривать в связи с тенденцией всей средневековой литературы к преувеличениям¹². При этом нужно, по-видимому, учитывать и специфические свойства тюркоязычной литературы, связанные со стремлением к изображению необычайного, из ряда вон выходящего¹³. Эти особенности тюркоязычных литератур нашли отражение и в значительном объеме эпических произведений; сравним объем «Манаса», «Алпамыша» и других произведений этого плана¹⁴.

Строй гипербола Навои связан обычно с космическими представлениями (см. бейты №№ 1104, 1152, 2528, 2679 и др.).

Однако это лишь одна сторона гиперболизации. Другую ее сторону составляет максимализм в описаниях красоты в рамках традиционных сравнений, а также в сравнениях нетрадиционного плана.

2. Традиционные в нетрадиционные сравнения. Как известно, единственность и неповторимость сравнений характерны для литературы нового времени. В средневековых литературах господствует жесткая привязанность сравнений к описываемому, что проистекает из особенностей мышления того времени, ориентированного на эстетику узнавания, а не на эстетику познания¹⁵. В представлении средневековых авторов и читателей сравнение как бы давалось свыше для извечной и потому максимально верной характеристики изображаемого.

Так, например, если взять один лишь внешний облик человека, то набор сравнений здесь был строго ограничен:

лицо-роза, -солнце, -светило, -луна, -огонь, -свеча (бейты №№ 1232, 1278, 2819, 1976, 3228);

стан-кипарис, -самшит, -древо рая, -буква алиф (бейты №№ 998, 1108, 2818, 2898, 3228, 2896);

глаза-нарциссы, -индусы, -смута судного дня, -погибель правверных (бейты №№ 1529, 1128, 1113);

бровь-месяц (полумесяц), -сабля, -михраб (бейт № 1112);

ресницы-стрелы, -пики, -кинжалы (бейт № 1114);

уста-точка, -рубин, -яхонт, -родник, -живая вода (бейты №№ 1117, 1118, 1119);

¹¹ См.: В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 65—66.

¹² См.: Д. С. Лихачев. Указ. раб., стр. 118, 120, 176—177.

¹³ См.: В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 392—393.

¹⁴ Там же, стр. 25.

¹⁵ См.: Д. С. Лихачев. Указ. раб., стр. 180—183.

тело-серебро (бейты №№ 1976, 2898)¹⁶.

Определенный круг сравнений присущ и другим предметам и явлениям действительности:

движение-молния, -ветер (бейты №№ 670, 1480, 1512, 1570, 2535);
красноречие-попугай, -мед, -сахар (бейты №№ 268, 271, 3298, 3299).

Тем не менее в «Лисан ут-тайр» встречаются сравнения, лежащие вне «обязательного перечня» традиционных сопоставлений. Этот факт сам по себе весьма интересен и заслуживает специального изучения. Исследователями разных литератур неоднократно отмечалось, что у великих поэтов нередко случаи «скачков в более позднюю поэтику»¹⁷. Подобный факт применительно к творчеству А. С. Пушкина отмечает Ю. Олеша. В «Каменном госте» у А. С. Пушкина есть такие строки:

Когда сюда, на этот гордый гроб,
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Уход от привычных тропов первой половины XIX века здесь очевиден.

В этом плане чрезвычайно любопытны образы «Лисан ут-тайр», подобные образному решению бейта № 6:

Луну он(-творец) сделал наподобие небесного ногтя:
Взял этот ноготь в качестве полумесяца (речь идет о лунке ногтя).

(Ср. также бейты №№ 150, 3303 и др.).

3. Бинаризм структуры образа-бейта. Бейт двоичен по самой своей природе. Наличие в нем двух полустий (мисра) предопределяет и его смысловую структуру, для которой характерен параллелизм, поддерживаемый в жанре маснави (в отличие от газели и других жанров) также и рифмовкой двух полустий между собой.

Двоичность смысловой структуры бейта реализуется как сближение, сопоставление, сравнение, сличение двух каких-либо предметов, явлений и т. п. Это свойство бейта находится в четкой гармонии с бинаризмом средневекового художественного мышления¹⁸.

Названная особенность средневекового мышления нашла свое отражение и в философских построениях суфизма, в основе которых лежит постоянный последовательный дуализм представлений и понятий. Естественно, что в поэзии, возникшей на идейной и эстетической основе суфизма, собственно поэтические образы восприняли упомянутый дуализм. Результатом этого явилось становление и упрочение своеобразной поэтики, отмеченной ярко выраженными дуалистическими, дихотомическими особенностями: «... При рассмотрении образов приходится постоянно помнить, что применение их обычно происходит в форме своеобразной дихотомии. Образ положительный обычно сопровождается его диаметральной противоположностью, являющейся его отрицанием. Этот дуализм не может показаться странным, если учесть то обстоятельство, что основной смысл таухида и заключается в том, чтобы путем того или иного метода слить воедино две диаметрально противоположные величины. Исходя из основного противопоставления *ваджиб*—*мумкин* (необходимость—возможность), мы находим это раздвоение красной нитью проходящим по всем суфийским концепциям, начиная от противопоставления духовных миров и кончая раздвоением в психических переживаниях посвящаемого...»¹⁹.

¹⁶ Ср. описание возлюбленной Бахрама в поэме «Семь планет»: Алишер Навоий. Асарлар. Ун беш томлик. IX т. Сабъаи сайёр. Тошкент, 1965, стр. 23—33.

¹⁷ См.: Ю. Олеша. Ни дня без строчки. Из записных книжек. М., 1965, стр. 209.

¹⁸ См.: Д. С. Лихачев. Указ. раб., стр. 120.

¹⁹ Е. Э. Бергельс. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, стр. 111.

Такое попарное соположение понятий претворяется в поэзии в собственно поэтические категории стилистико-синонимических повторений, симметрии, контраста и т. п.²⁰

Наиболее частыми в поэзии рассматриваемой эпохи, в том числе и в поэме «Лисан ут-тайр», были противопоставления: а) величия и ничтожества (бейты №№ 970, 972, 976, 1679 и др.); б) шаха и нищего (бейты №№ 1816, 2176, 2641 и др.); в) мрака неверия и светоча истинной веры (бейты №№ 1109, 1486, 3268 и др.); г) океана и капли (бейты №№ 1546, 2697 и др.); д) лика и кудрей (бейт № 1110 и др.).

Элемент противопоставления присутствует и в сравнениях: сравниваются объекты духовного мира и мира материального, обычные смертные люди и герои мусульманской мифологии, мир людей сравнивается с миром природы, животных. Сравнения эти подчеркивают и духовность материального мира, и как бы связывают весь мир, созданный высшею волею, в единое целое²¹.

Многие подобные сравнения становятся традиционными, к ним часто прибегают в сходных ситуациях, они начинают восприниматься как обязательные. Трафаретные сравнения автор стремится использовать в каких-то особых, отличных от уже известных, ситуациях (см., например, сравнения утреннего света, рассвета — с камфарой, а ночи — с черным мускусом — бейты №№ 18, 1476, 2918 и др.; красавицы — с солнцем или луной — бейты №№ 1232, 1976, 2819 и др.; стройного стана — с кипарисом — бейты №№ 998, 2818, 2898 и др.; прекрасного облика — с красотой павлина — бейты №№ 2410, 3228 и др.).

Традиционные сравнения были широко распространены в литературе и привычны для читателя. И если с точки зрения литературы нового времени такие сравнения воспринимаются скорее как недостаток, нежели достоинство, то для литературы средневековой достоинство сравнения заключалось именно в его традиционности. Художественное сравнение создает образ для того, чтобы подчеркнуть, выделить тот или иной признак. Знакомое, привычное сравнение вызывает в памяти и знакомый образ, знакомую ситуацию, создает определенное настроение. В этом и видел свою задачу средневековый автор²².

4. Автологичность образов и ее соотношение с другими выразительными средствами. Основная особенность поэтической речи средневековой тюркской поэзии, более других обращающая на себя внимание исследователя, привыкшего к тропам европейской (особенно современной) поэзии, это — почти безусловная автологичность языка.

Слова в подавляющем большинстве стихов употребляются в своем прямом значении и поэтому не создают эффекта остранения в поэтических образах. Это специфическое явление, относящееся и к поэзии эпохи Навои, также следует оценивать в свете не современных, а средневековых эстетических представлений о художественных ценностях²³. Вместе с тем необходимо учитывать и значение рационального, а не экспрессивного начала в средневековой поэзии Ближнего Востока²⁴.

Поэтический язык, характеризующийся указанными особенностями, с позиций современной поэтической эстетики воспринимается как несколько суховатый и прозаичный, иногда почти лишенный образов в собственном смысле слова. В «Лисан ут-тайр» многие бейты выявляют именно эту рационалистическую сухость:

²⁰ См.: Т. Ахметов. Алишер Навоийнинг «Лайли ва Мажнун» достони. Тошкент, 1970, стр. 117—118.

²¹ См.: Д. С. Лихачев. Указ. раб., стр. 180.

²² См.: Д. С. Лихачев. Указ. раб., стр. 97—103.

²³ Там же, стр. 97.

²⁴ См.: «История персидской и таджикской литературы». М., 1970, стр. 241, 258, 269—270.

Каждый из них сказал слово по собственному разумению,
Ни одному не приходилось взглянуть на слона (№ 2674).

В конце концов я увидел, что жизнь спешит,
Ну, как я умру, и эта книга останется недосказанной (№ 3506).

Тот, кто является человеком, не говорит о наружной красоте,
А кто гордится ею — не человек (№ 631).

Подобный строй поэтического языка связывают обычно с понятием автологичной речи, противопоставляя ее металогичной.

Металогичный, то есть образный поэтический язык также не чужд поэзии Навои, но он занимает в ней менее значительное место, и соотношение металогичности и автологичности в стихах Навои, в том числе и в его поэме, иное, нежели в поэзии нового времени. При этом элементы металогичной речи, имеющие в творчестве Навои, основываются на простой метафоричности, которой чужды остранные образные построения.

Вот несколько примеров металогичных образных решений у Навои:

Да и какая же это ночь печали, если в пустоте небес
Самый лик сотворенного ты сделало черным! (№ 1164).

Я не ведаю даже, сказать ли мне о бедствиях ночи
Или же сказать о бедствиях дня, выпавших мне? (№ 1170).

В зените красоты он — сверкающая звезда,
В шкатулке благодати он — сверкающий самоцвет (№ 2406).

Приведенные факты показывают, что художественность тропов и образов Навои как бы лежит в иной плоскости, чем в привычных тропах и образных конструкциях европейской поэзии. Поэтому понять художественные средства, которыми Навои добивается высокопоэтического звучания стиха, это значит уяснить основные особенности реализации в его поэзии поэтического содержания в специфически свойственных последнему формам.

В качестве общей тенденции в «Лисан ут-тайр» (и вообще в произведениях жанра маснави) выступает следующее соотношение автологичной и металогичной речи: автологичная речь в принципе динамична — она двигает повествование, как бы не задерживаясь на поэтических красотах (отсюда и некоторая «сухость» ее), тогда как металогичная речь в поэме по своей природе статична, и ее задача — создавать собственно поэтическое оформление в особо важных случаях²⁵.

Приемы, используемые Навои в русле этой общей тенденции, многообразны. Остановимся на некоторых из них.

А. Утонченная рациональность содержания как основа поэтичности бейта. Названная особенность свойственна главным образом бейтам, связанным с выражением суфийских мотивов:

В едином из единого возникло единственное,
И не подвластно разуму говорить об этом (№ 2748).

Настало такое проявление единства,
Что двойственность стала несуществующей (№ 2912).

Кто взъярился посредством несуществующего,
Тот уже вообразил себя существующим (№ 3122).

Б. Цепь образов-бейтов, связанных единым смыслом и нарастанием экспрессии:

В моем теле нет столько сил и мощи,
Чтобы оно могло быть столь же подвижным, как и слезы.

Голове моей не станет сил, чтобы претерпеть столько ударов,
Чтобы претерпеть столько сокрушений от обилия печалей (что падают) сверх

каменья

²⁵ Ср. сказанное выше об афористичности содержания бейта.

Где очи мои, чтобы обратить их на лик той луны,
Чтобы перенять свет лучей того солнца?

Где чело, чтобы припасть к тому порогу,
Как раб, павший в мольбе перед шахом?

Где руки, чтобы камнями поражать грудь,
Чтобы посыпать голову горстями праха?

Где рассудок, чтобы владеть собой,
Пока заблуждение не проложило путь в обитель мозга?

Где разум, дабы сказал (он мне), что нужно предпринять,
Чтобы исцелить разбитое сердце?

Где терпение, которое сотворило бы средство от моих страданий,
Или срастило бы осколки моей печени?

Где сердце, которое воспекалось бы от моих бедствий,
Ведь и поныне мертво сердце!

Где душа, чтобы совершить хоть один вздох,
Ее, как и сердце, не могу я найти! (№№ 1173—1182).

Подобный прием весьма характерен для поэтической манеры Навои. Это — нанизывание образов-бейтов как бы на одном дыхании, причем все они выстраиваются в один экспрессивный ряд, состязаясь друг с другом в выразительности. Мастерство Навои в этих цепочках бейтов чрезвычайно высоко. В таких рядах бейтов у Навои можно наблюдать тщательный и даже иногда изысканный подбор синонимов, искусное варьирование какого-либо одного элемента (например, риторического вопроса в приведенной выше последовательности бейтов) и другие столь же выразительные художественные приемы. Аналогичное нагнетание экспрессии можно видеть в последовательностях бейтов №№ 1194—1220, 1526—1538 и т. д.

Среди художественных средств, имеющих отношение к проблеме металогики поэтического языка Навои, важное место занимают игра слов, структурный параллелизм (тарси) и некоторые другие особенности, но это уже особая тема.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. А. ГАНИЕВ

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ)

В существующих грамматиках тюркских языков, которые, как правило, созданы по принципу «от формы к содержанию» описание структуры языка производится примерно по следующей схеме: через приводимую форму какой-либо грамматической категории раскрывается семантика последней. Так, например, в «Грамматике татарского языка» В. Н. Хангилдина дается форма направительного падежа, указываются его форманты и утверждается, что данная форма обозначает: «1) направление действия или процесса к какому-либо лицу или предмету; 2) направление действия или процесса к какому-либо месту; 3) время или временные пределы какого-либо действия или процесса; 4) цель какого-либо действия или процесса; 5) причину или мотив какого-либо действия или процесса»¹.

Данная система описания грамматического строя языка может быть названа «формативной», ибо здесь приводятся формативы языка с последующим раскрытием их значений, тем самым как бы устанавливается примат формы над выражаемым ею значением.

Хотя в описании грамматического строя тюркских языков по данной системе и достигнуты определенные успехи, однако в отдельных грамматиках тюркских языков не вся система формальных средств выражения грамматических значений установлена и описана, особенно это касается аналитических грамматических средств. Авторы ряда грамматик вообще исключают их из арсенала грамматических средств, не описывают их, не раскрывают грамматического содержания.

По нашему мнению, для описания грамматического строя и системы словообразования тюркских языков можно избрать и другой способ, а именно — принцип «от содержания к форме». Такую систему следовало бы назвать «семантической». Принцип описания языков «от значений к средствам их выражения» выдвигает Б. А. Серебренников, который предлагает строить исследование не на основе логических категорий, а на материале конкретного языка². Аналогичного мнения придерживаются в своих работах Т. В. Булыгина³, С. Н. Иванов⁴, А. В. Бондарко⁵. По

¹ В. Н. Хангилдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр. 87—88.

² См.: «Принципы описания языков мира». М., 1971, стр. 11—30.

³ Т. В. Булыгина. Об организации плана содержания с точки зрения ее соответствия организации плана выражения. — «Проблемы языкознания». Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967, стр. 62—68.

⁴ См., например: С. Н. Иванов. Методологические вопросы тюркской грамматики. — «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений». Алма-Ата, 1976, стр. 97—98.

⁵ А. В. Бондарко. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, стр. 169—170.

этому поводу В. С. Храковский пишет, что «исходным пунктом исследования должна служить опора на значение, а результатом исследования должен быть реестр тех формальных средств, которые используются для обозначения данной грамматической функции как в одном и том же, так и в различных языках»⁶.

До настоящего времени нельзя было поставить вопрос о семантическом способе описания грамматики тюркских языков, ибо без обстоятельного анализа грамматического строя с помощью формативной грамматики невозможно раскрыть и установить систему грамматических значений языка.

Наиболее важным является установление системы грамматических значений, в отличие от неграмматических. Для этого необходимо выявить сущностные признаки грамматических функций (значений), определить критерии различения грамматических и неграмматических языковых значений.

Неграмматические значения подразделяются на лексические и стилистические. К стилистическим относятся, например, значения, выраженные стилистическими суффиксами типа *-qaj/-kāj*, *-cyq/-ček* и т. д.

С другой стороны, многие тюркологи под «грамматическим значением» понимают лишь значения, выраженные аффиксами, что сужает категорию грамматического значения.

К грамматике относятся все те значения, которые не принадлежат к лексике и стилистике. Нам представляется более правильным широкое понимание грамматического значения, ибо без этого языковые значения, не являющиеся лексическими, остаются за рамками грамматических исследований.

Как известно, к грамматическим значениям языковеды относят: 1) значения морфологических категорий (например, категории падежа, времени и т. д.); 2) значения членов предложения (например, определение, дополнение и т. д.); 3) значения типов предложений (например, вопросительные, восклицательные предложения и т. д.). Как видно, в отмеченных грамматических значениях трудно найти общий, объединяющий их признак. Тем не менее их «грамматичность» почти ни у кого из лингвистов не вызывает сомнений.

К лексическим значениям относятся реальная семантика слов и словообразовательные значения. В абсолютном большинстве случаев в тюркологии сущностная природа грамматических значений уже определена, хотя по отдельным вопросам и существуют противоречивые мнения. На наш взгляд, настало время исследовать грамматику тюркских языков по принципу «от грамматических значений к формам».

Семантическая грамматика, опираясь на достижения формативной грамматики, должна систематизировать и классифицировать грамматические значения, снабдив каждое из них списком всех формальных средств его выражения.

Категория падежа, например, в тюркских языках, как известно, выражает отношение обозначаемого предмета к другим предметам или действиям (процессам).

При создании «семантической грамматики» по категории падежа все ее значения (имеются в виду выраженные грамматические отношения между словами) должны быть систематизированы и классифицированы на основе достижений формативной грамматики, и для каждого

⁶ В. С. Храковский. Принципы типологического описания содержательных грамматических функций. — «Тезисы докладов первого международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: «Теоретические проблемы восточного языкознания», ч. II, М., 1977, стр. 78.

падежного значения — приведены формальные средства его выражения. Рассмотрим падежное отношение, обозначающее «причину действия или процесса». Это грамматическое значение выражается, во-первых, направительным падежом: Könnär salqyn ɣa ülännär kütärelmi 'Из-за холодных дней травы не поднимаются'; во-вторых, направительным падежом в сочетании с послелогоми или послеложными словами: Könnär salqyn ɣa küğä ülännär kütärelmi 'Из-за холодных дней травы не поднимаются'; в-третьих, аналитическим падежом, то есть именно-послеложной конструкцией: Könnär salqyn bulu säbäple ülännär kütärelmi 'Из-за холодных дней травы не поднимаются' или же Könnär salqyn bulɣan ɣa ülännär kütärelmi 'Из-за холодных дней травы не поднимаются'; в-четвертых, творительным падежом: Könnär salqyn lyqtan ülännär kütärelmi 'Из-за холодных дней травы не поднимаются'.

Как показывают факты языка, одно грамматическое значение, в данном случае одно падежное значение, в татарском языке может выражаться пятью формальными средствами.

Между значениями, выраженными вышеприведенными формальными средствами, наблюдаются лишь незначительные, еле уловимые оттенки, но все они обозначают одно грамматическое значение: «причину действия или процесса».

Словообразование в тюркских языках также может быть описано по принципу «от содержания к форме». Для этого необходимо анализировать его в связи и в зависимости от производящих основ, по структурно-функциональному принципу.

Как пишет И. С. Улуханов, «Систему словообразования или ее подсистемы можно представить в виде семантического поля, расчлененного на участки, соответствующие значениям формантов, причем некоторые участки могут частично или полностью перекрываться»⁷.

При семантическом принципе исследования словообразования к каждому словообразовательному значению необходимо дать реестр выражающих его словообразовательных средств. Как известно, словообразовательное значение имеет несколько характерных признаков.

Во-первых, словообразовательное значение, в отличие от грамматических значений, охватывает, как правило, лишь часть слов, относящихся к той или иной части речи. Во-вторых, оно не имеет и не образует противопоставлений, как это свойственно морфологическим категориям. В-третьих, словообразовательное значение не является индивидуальным значением отдельного слова. Оно выделяется путем сопоставления производных и производящих слов.

При формативном способе описания словообразования в одном месте концентрируются все значения одного форманта, но это неизбежно ведет к многократному повторению одних и тех же значений при раскрытии содержания других дериватов⁸.

При семантическом способе описания, то есть при описании словообразования с точки зрения семантики, словообразовательное значение указывается только в одном месте, а дериваты — в соответствующих местах (несколько раз)⁹.

Приведем описание ряда словообразовательных значений у глаголов, например, словообразовательное значение: «приобретать по качеству или признак, который выражен производящей основой». Производя-

⁷ И. С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977, стр. 131.

⁸ Там же, стр. 10—11.

⁹ «Русская грамматика». Т. I, М., 1980, стр. 133—452.

щая основа при этом выражает признак, формант — его становление. Это общее словообразовательное значение в тюркских языках может выражаться двенадцатью дериватами¹⁰:

1) суффиксом *-la/-lä*: *aqsaqla-* 'хрометь', *aqynla-*, 'медлить', *irkenlä-* 'почувствовать (себя) свободно';

2) суффиксом *-laş/-läş*: *unglaş-* 'праветь', *sullaş-* 'леветь', *bjuokratlaş-* 'бюрократизироваться', *duşlaş-* 'подружиться';

3) суффиксом *-lan/-län*: *liberallan-* 'становиться либералом', *jalqaulan-* 'стать ленивым', *islän-* 'тухнуть', *susyllan-* 'становиться сочным', *telsezlän-* 'неметь';

4) суффиксом *-yr/-er (-ar/-är)*: *peşkär-* 'утончиться', *jangar-* 'обновиться', *qysqar-* 'укоротиться', *jaqtyr-* 'рассветать', *aṡar-* 'побелеть';

5) суффиксом *-ra/-rā (-yra/-erā)*: *minggerä-* 'тупеть', *sälperä-* 'дрябнуть';

6) суффиксом *-yq/-ek*: *sajyq-* 'мелеть', *čupyq-* 'закаляться', *sawyq-* 'выздороветь';

7) суффиксом *-a/-ā*: *buša* 'ослабеть', *läšperä* 'стать дряблым';

8) суффиксом *-y/-e*: *kime-* 'уменьшаться', *puṡu-* 'укрепляться', *baṡu-* 'богатеть';

9) суффиксом *-aj/-āj*: *maturaj-* 'стать красивым', *kōāj-* 'стать упитанным', *qugysaj-* 'стать резким';

10) суффиксом *-yl/-el (-al/-äl)*: *tözäl-* 'поправиться', *terel-* 'выздороветь', *ungal-* 'поправиться';

11) суффиксом *-sy/-se*: *kükse-* 'плесневеть', **qaqsy-** 'вялиться';

12) суффиксом *-n (-an/-än)*: *tözän-* 'прихорашиваться'.

Рассмотрим другое словообразовательное значение: «подвергать или подвергаться воздействию того предмета, который выражен производящей основой». В этом случае производящей основой является имя существительное; дериват выражает значение воздействия. Данное значение может выражаться восемью формантами:

1) суффиксом *-la/-lä*: *aṡula-* 'отравить', *köllä-* 'золить', *qairyla-* 'дубить', *balawyzla-* 'вошить';

2) суффиксом *-landyr/-länder*: *gazlandyr-* 'газировать', *serkäländer-* 'опылять', *duṡlandyr-* 'увлажнять';

3) суффиксом *-laştyr/-läşter*: *elektrilaştyr-* 'электрифицировать', *igenläşter-* 'лабиализовать', *borynlaştyr-* 'назализовать', *ionlaştyr-* 'ионизировать';

4) суффиксом *-lat/-lät*: *žillät-* 'проветривать', *okislät-* 'окислять';

5) суффиксом *-yr/-er*: *iser-* 'угореть', *bäsär-* 'заиндеветь';

6) суффиксом *-syn/-sen*: *küksen-* 'подвергаться сглазу', *jalqynsyn-* 'воспаляться', *žilsen-* 'заболеть';

7) суффиксом *-sytl/-set*: *žäberset-* 'обижать', *qyṡynsytl-* 'затруднять';

8) суффиксом *-ṡar/-gär (-qar/-kär)*: *suṡar-* 'орошать', *žilgär-* 'веять', *eškär-* 'обработать'.

Словообразовательное значение: «действовать так, как это свойственно лицу или животному, обозначенному производящей основой» выражается суффиксами *-lan/-län*, *-la/-lä*, *-laş/-läş* и т. д.

Как мы видим, краткий экскурс в описание словообразовательных значений по схеме «от содержания к форме» раскрывает весьма интересную языковую картину. В словообразовательных значениях отдельных дериватов наблюдаются лишь небольшие нюансы, не выходящие за рамки общего значения.

¹⁰ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке. Казань, 1976, стр. 9—87.

В настоящее время уже имеется описание всей системы словообразования русского языка по принципу «от значения к форме»¹¹.

В тюркологии имеется лишь одно описание словообразования с точки зрения словообразовательных значений глаголов, принадлежащее В. А. Исенгалиевой¹².

Семантическая грамматика, на наш взгляд, даст возможность раскрыть и исследовать также так называемые «скрытые грамматические значения» в языке¹³. Так, значения функционально-семантических категорий, не имеющих иногда эксплицитных признаков, остаются вне внимания языковедов, как правило, вообще выносятся за пределы лингвистических исследований. Само собой разумеется, что лишь описание как выраженных, так и скрытых грамматических значений позволяет создать полную картину грамматического строя языка.

Исследование языка с точки зрения семантики необходимо прежде всего для раскрытия глубинных явлений его грамматического строя и словообразования. Оно позволяет классифицировать и обобщить систему семантики грамматики и выявить в отдельных случаях скрытые грамматические значения.

С другой стороны, без семантической грамматики языков невозможно научно достоверное сопоставительное изучение их грамматического строя, ибо сопоставление с точки зрения формальных средств не дает желаемых результатов, носит поверхностный характер. **Сопоставление грамматики языков по примату семантических признаков позволяет получить более или менее правильное и системное представление о содержательной структуре сопоставляемых языков, что является основной задачей сопоставления.**

На базе семантических грамматик можно успешно вести и типологические исследования. Как показывают факты, на основе сопоставления языков с точки зрения примата формальных средств невозможно получить достаточно полную типологическую картину. Лишь опираясь на семантику, можно вести достаточно глубокое типологическое изучение языков.

Описание грамматики и словообразования, например, с точки зрения примата значения поможет уточнить методику изучения и формулировки грамматических и словообразовательных значений, а также дать более четкую их классификацию.

Все это подтверждает необходимость разработки семантических грамматик тюркских языков и исследования словообразования по принципу «от значения к форме».

Следует признать, что это сложная и трудная задача, ибо до сего времени еще не все грамматические и словообразовательные значения изучены, исходя из единых научных принципов формативной грамматики и формативного словообразования. Во многих грамматиках аналитические средства выражения грамматических значений вообще остаются вне поля зрения их авторов. Еще не разработаны приемы и методика семантического описания грамматики и словообразования языка. Можно надеяться, что со временем эти трудности будут преодолены и тюркологи разработают рациональную методику семантического описания языка, создав на ее основе семантические грамматики тюркских языков.

¹¹ См.: «Русская грамматика», стр. 133—452.

¹² См.: В. А. Исенгалиева. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. Алма-Ата, 1966.

¹³ Б. Л. Уорф. Грамматические категории. — В сб.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972.

К. М. АБДУЛЛАЕВ

О СТАНОВЛЕНИИ МОНОПРЕДИКАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Обычно такое логико-грамматическое явление как предикативность рассматривается в качестве одного из критериев определения предложения. «Каждому предложению, независимо от состава и строения, присуща предикативность, т. е. отнесенность к действительности, которая и делает его средством формирования и сообщения мысли»¹. Можно напомнить также замечание Э. Бенвениста о том, что предикативность является таким свойством предложения, по сравнению с которым все другие представляются вторичными².

Непосредственно характеризуя предложение, предикативность в формальном плане представляет собой своеобразное соединение глагольной формы с подлежащим через общую для них идею субъекта. При этом обязателен определенный повтор, назначение которого заключается в том, что идея субъекта, выраженная в начальной позиции подлежащим (или любым другим именем, а также местоимением), должна повториться, чтобы в известном смысле замкнуть данную систему (предложение). Второй элемент повтора в тюркских языках находит выражение в личных окончаниях глагола-сказуемого. Структура подобного повтора предопределяет рамочный характер построения предложения в тюркских языках вообще и в азербайджанском в частности. Например: *Мән мәктәбә кәлирәм / Сән мәктәбә кәлирсән / О мәктәбә кәлир.*

Окончание предложения в грамматически абстрагированном виде (то есть через личные аффиксы *-м*, *-сән* и нулевой аффикс) возвращает память к начальному, лексически выраженному, элементу повтора³. Именно эта рамочность позволяет выделить данное предложение из речевого потока без обращения к таким, в подобных случаях несущественным, второстепенным явлениям, как интонация, модальность, вре-

¹ Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 138.

² См.: Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. — «Общая лингвистика». М., 1974, стр. 138. Ср. также: С. Н. Цейтлин. Категория предикативности в ее отношении к высказыванию и предложению. — В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1975, стр. 168; П. В. Чесноков. О предикативности как свойстве предложения. — В сб. «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1975, стр. 171; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1978, стр. 155 и др.

³ Чем глубже мы проникаем в историю языка, тем явственнее выступает связь глагола с подлежащим. См.: Ы. Мирзэзаде. Азәрбајҹан дилинин тарихи синтаксиси. Баки, 1968, стр. 67.

мя и т. п. Таким образом, исходя из сказанного, мы можем постулировать следующее положение: любой отрезок текста должен квалифицироваться как предложение, если в линейной последовательности слов появляется второй элемент повтора — личное окончание, возвращающее нас к начальному элементу повтора, то есть к лексически выраженной идее субъекта.

В современном азербайджанском языке простое предложение представляет собой монопредикативное структурно-семантическое единство, то есть предложение характеризуется не просто предикацией, а именно — единой предикацией. Поэтому возникает необходимость проследить становление этой монопредикативной структуры предложения, ибо только детальный анализ исторического развития какого-либо грамматического комплекса (в данном случае предложения) может пролить свет и на характер его современного функционирования. Этот анализ вызывается еще необходимостью определения структурной роли предложения в большем контексте.

В данной статье мы будем придерживаться той точки зрения, что монопредикативное предложение в современном азербайджанском языке восходит к такому его состоянию, когда оно при наличии тех же составляющих имело несколько квазипредикативных точек⁴. Проследивая историю возникновения квазипредикативных точек, можно убедиться в том, что квазипредикация в свою очередь возникла на базе полной предикации⁵.

Тот факт, что в более древнем состоянии языка элементы предложения обладали большей предикативностью, неоднократно отмечался исследователями. Так, Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал, что «на древнейших ступенях развития языка любое слово могло быть предикативным»⁶. В дальнейшем, по мнению этого автора, слова постепенно освободились от предикативности и эмоциональности⁷. Следовательно, закономерен вывод о том, что чем древнее исторический пласт языка, тем большую роль играет в нем предикация, и наоборот. Таким образом, в развитии предикативной структуры предложения можно выделить три основных состояния; 1) исходное состояние, характеризующееся наличием сильных, вернее, равносильных предикативных точек в структуре цельного предложения; 2) промежуточное состояние, в котором начинается процесс элиминации некоторых предикативных точек с тенденцией сохранения в перспективе единого предикативного центра; 3) конечное состояние, в котором завершается процесс элиминации некоторых предикативных точек за счет выделения единого предикативного центра.

Для того, чтобы проследить особенности перехода от одного состояния в другое, необходимо подробнее остановиться на характерных особенностях каждого этапа.

Необходимо сразу же оговорить, что исходное состояние фактически трудно поддается специальному исследованию. В данном случае нам придется довольствоваться теоретико-гипотетическими опреде-

⁴ Под квазипредикативными точками здесь имеются в виду неличные формы глагола, вполне активные в составе предложения, а также некоторые добавочные позиции, в которых могут возникнуть предикативные формы. Ср. положение о том, что неличные обороты речи могут быть названы потенциальными предложениями (см.: А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, стр. 11, 59).

⁵ Квазипредикативному элементу у А. Демирчизаде соответствует исходное сказуемое. Ср.: Ә. Демирчизаде. Мүасир Азәрбајҹан дили. Чүмлә үзвләри. Бақы, 1947, стр. 32.

⁶ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб, 1912, стр. XXV.

⁷ Там же, стр. XXX.

лениями. Главная трудность здесь заключается в практическом реконструировании функции этого состояния, то есть самого текста. Однако, семантический объем данного термина не следует отождествлять с современным пониманием «текста».

Текст исходного состояния представляет собой некоторый «синтаксический континуум», то есть такое единство, для элементов которого предикативность нерелевантна как отличительный признак, поскольку все эти элементы предикативны в равной степени. С другой стороны, как уже отмечалось, исходное состояние — это тот абстрактный уровень, единицы которого, ввиду недостаточности материала по истории языка, фактически невозможно выделить. Иначе говоря, текст исходного состояния в принципе не может быть функционально восстановлен, то есть отсутствует реальная возможность дать, например, его иллюстрацию, хотя об этом состоянии в целом мы и можем иметь некоторое представление, впрочем, достаточное для прослеживания путей формирования предложения.

Текст исходного состояния (далее — исходный текст) — это зародыш современного предложения. В нем уже как бы запрограммированы промежуточные и самое поверхностное состояния в развитии структуры предложения.

Каким же образом исходный текст переходит в качественно новое состояние?

По ходу развития структуры предложения выделяются его основные составляющие — имя и глагол⁸, а на последующих этапах формируются и другие члены предложения. Переход от исходного текста, то есть от такого состояния, в котором языковые понятия представлены в синкретическом виде, к расчленению, видимо, совпадает с определенным моментом резкого скачка в развитии сознания и мироощущения древнего человека, который из окружающей его природы выделил сначала себя, затем сосредоточился на окружающем его мире и только потом уже как творец языка начал связывать между собой все постигнутые им понятия. Подобная связь или контакт понятий и эволюционировали в предложении. Данный контакт должен был быть точным, то есть рамочным и, главное, достаточным. Только после этой стадии, предложение переходит в фазу промежуточного состояния.

В первую очередь следует отметить, что каждый расчлененный член предложения выносит из того синкретического континуума (как мы огрубляя называем исходное состояние) свою долю предикативности, присущую исходному тексту в целом, одновременно сообщая эту предикативность промежуточному состоянию структуры предложения. Для каждого расчлененного элемента предложения степень предикативности представляется разной. Именно это обстоятельство и привело А. А. Потебню к выводу, что предикативность различным членам предложения присуща в разной степени⁹. Отметим, что это положение с точки зрения истории языка (т. е. предикативность причастий и деепричастий) конкретно разрабатывали такие последователи А. А. Потебни¹⁰, как Д. Н. Овсяннико-Куликовский¹¹ и А. А. Шахматов¹².

⁸ О расчленении структуры предложения на определенном этапе его развития см.: И. И. Мещанинов. Проблемы развития языка. Л., 1975, стр. 107 и сл.

⁹ См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I, Харьков, 1888, стр. 118.

¹⁰ Именно А. А. Потебней было введено понятие «второстепенное сказуемое». О равносильности причастия и глагола см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958, стр. 190 и сл. Ср. также: С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. М.—Л., 1936, стр. 54.

¹¹ См.: Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Указ. раб., стр. 74.

¹² См.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Вып. I, Л., 1925, стр. 22.

Об определении как о «деградировавшем сказуемом» писал Г. Пауль¹³, об атрибутивности, возникающей из предикативности, — Д. Н. Овсянко-Куликовский¹⁴. Вслед за ними некоторые современные исследователи распространяют этот тезис на отношения и связи между элементами предложения. Так, И. И. Ревзин в атрибутивной связи двух элементов («маленькая девочка») обнаруживает глубинное депрецированное предложение («девочка есть маленькая»)¹⁵.

Сказанное подтверждает в известном смысле самостоятельность позиций членов предложения в промежуточном состоянии благодаря органически присущей им предикативности. Однако эта самостоятельность относительна и зависит от степени предикативности конкретного члена (элемента) предложения в процессе его функционирования. Следует отметить, что не все элементы предложения смогли сохранить свою предикативность. В некоторых из них, таких, как существительное, прилагательное, наречие, предикативность как бы законсервировалась, в ряде других — утратила свою активность и стала проявляться в виде квазипредикативности. Именно наличием квазипредикативных точек в структуре предложения и характеризуется промежуточное состояние. Типологически близкое явление можно наблюдать в унганском языке. И. И. Мещанинов пишет: «Так, пользуясь в основном структурой простого предложения, унганский язык допускает стечение в одном и том же предложении двух предикативных форм, что в русском переводе, при его строе сложного предложения с сочинением и подчинением (то есть при наличии альтернативы. — К. А.) передается подчиненным построением, в котором выступают относительные местоимения или причастные обороты»¹⁶.

Аналогичное положение отмечается и в ненецком языке, принадлежащем к той же группе¹⁷.

Обратимся к примерам. Вступление к произведению «Книга моего деда Коркута» начинается следующим предложением: *Расул элејһусса-лам двврүнэ јахын Бајат бојундан Горгуд ата дерлар бир ар гонду* 'Ближе ко времени пророка, мир над ним, из племени Баят вышел муж, именуемый Коркут ата'. Формально здесь имеются две предикативные точки — одна в элементе *дерлар*, другая — в *гонду*. Однако структура предложения в целом не позволяет определить его как сложное, ибо один из его предикативных элементов, а именно *дерлар*, явно слабее другого предикативного здесь элемента — *гонду*. Поэтому слово *дерлар* выступает здесь в качестве квазипредикативного элемента. Таким образом, в структуре предложения наличествуют два предикативных центра — один с полной предикативностью, другой — квазипредикативный. Последний образуется вследствие несоответствия структуры элемента его функции в составе предложения. Форма *дерлар* не передает такого грамматического содержания, которое необходимо для того, чтобы она воспринималась как достаточно сильный предикативный центр. Новое грамматическое содержание этой формы — содержание причастия, однако оно выступает в старой форме.

И. И. Мещанинов пишет: «Каждой грамматической форме свойственно определенное содержание, причем в движении находится как форма, так и содержание. Изменение содержания может вызвать к жизни

¹³ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 165 и сл.

¹⁴ Ср.: Д. Н. Овсянко-Куликовский. Указ. раб., стр. XXVI.

¹⁵ И. И. Ревзин. Формальный и семантический анализ синтаксических связей в языке. — В сб.: «Применение логики в науке и технике». М., 1960.

¹⁶ И. И. Мещанинов. Указ. раб., стр. 151.

¹⁷ Там же.

ни новую форму, но видоизмененное содержание может вкладываться и в старую. Форма может сохраняться и при измененном ее смысловом значении»¹⁸. Это замечание И. И. Мещанинова полностью относится и к приведенному нами примеру из «Книги моего деда Коркута». При восстановлении смысловой структуры, то есть нового содержания, пример будет выглядеть так: — *Рәсул әлејһүссәлам дөврүнә јахын Бајат бојундан Горғуд ата (дејилән) бир әр гонду*.

Функциональное назначение элемента *дерлар* дает нам основание трансформировать пример, рассматривая его в плоскости грамматического содержания. Именно в трансформированной форме причастия заметнее проявляется указанное А. Н. Кононовым особое свойство данного элемента быть сказуемым-атрибутом первой части сложного целого, раскрывающим содержание подлежащего (то есть элемента *әр*. — К. А.) второй части¹⁹. На это свойство данного элемента обратил внимание и А. З. Абдуллаев. Он вслед за К. Брокельманом отметил, что подобный комплекс является основой для образования придаточных определительных предложений²⁰.

Примечательно, что в памятнике «Книга моего деда Коркута» подобный тип предложения представлен довольно широко, ср.:

1) *Тәрсузамыш дерларди Оғузда бир јикит варды* 'В Огузе был отважный муж по имени Терсузамыш'.

2) *Дирсә хан дејирларди бир бәјин оғлу-гызы јохду* 'У бека по имени Дирсе-хан не было ни сына, ни дочери'.

3) *Гысырча Јенкә дерларди бир хатун варды* 'Была одна женщина по имени Гысырджа Йенге'.

Словоформы *дерларди*, *дејирларди* в этих примерах, естественно, могут быть трансформированы в причастные формы с *-ан*, которые еще сохраняют тесную связь с предикативной функцией (ср.: *дерлар* — *дејилән*²¹).

Н. З. Гаджиева показывает два способа ослабления глагольности: «а) превращение *verbum finitum* в причастие, деепричастие, где глагольность достаточно сохраняется, б) превращение *verbum finitum* в отглагольное имя, где глагольность сильно ослаблена»²². Во всех приведенных выше примерах из «Книги моего деда Коркута» глагольная форма *дерларди* по своей функции отвечает требованиям причастия, то есть в языковом сознании превращается в него. «В каждом языке существует известная тенденция к грамматическому совершенствованию, — к созданию для соответствующих значений специальных грамматических показателей»²³. Таким образом, появление новой функции предполагает образование новой причастной формы, в которой, как отмечает Н. З. Гаджиева, «глагольность достаточно сохраняется».

Несоответствие формы элемента и его содержания (*resp.* функции) проявляется и в предложениях с более сложной структурой в уже близкое нам время. Ср.: (*Ананын*) *инди дә өмрү кечиб, әлдән дүшүб*,

¹⁸ И. И. Мещанинов. Указ. раб., стр. 307.

¹⁹ См.: А. Н. Кононов. Китаби-дедем Коркут (грамматические заметки). — «Известия АН Азерб. ССР. Серия общественных наук», Баку, 1965, № 4, стр. 77.

²⁰ См.: Э. З. Абдуллаев. «Китаби-деде Горғуд» дастанларында табели мурәккәб чүмләр. — «Ученые записки Азгосуниверситета им. С. М. Кирова. Серия „Язык и литература“». Баку, 1973, № 2, стр. 63.

²¹ Ср. точку зрения С. Н. Иванова, который не считает возможным искать в определительных конструкциях адекват простого предложения, то есть им устраняется предикативный момент в зависимых частях предложения (см.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959, стр. 88; *его же*. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969, стр. 179 и сл.).

²² Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, стр. 213.

²³ Там же, стр. 212.

сән дә ону ахыр күнүндә көздән гојмајасан, һәм мәним руһум сәндән разы олар, һәм аллаһ (А. Ахвердов) 'Мать твоя прожила свою жизнь, обессилела, и если ты не оставишь ее в ее последние дни, то и мой дух будет доволен тобой, и аллах'.

Обратим внимание на форму желательного наклонения *гојмајасан*. Здесь эта форма выступает в функции условного наклонения²⁴ и потому ее предикативность явно ослаблена. (Ср. формы чистой условности, которые всегда квазипредикативны, то есть обязательно предполагают наличие более сильного предиката в составе главного компонента условного периода). Формы же желательного наклонения могут выступать как полноправные предикативные элементы в конечной позиции предложения. Ср.: *Амма бу сөһбәти бир јердә ачыб данышмајасан* (А. Ахвердов) 'Но этот разговор ты не пересказывай в другом месте'.

Таким образом, становится ясно, что предикативность этой грамматической формы законсервирована и может актуализироваться. Однако, если в конечной позиции эта структура выражает повелительное грамматическое содержание и полностью предикативована, то в интерпозиции (*гојмајасан*) ее грамматическое содержание (при одинаковых формальных показателях) имеет явный условный оттенок. Интерпозиция и обусловленная ею условная семантика ослабляют предикативность, которая в другом случае (в постпозиции) актуализируется. Здесь форма также предикативная, хотя содержание ей явно не соответствует, и в результате элемент в целом предстает как квазипредикативный.

Квазипредикативная точка в структуре предложения может создаваться неличными формами глагола, занимающими постпозицию по отношению к определяемому. Ср.: 1) *Бир нәфәр чаван оғлан баш вә бығы ағармыш бир чувала башын сөјкәјиб јатыб* (А. Ахвердов) 'Один молодой парень с седой головой и усами спал, прислонив голову к мешку'; 2) *Бурада Әскәр ики һәфтәнин ичәрисиндә башына кәләнләри түфәнки адамлара тутмуш нағыл еләјиб гуртарандан сонра деди* (А. Ахвердов). 'Здесь Аскер, направив дуло ружья на людей, рассказал все, что с ним случилось за две недели'.

В данном случае на сильное предикативное «прошлое» элементов *ағармыш* (1-й пример) и *тутмуш* (2-й пример) указывает только их предикативная постпозиция. Грамматическое содержание этих элементов совершенно новое: в первом случае по своему грамматическому содержанию это причастие, во втором случае — деепричастие. Форма на *-мыш* как составной элемент причастия *ағармыш* используется в атрибутивном плане, сочетаясь с субъектом — *оғлан*. В рамках простого предложения форма на *-мыш* может использоваться и как деепричастие (ср. пример 2-й), а также передавать обстоятельственные значения²⁵.

Для того, чтобы квазипредикативная сущность формы на *-мыш* не вызывала сомнений, нам следовало бы показать, что она может иметь соответственно своей функции также и полную предикативность. В памятнике «Книга моего деда Коркута» форма на *-мыш* употребляется в конечной позиции в соотносительности с 3-м лицом: 1) *Дәдә Горғуд оғланын атасына сөјләмиш, көрәлим, ханым, нә сөјләмиш* 'Деде Коркут сказал отцу парня... посмотрим, хан мой, что он сказал'; 2) *Хан гызынын евиндә гул-хәләјыг түкәнмиш* 'В доме ханской дочери не осталось прислуги'.

²⁴ Ср.: Мирзә Рәһимов. Азәрбајчан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи. Бақы, 1965, стр. 87—91.

²⁵ См.: Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 300.

Если в современном азербайджанском языке форма на *-мыш* не выступает в абсолютной постпозиции предложения в 3-м лице (ср.: *Хан гызынын евиндә гул-хәләјуг түкәнмишдир*), то в турецком языке этой форме присуща такая позиция. В современном турецком языке она выступает как в функции определения (*gelmiş tren*), так и в функции сказуемого (*tren gelmiş*)²⁶ (соответственно в интерпозиции и постпозиции). Таким образом, в турецком языке форма на *-мыш* имеет предикативную функцию по всей парадигме спряжения²⁷. В истории азербайджанского языка наблюдается та же картина. Здесь предикативная функция формы на *-мыш*, после превращения элемента с этой формой в причастие, сохраняется только благодаря постпозиции этого элемента по отношению к определяемому. Если иметь в виду, что предикативная форма в тюркских языках приходится на конец предложения, то в этом постпозиционном употреблении можно видеть определенную тенденцию к сохранению старой функции, которая, кстати, служит передаче предикативности. Та же тенденция сохранения старой функции отчасти наблюдается даже в препозиции к определяемому, то есть элемент с предикативной формой в своей новой позиции (препозиция!) способствует образованию маленького предикативного «пика» в линейном функционировании предложения. В турецком языке «...эти формы то есть формы причастия на *-miş*, *-yacak*, *-yan* и др. — К. А.) образуют второй (подчиненный) центр предложения, не выражая, однако, придаточного предложения...»²⁸. С. А. Соколов также отмечает, что «все функционирующие в современном турецком языке причастия (*-an*, *-miş*, *-r*, *-acak*) могут выражать предикат квазипредложения»²⁹.

Замечания А. Н. Кононова и С. А. Соколова можно отнести и к азербайджанскому языку. Наряду с этим в азербайджанском языке наблюдается также переход элемента с формой на *-мыш* из постпозитивного положения по отношению к определяемому в препозитивное. Таким образом, потеря этой формой предикативности прослеживается по всем структурным фазам (ср. приведенные выше примеры). Мы можем отметить, что форма на *-мыш* (то есть элемент с формой на *-мыш*) первоначально употреблялась в постпозиции предложения в полной парадигме. Затем, внутренне развивая потенциально заложенную в ней функцию определения, она начинает перемещаться в интерпозицию, точнее, употребляется в постпозиции по отношению к определяемому. На последней фазе эта форма, все более специализируясь в функции определения, утверждается в препозиции по отношению к определяемому. В ходе этого процесса форма на *-мыш* постепенно утрачивает предикативность, хотя и не до конца, сохраняя ее слабую степень.

Именно в промежуточном состоянии начинается процесс непосредственного перехода к монопредикативной структуре предложения. Основным стимулом этого перехода служит уже отмечавшееся нами несоответствие между формой (к форме можно отнести также и занимаемую позицию) и грамматическим содержанием. Изменение функции ослабляет определенные предикативные формы в структуре предложения, постепенно превращая ее в монопредикативное единство.

²⁶ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 251.

²⁷ Сила предикативности формы на *-miş* в турецком весьма значительна, так как здесь отсутствует форма на *-yib*.

²⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 252.

²⁹ С. А. Соколов. Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 32.

В переходе к монопредикативной структуре не наблюдается резкого скачка. Приобретение формы (и позиции), соответствующей новому содержанию, проявляется в закономерном развитии общей грамматической системы — функционально-грамматических взаимоотношений элементов в составе предложения. В частности, можно сказать, что становление монопредикативной структуры предложения связано с формированием и развитием неличных форм глагола, а также закреплением их в соответствующих позициях, и выделением ситуативно обусловленных интонационных предикатов. Последнее положение можно применить к таким предложениям, в которых формально выраженный *verbum finitum* не поддерживается соответствующей интонацией. Ср. пример из разговорного языка: *Өлдү вар, дөндү јохдур* 'Лучше умереть, чем покориться обстоятельствам'. Здесь формально выраженная предикативность в элементах *өлдү* и *дөндү* не поддерживается особой интонацией, вследствие чего и не воспринимается адресатом как таковая в функциональном плане³⁰. Данный синтаксический комплекс осмысливается, как: *Өлмэк вар, дөnmэк јохдур*. Следовательно, интонация играет исключительную роль при превращении *verbum finitum* в неличную глагольную форму (ср.: *өлмэк* и *дөnmэк*).

Думается, что подход к неличным формам глагола как к определенному продукту процесса превращения полной предикативной формы в квазипредикативную позволяет более точно и детально описать позицию и функцию этих неличных форм глагола в общем контексте предложения.

Следует отметить, что не всегда даже современное «конечное» состояние предложения дает структурно выраженную «идеальную» монопредикативность. И это естественно, поскольку в каждом последующем состоянии сохраняются определенные следы ему исторически предшествовавшего. Так, при рассмотрении структуры монопредикативного предложения мы обнаруживаем в нем законсервированные, реликтовые элементы, сохраняющие, хотя и очень завуалированно, следы полипредикативности и квазипредикативности. Монопредикативная структура, насколько возможно их избегает, стремясь элиминировать, в основном за счет введения новых функций и изменения порядка слов, то есть перемещения их позиций, повышения роли интонационных параметров предложения и т. п.

В связи со становлением монопредикативной структуры предложения можно отметить как один из упомянутых выше «реликтов» предикативности вопрос, обращенный к адресату в процессе образования предложения.

В данном случае, соответственно выступают два предикативных центра: первый из них формируется благодаря структурно выраженному вопросительному характеру предикации, второй — находится в обычной, конечной позиции. Вопросительный характер предикативности образуется как с помощью вопросительного местоимения, так и посредством предикативных слов. Однако в процессе функционирования предложения вступает в силу тенденция сохранения монопредикативной структуры, и вопросительная предикация элиминируется под влиянием таких факторов, как целевая установка говорящего и соответствующая ей интонация. Обратимся к примеру: *Бәј, һараја кедәчәк-сән, кет, сөзүм јохдур* (А. Ахвердов) 'Бек, уходи, куда ты собираешься, мне нечего сказать'.

³⁰ Ср.: Ә. Абдуллајев, Ј. Сејидов, А. Нәсәнов. Мүасир Азәрбајҗан дили. Бақы, 1972, стр. 103—104.

В качестве монопредикативного предложения следует брать не весь синтаксический комплекс, а только часть: *Бај, хараја кедэчэксэн, кет*. Ее также можно разделить на две части — вопросительную и ответную. Вопросительная часть этого комплекса выражена вопросительным местоимением и *verbum finitum*: *Бај, хараја кедэчэксэн?* Однако повествовательно-соединяющая интонация не позволяет завершить предложение вопросом и предполагает наличие ответной части в границах того же синтаксического комплекса. Именно в соотношении друг с другом эти части выражают единое, повелительное содержание. С другой стороны, при соотношении структурных частей появляется оттенок условности, который способствует более тесной семантической спаянности названных частей. Чем теснее соотносятся части, тем больше ослабляется структурно-предикативная релевантность вопросительной части целого предложения. Вопрос как бы не требует ответа и постепенно элиминируется в языковой коммуникации. Но формальная завершенность его остается, что дает нам некоторые основания определить его в целом как квазипредикативную точку в структуре монопредикативного предложения.

В разговорной речи квазипредикативные точки в структуре предложения создаются также определенными предикативными словами, такими, как *вар, јох, һэ* и т. д. Эти слова на определенном отрезке речи служат как бы проверке восприятия адресата. Однако и здесь контекстно-ситуационная обусловленность, целенаправленная интонация позволяют адресату не реагировать на иллюзию структурной предикативности. Приведем примеры, взятые нами из устной речи: 1) *Һасэн вар һа — о кун мэнэ буну деди* 'Тот (известный тебе) Гасан, вот он вчера мне сказал это'; 2) *Аслан јохду — дунан евланди* 'Не знаешь того Аслана (?) — вчера женился'.

Можно отметить генетическую близость таких конструкций с определенными конструкциями других тюркских языков, в частности, сарыг-югурского языка. Э. Р. Тенишев отмечает, что здесь на наличие или отсутствие чего-либо в строении самого комплекса могут указывать предикативные слова. Он приводит следующий пример: *Улағы јох киши маскэн салды*³¹. В азербайджанском языке данному предложению соответствует предложение с причастным оборотом: *Улағы олмајан киши маскэн салды* 'Человек, не имеющий осла, поселился на местности'. Из этого следует, что степень предикации квазипредикативного причастия и предикативного слова в интерпозиции одинакова.

Исследуя литературные нормы и возможности их нарушения, Я. Мукаржовский писал: «Чем устойчивей в определенном языке литературная норма, тем разнообразнее возможности ее нарушения и тем больше в таком языке возможностей для поэтического творчества. И, наоборот, чем слабее ощущается норма языка, тем меньше возможностей для ее нарушения и тем меньше оказывается возможностей для поэтического творчества»³².

Применив это, как нам представляется, общее и верное положение к монопредикативной структуре, мы можем также сказать, что чем устойчивее в языке структура монопредикативного предложения, тем больше потенциальных возможностей ее нарушения. Однако это положение требует более подробного объяснения.

В структуре монопредикативного предложения всегда имеется потенциальная возможность для появления в нем эллиптических, усечен-

³¹ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 146.

³² Ян Мукаржовский. Литературный язык и поэтический язык. — В сб.: «Правский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 408.

ных форм, восстановление которых возможно как посредством общей структуры данного предложения, так и более распространенного контекста. Интересно, что чаще других элементов предложения опускается глагол, ибо «...он единственный компонент предложения, который часто может быть опущен в нем (причем и вне контекста) без того, чтобы содержание предложения перестало быть понятным. А ведь в этих случаях предложение лишается не только смыслового, но и грамматического уточнителя, которым является для него глагол»³³.

Формально исчезнув из состава предложения, глагол тем не менее сохраняет в нем свои функции, благодаря чему в любой момент он может быть легко восстановлен. То же самое можно сказать и о предикате. В предложениях азербайджанского языка предикатная форма имеет не только формально выраженную, но и функциональную значимость и ее эллипсирование не воспринимается как функциональное отсутствие предиката. Ср.: *Ај киши, бунун эли тамиз, ајағы тамиз — чичэк кими* (А. Ахвердов) 'Эй, мужчина, у нее же все чисто, как у цветка'.

Формальный показатель предикативности аффикс *-дир* может быть восстановлен через функцию, которая не теряет значимости благодаря конситуативному давлению, самой структурной инерции, а также интонации. Ср. реконструированный структурный вариант: *Ај киши, бунун эли тамиз, ајағы тамиздир, чичэк кимидир*.

В связи со сказанным, хотелось бы заострить внимание на следующих вопросах: а) Можно ли считать сформировавшуюся монопредикативность конечной точкой развития определенного синтаксического комплекса? б) Завершается ли процесс убывания предикативности становлением монопредикативной структуры предложения?

Нам представляется, что на оба эти вопроса следует дать отрицательный ответ. Если исходить из того, что в некотором предшествующем состоянии предикативности в структуре предложения азербайджанского языка принадлежала большая роль, то следует учесть и проявление действующей тенденции к уменьшению количества предикативно нагруженных элементов и, соответственно, ослабление общей предикативности азербайджанского предложения. Процесс убывания предикативности продолжает развиваться постольку, поскольку предложение функционирует не изолированно, а в контексте, компонентом которого оно является. Текст, будучи единством более высокого порядка, нежели предложение, своей полипредикативностью «давит» на структурную самостоятельность предложения. Именно текст может позволить различного рода элиминации предикативных форм (глагола в глагольных предложениях и аффикса предикативности в номинативных предложениях) в структуре своего конституирующего компонента, то есть отдельного предложения.

В заключение постараемся прояснить, что дает для синтаксического описания в целом исследование предложения в предлагаемом аспекте, то есть прослеживание становления монопредикативной структуры отдельного предложения.

В первую очередь отметим, что в процессе такого исследования обнаруживается специальная структурная парадигма, членами которой являются: 1) некоторое синкретическое единство, 2) квазипредикативная структура, 3) монопредикативная структура. Каждая из этих структур представлена определенным состоянием в синтаксическом развитии.

³³ Н. М. Александров. О предикативном отношении. — В сб.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1975, стр. 136.

Исследование показывает, что предикативность в функциональном плане в истории языка представляется нестабильной категорией. Она как и всякая грамматическая категория «есть исторически изменяющаяся категория»³⁴. Трансформируясь в процессе исторического развития из одного состояния в другое, само предложение меняет свою структурно-смысловую организованность и функциональную направленность. И. И. Мещанинов пишет: «Точного определения предложения, которое оставалось бы неизменным для всех периодов развития речи, дать невозможно»³⁵. Эту же точку зрения высказывал в свое время и А. А. Потебня: «История языка, взятого на значительном протяжении времени, должна давать ряд определений предложения»³⁶.

Необходимость исследования разных состояний структуры предложения в соответствии с наличием в нем предикативных точек является очевидной. Подобное исследование можно развивать в направлении установления семантико-функциональной нагрузки членов вышеуказанной парадигмы, прослеживания семантической емкости синтаксических комплексов и т. п. Нам представляется возможным установление перспектив актуального распределения, соответственно членения синтаксических комплексов в каждом из этих состояний, противопоставление их друг другу с целью выявления более глубинных соотношений между конструктивной основой и функциональной предназначенностью определенного синтаксического комплекса.

Обобщая сказанное, можно указать, что количество и степень предикативности в предложении, имеющие, как отмечают исследователи, решающее, основополагающее значение для синтаксического строя³⁷, являются также своего рода структурными критериями. Монопредикация формирует простое, единое предложение, тогда как полипредикативная структура представляет собой не одно, а несколько предложений, синтаксически вполне поддающихся регулированию, иными словами, текст. Сложное предложение занимает в этом ряду промежуточное положение. Ему соответствует определенная квазиполипредикативная структура.

В заключение хочется подчеркнуть, что настоящая статья не претендует на окончательное решение поставленного вопроса, который, несомненно, нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

³⁴ И. И. Мещанинов. Указ. раб., стр. 24.

³⁵ Там же, стр. 337.

³⁶ А. А. Потебня. Указ. раб., стр. 83.

³⁷ См. например: В. Г. Адмони. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973, стр. 16.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Ф. С. САФИУЛЛИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА ТЮРКСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В последнее время в отечественном и зарубежном языкознании уделяется много внимания лингвистическому описанию разговорной речи.

Важность и актуальность исследования разговорной речи обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, в настоящее время происходит интенсивный процесс проникновения разговорного стиля, разговорных элементов в литературный язык, что объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами¹. Во-вторых, в происходящих ныне во всех языках процессах взаимопроникновения стилей основная роль принадлежит разговорной речи². В-третьих, изучение языка художественного произведения невозможно без учета особенностей разговорной речи; реалистический метод в художественной литературе требовал воспроизведения и живой разговорной речи. В-четвертых, многие изменения, происходящие в языке, возникают под влиянием изменений в разговорной речи³. Известно высказывание Л. В. Щербы о том, что «все изменения в языке, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накапливаются в кузнице разговорной речи»⁴. В-пятых, исследование особенностей разговорной речи способствует более глубокому изучению процесса формирования литературных языков, позволяет прогнозировать в определенной степени развитие литературного языка в современную эпоху, определить тенденции этого развития, объективно оценивать нормы современного литературного языка. И, на-

¹ См.: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1966, № 2, стр. 43; Fr. Daneš. Východ cestiny v období socialismu. — «Problémy marxistické jazykovědy». Praha, 1962; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966; О. Б. Сиротинина. Современная русская разговорная речь и ее особенности. М., 1974, стр. 35—36; Р. С. Амиров. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1972, стр. 3; Ф. С. Сафиуллина. Тел байлыгы — халыкта. — В журн.: «Казан утлары», 1974, № 4; ее же. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.

² Т. Г. Винокур. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи. — В сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., 1968, стр. 9; Т. Винокур. Некоторые особенности стилистической системы современного русского языка. — «Русский язык в национальной школе», 1966, № 4, стр. 8; Е. Иванчикова. Синтаксические приметы разговорной речи в современной публицистике. — «Русский язык в национальной школе», 1965, № 4.

³ Г. Г. Инфантова. Об изоморфном характере некоторых языковых процессов в слове и в предложении. — В сб. «Вопросы синтаксиса русского языка». Ростов-на-Дону, 1971, стр. 12.

⁴ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 116.

конец, в-шестых, описание разговорной речи как определенной системы открывает большие перспективы для исследований по синтаксической стилистике, дает возможность выдвинуть проблему разграничения собственно диалектного и разговорного синтаксиса; осуществлять сравнительно-исторические исследования в плане фиксирования конструкций разговорной речи в том или ином письменном памятнике⁵; способствует постановке и разрешению вопроса о речевых универсалиях⁶, что имеет большое значение и для общего языкознания.

Таким образом, решение многих актуальных проблем современного языкознания — соотношение языка и речи, формирование и развитие национального языка, определение и прогнозирование его норм, вопросы стиля и взаимопроникновения стилей, изучение языка художественных произведений, культура речи, синтаксическая синонимика, установление диалектных особенностей (в плане синтаксиса), язык фольклора, проблема языковых и речевых универсалий и т. д. — невозможно без учета особенностей разговорной речи. Этим и определяется теоретическое и практическое значение исследований в данной области.

Противопоставление и разграничение языка и речи, впервые проведенное Ф. де Соссюром, положило начало дифференцированному изучению языковых и речевых явлений. Для казанской лингвистической школы было характерно также внимание к исследованию особенностей живой звучащей речи. Особо выделяется в этом отношении работа А. Н. Боголюбова, в которой говорится о существенной разнице между письмом и произносимым вслух, между языком и речью⁷. «Важно понимать разницу этих двух явлений и соответственно изменять приемы их изучения»⁸, — писал автор. Однако до работ Л. П. Якубинского⁹, Б. А. Ларина¹⁰ других исследований, непосредственно посвященных особенностям разговорной речи, не было. Появление их ознаменовало собой поворот языковедов к описанию и исследованию лингвистических и экстралингвистических особенностей разговорной речи.

Прямым толчком к изучению разговорной речи явилась дискуссия по вопросам стилистики на страницах журнала «Вопросы языкознания»¹¹, которая показала неоднородность языка художественных произведений, существование в нем различных языковых и речевых особенностей.

Усилившееся к началу 60-х годов в советском языкознании внимание к вопросам социальной лингвистики, значительные достижения в области исследований диалектов различных языков, активизация устных форм речи и в связи с этим возросший интерес к вопросам культуры ре-

⁵ А. Ибатов. Құтбың «Хұсрау уа Шірін» поэмасындағы қыпшақ сөйлеу тілінің элементтері. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1974, № 4, стр. 28—32. С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974; И. С. Улуханов. Разговорная речь древней Руси. — «Русская речь», 1972, № 5, стр. 126—128.

⁶ Ю. М. Скребнев. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 27; О. Б. Сиротинина. Современная русская разговорная речь и ее особенности, стр. 143; Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи, стр. 249.

⁷ А. Н. Боголюбов. Об изучении литературных языков. Методологический очерк. — «Ученые записки Казанского университета», т. LXXXI, кн. 3, Казань, 1914, часть официальная, стр. 9 и 13.

⁸ Там же, стр. 9.

⁹ Л. П. Якубинский. О диалогической речи. — В кн.: «Русская речь». Пг., 1923.

¹⁰ Б. А. Ларин. О лингвистическом изучении города. — «Русская речь». Новая серия, вып. 3. М.—Л., 1928; его же. К лингвистической характеристике города. — «Известия Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена», вып. 1, 1928.

¹¹ В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — «Вопросы языкознания», 1955, № 1.

чи, совершенствование технических средств записи разговорной речи и т. д. подготовили почву для начала систематических исследований последней.

Проведенная в 1965—1966 гг. в журнале «Русский язык в национальной школе» дискуссия по разговорной речи и обучению ей вызвала интерес широкого круга ученых и педагогов¹².

По теории и практике русской разговорной речи проводилось несколько конференций в Горьком и Саратове, на которых были подведены итоги исследований в этой области¹³. Определенное значение имело издание монографии «Русская разговорная речь»¹⁴ и сборника текстов магнитофонных записей непринужденной устной разговорной речи носителей русского литературного языка¹⁵, подготовленных сотрудниками Сектора современного русского литературного языка Института русского языка Академии наук СССР. Особенности современной русской разговорной речи посвящена книга О. Б. Сиротининой¹⁶.

Характерные отличия разговорной речи в синтаксическом аспекте обусловили появление исследований о ее синтаксических особенностях¹⁷. И до настоящего времени синтаксисты в области изучения разговорной речи опережают лексикологов¹⁸. Имеется довольно обширная литература, посвященная изучению ее синтаксических особенностей¹⁹.

Отдельные аспекты синтаксиса тюркской разговорной речи рассматривались в работах А. Хазраткулова, С. Халдаровой, Р. С. Амирова, Б. Уринбаева²⁰ и др. В работе А. Хазраткулова исследуются специфические особенности диалогической речи, ее отличие от монологической, типы неполных предложений, формы ответов и вопросов, порядок слов в диалогической речи. С. Халдарова посвятила свое исследование раскрытию семантико-структурных особенностей диалогической речи в узбекском языке. В работе Р. С. Амирова изучаются синтаксические особенности разговорной речи и ее роль в организации простого предложения

¹² В. Костомаров. К итогам дискуссии о разговорной речи. — «Русский язык в национальной школе», 1966, № 6, стр. 12—15.

¹³ См. сборники конференций: «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1966; «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1968; «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1972; «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1973; «Русская разговорная речь». Саратов, 1970 и т. д.

¹⁴ «Русская разговорная речь». М., 1973.

¹⁵ «Русская разговорная речь. Тексты». М., 1978.

¹⁶ О. Б. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности.

¹⁷ См.: В. Д. Девкин. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис). Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 12.

¹⁸ См.: Л. С. Ковтун. О центрах изучения русской разговорной речи. — В сб. «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 356.

¹⁹ М. Л. Михлина. Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи. Автореф. канд. дисс. Л., 1955; А. А. Никольский. Очерки по синтаксису разговорной речи. Душанбе, 1964; Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960; Ю. В. Ванников. Синтаксические особенности русской речи. М., 1969; Г. Г. Инфантова. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1973; О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976; Р. С. Амиров. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1972; Б. Уринбаев. Вопросы синтаксиса узбекской разговорной речи. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1960 и т. д.

²⁰ А. Хазраткулов. Диалогическая речь в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1966; С. Халдарова. Семантико-структурные особенности диалогической речи в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1974; Р. С. Амиров. Указ. раб.: *его же*. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи. Алма-Ата, 1972; Б. Уринбаев. Указ. раб.; Б. Уринбаев. Узбек тили сузлашуф нутки синтаксиси масалалари. Тошкент, 1974; Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи; Ф. М. Агаева. Синтаксис азербайджанской разговорной речи. Автореф. докт. дисс. Баку, 1979.

(организация словосочетаний, структурно-функциональные типы простых предложений), а также системы сложных предложений в казахской разговорной речи. Б. Уринбаев исследует, в частности, диалогическую реплику в узбекской разговорной речи, ситуативность и эмоциональность в ней и связанные с ними синтаксические явления, а также порядок слов.

В последние годы в узбекском языкознании довольно широко исследуются вопросы синтаксиса разговорной речи, о чем свидетельствует появление наряду с указанными работами ряда специальных сборников и отдельных статей²¹. Некоторых вопросов синтаксиса разговорной речи касались и другие авторы при исследовании проблем тюркского синтаксиса и стилистики²².

При изучении синтаксических особенностей разговорной речи исследователи пользуются различными источниками. Так, например, впервые обратившийся к выяснению природы диалогической речи Л. П. Якубинский считал, что «... необходим большой материал записей диалогов, почерпнутых из действительности, а не из литературных произведений, которые дают материал, требующий очень осторожного отношения»²³. Сторонники данной точки зрения считают основным источником изучения разговорной речи магнитофонные записи²⁴. Другие признают вполне возможным и допустимым изучение ее синтаксических особенностей на материале языка художественных произведений. Таковы исследования Т. Г. Винокур²⁵, О. Б. Сиротининой²⁶, Ю. М. Скребнева²⁷, Г. Г. Инфантовой²⁸ и т. д. Т. Г. Винокур отмечает, что «в художественном произведении обобщаются и типизируются наиболее характерные особенности живой разговорной речи. Поэтому диалоги и монологи персонажей содержат квинтэссенцию типических черт разговорной речи. Сгущение их не только не противоречит истинной природе последней, но, наоборот,

²¹ «Узбек тили сўзлашув нутки синтаксиси масалалари». Самарканд, 1973; А. Шамаксудов. Сўзлашув стили. — «Узбек тили стилистикаси масалалари». Ученые записки Ташкентского университета, вып. 427. Тошкент, 1972; Э. Бегматов. Сўзлашув нутку ва норма. — «Узбек тили сўзлашув нутки синтаксиси масалалари». Самарканд, 1973; Н. Махмудов. Диалогларда эллипсис. — «Узбек тили ва адабиёти», 1975, № 5 и т. д.

²² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956; С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973; И. А. Андреев. Структура простого предложения современного чувашского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1970; М. З. Закиев. Хазерге татар эдэби теле. Синтаксис. Казань, 1974; Э. Шадминов. Слова-предложения в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970; А. Бабаева. Неполные предложения в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968; Х. Курбатов. Хазерге татар эдэби теленен стилистик системасы. Казань, 1971; И. А. Абдуллин. Г. Камал драмаларынын теле. Казань, 1968 и др.

²³ Л. П. Якубинский. О диалогической речи, стр. 194.

²⁴ А. А. Никольский. Очерки по синтаксису разговорной речи, стр. 6; «Русская разговорная речь», стр. 5—6; О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис.

²⁵ Т. Г. Винокур. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи. — В сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955, стр. 345; *ее же*. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В сб. «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., 1968; *ее же*. К характеристике понятия «разговорная речь». — «Русский язык в национальной школе», 1965, № 2.

²⁶ О. Б. Сиротинина. Порядок слов живой разговорной речи. — В сб. «Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка». Куйбышев, 1963, стр. 132.

²⁷ Ю. М. Скребнев. Типичные конструкции синтаксиса английской разговорной речи. Пособие для учителей. Уфа, 1962, стр. 6.

²⁸ Г. Г. Инфантова. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи, стр. 57—58.

концентрирует ее функционально-стилистическую специфику»²⁹. В пользу описания особенностей разговорной речи на материале языка художественной литературы высказываются также В. Д. Девкин³⁰, Б. Н. Головин³¹, Т. Вишнякова³², Е. Иванчикова³³, Н. Ю. Шведова³⁴, И. П. Святогор³⁵, Зд. Я. Оливерийс³⁶ и т. д.

Тюркская разговорная речь исследовалась на материале, почерпнутом в основном из художественной литературы. При изучении диалога А. Хазраткуловым использовались драматические и частично прозаические произведения³⁷. То же можно сказать о работе С. Халдаровой³⁸. Р. С. Амиров исследовал казахскую разговорную речь, опираясь на материал литературных произведений³⁹. Для Б. Уринбаева фактическим материалом исследования также послужили «тексты художественных произведений различных жанров, периодика и переводная литература. Кроме того, были использованы фольклорные произведения, а также наблюдения за живой разговорной речью»⁴⁰. Ф. М. Агаева отмечает, что материалом для ее исследования послужили «магнитофонные записи разговорной речи носителей литературного языка в непринужденной обстановке». Одновременно ею привлекался и материал языка художественной литературы⁴¹.

Автор настоящих строк строил свои исследования на материалах отдельных жанров фольклора (сказок, пословиц), драматургии, художественной прозы, магнитофонной и ручной записи живой разговорной речи. Думается, что и язык художественной литературы может служить надежным источником изучения разговорной речи, так как сам метод реалистического отображения действительности обуславливает фиксирование в языке художественной литературы типических разговорных конструкций, количество которых в произведениях со временем все более возрастает, и в настоящее время трудно представить себе литературный язык, в том числе в его письменной разновидности, без множества таких конструкций.

Другим важным вопросом при исследовании разговорной речи является правильное определение самого понятия «разговорная речь». В истории языкознания существует немало синонимичных терминов для выражения данного понятия: «речь говоримая — речь слышимая», «устная речь», «живая речь», «обиходно-разговорный язык», «живая разговорная речь», «диалогическая речь», «естественный диалог», «разговорная речь», «устная диалогическая речь», «практическая речь», «устно-разговорная речь», «живая народная речь», «обыденная речь», «уличный язык», «бытовой диалог» и т. д.⁴² Неопределенность термина

²⁹ Т. Г. Винокур. К характеристике понятия «разговорная речь», стр. 23.

³⁰ В. Д. Девкин. Указ. раб., стр. 4.

³¹ Б. Н. Головин. Вопросы социальной дифференциации языка. — В сб. «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 353.

³² Т. Вишнякова. О некоторых проблемах разговорной речи. — «Русский язык в национальной школе», 1965, № 3, стр. 17.

³³ Е. Иванчикова. Синтаксические приметы разговорной речи в современной публицистике, стр. 14.

³⁴ Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи.

³⁵ И. П. Святогор. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке. (Диалогическое единство). Калуга, 1960.

³⁶ Зд. Я. Оливерийс. Речевые структуры русской разговорной речи и преподавание русского языка в чешской школе. — «Seškoslovenská rusistika», IX, 1964, 2, стр. 83.

³⁷ А. Хазраткулов. Указ. раб., стр. 3.

³⁸ С. Халдарова. Указ. раб., стр. 3.

³⁹ Р. С. Амиров. Указ. автореф., стр. 4.

⁴⁰ Б. Уринбаев. Указ. автореф., стр. 4.

⁴¹ Ф. М. Агаева. Указ. раб., стр. 3.

⁴² Р. В. Болдырев. Структурно-семантические процессы в русской речи. (Синтаксис предложных конструкций). Киев, 1967, стр. 9.

«разговорная речь» сложилась в результате привлечения для ее изучения разнородного материала⁴³. В полной мере это относится и к тюркской разговорной речи. Так, Р. С. Амиров под последней понимает «литературную разговорную речь, сложившуюся на основе синтеза элементов письменной и обиходной разговорной речи при определенных социально-экономических условиях развития общества»⁴⁴, Б. Уринбаев — «непринужденную речь носителей узбекского литературного языка»⁴⁵.

До настоящего времени в лингвистике единого определения разговорной речи не существовало⁴⁶. Однако, по мнению О. Б. Сиротининой, «при отсутствии единого определения разговорной речи установлена ее экстралингвистическая сущность: разговорная речь — это неофициальная речь в условиях непосредственного общения, следовательно, это речь устная и неподготовленная, т. е. спонтанная»⁴⁷.

Расходятся мнения исследователей и по вопросу диалогичности разговорной речи. Авторы «Русской разговорной речи» полагают, что «пока еще не накоплено достаточного материала для окончательного решения этого вопроса»⁴⁸. Другая группа исследователей считает фактор диалогичности обязательным⁴⁹ и исследует природу диалога⁵⁰. Тюркологами довольно полно описаны коммуникативные и структурно-грамматические особенности диалогов. Так, А. Хазраткулов, исследуя диалог в узбекском языке, отмечает наличие в нем неполных предложений, характеризует структуру вопросов и ответов, порядок слов в диалогической речи⁵¹. Р. С. Амиров пишет, что «диалогический характер протекания разговорной речи является одним из центральных коммуникативных условий в определении функционально-стилистических характеристик разговорной речи», однако диалог автором специально не исследуется. Б. Уринбаев посвящает специальную главу диалогу, где рассматривает коммуникативную направленность и структурные типы реплик⁵². В исследовании Ф. М. Агаевой также описаны различные виды реплик, составляющие основу диалогического единства⁵³. В «Синтаксисе татарской разговорной речи» исследуется вопросно-ответная структура диалога, связь между репликами в диалоге и структурно-грамматические типы повторов во второй реплике, то есть реплики-повторы. Исследования показали, что коммуникативная и структурно-грамматическая природа диалога совершенно одинакова не только во всех изученных тюркских языках, но и в русском, английском и во многих других языках иных

⁴³ О. А. Лаптева. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет. — «Вопросы языкознания», 1967, № 1, стр. 130—132.

⁴⁴ Р. С. Амиров. Указ. автореф., стр. 4.

⁴⁵ Б. Уринбаев. Указ. автореф., стр. 4.

⁴⁶ О. Б. Сиротинина. Первые итоги специального изучения разговорной речи. — «Язык и общество». Вып. 2, Саратов, 1970, стр. 55.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Русская разговорная речь», стр. 12.

⁴⁹ О. Б. Сиротинина. Первые шаги..., стр. 55.

⁵⁰ Л. П. Якубинский. Указ. раб.; Т. Г. Винокур. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953; М. Л. Михлина. Из наблюдений над синтаксисом диалогической речи. Автореф. канд. дисс. Л., 1965; Н. Ю. Шведова. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. — «Вопросы языкознания», 1956, № 2; И. П. Святогор. Указ. раб.; А. Р. Балаян. Основные коммуникативные характеристики диалога. Автореф. канд. дисс. М., 1971; А. Хазраткулов. Указ. раб.; С. Халдарова. Указ. раб.; Р. С. Амиров. Указ. раб.; стр. 5, 17—18; Б. Уринбаев. Указ. раб., стр. 10—21; Ф. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи, стр. 36—93 и т. д.

⁵¹ А. Хазраткулов. Указ. раб.

⁵² Б. Уринбаев. Указ. раб., стр. 10—21.

⁵³ Ф. М. Агаева. Указ. раб., стр. 4—19.

семей. И это вполне естественно, ибо диалогичность — фактор экстралингвистический. Этим объясняется и наличие в диалоге на любом языке вопросно-ответной структуры, реплик-повторов⁵⁴, неполных конструкций. Повторение реплик — характерная особенность любой разговорной речи, независимо от ее языковой принадлежности. То же самое можно сказать и о синтаксической несамостоятельности повторов, о законах и схемах их построения, об участии в них специальных слов, играющих конструктивную роль, о своеобразии интонации и т. д. Специфичность повторов в конкретном языке выражается в его нормах, хотя нередко отмечается и полное совпадение моделей повторов: *ojalsaŋ* — *ojalmasaŋ* 'стыдись — не стыдись', *jortu* — *jort* 'дом-то — дом', *baruŋ* — *barıym* 'пойти — не пойду' и т. д. На данной основе можно сделать вывод, что дальнейшие исследования диалога тюркской разговорной речи должны идти не по линии изучения его экстралингвистической природы, а, наоборот, — по линии характерного для него своеобразия.

Непосредственность, спонтанность, эмоциональность разговорной речи, как факторы экстралингвистические, обуславливают также наличие в ней многих построений — эллиптических и семантически стяженных конструкций, эмоционально окрашенных экспрессивных построений, синонимичных нейтральным, разного рода сокращений, вставочных конструкций, повторов различных моделей, явлений присоединения, изменения порядка слов и т. д. Эти общие явления по-разному проявляются в каждой разговорной речи. Например, присоединение какого-либо члена предложения в русской речи возможно как после прямого, так и после обратного порядка главных, а также второстепенных членов. В тюркской речи присоединяемый член неизменно находится в инверсии к грамматически связанному с ним члену предложения.

В работах А. Хазраткулова, С. Халдаровой, Б. Уринбаева выявлены и описаны синтаксические явления разговорной речи, связанные прежде всего с экстралингвистическими факторами — диалогичностью, ситуативностью, эмоциональностью. Работа Р. С. Амирова строится несколько в ином плане. Здесь непосредственно рассматриваются особенности организации простого и сложного предложения в казахской разговорной речи, выделяются в характерные для нее типы словосочетаний и предложений. В «Синтаксисе татарской разговорной речи» также большое место уделяется специфическим типизированным конструкциям, обусловленным как экстралингвистическими, так и сугубо лингвистическими факторами.

Имея образцы исследований по русской разговорной речи, можно было бы приступить к описанию синтаксиса тюркской разговорной речи на основе магнитофонных записей. При этом следует решить следующий важный вопрос: чью речь записывать? Авторы «Русской разговорной речи», например, к информантам причисляют тех: а) для кого русский язык является родным, б) кто родился и вырос в городе (так как в речи таких лиц нет диалектных черт), в) кто имеет высшее или среднее образование⁵⁵. Однако подобные требования вряд ли применимы к отдельным тюркским языкам. Например, лица, владеющие татарским литературным языком и получившие высшее образование, во многих случаях являются выходцами из сельской местности. Естественно, что их речь не может быть вполне свободной от диалектных особенностей. Лица же, владеющие литературным языком и родившиеся и выросшие в городе, испытывают сильное влияние русско-татарского двуязычия. Поэтому

⁵⁴ См.: Н. Ю. Шведова. К изучению русской диалогической речи.

⁵⁵ «Русская разговорная речь», стр. 7.

второе указанное выше условие оказывается неприменимым при изучении, например, татарской разговорной речи, что следует иметь в виду при исследовании и ее синтаксиса, а также соотношения последнего с диалектным синтаксисом.

При установлении отличительных особенностей диалектного синтаксиса необходимо прежде всего учитывать устный, разговорный характер диалектной речи. С одной стороны, в ней выделяются синтаксические особенности, связанные с речевой деятельностью человека и устным характером речи, что является общим для всех диалектов, говоров, литературной речи и просторечия, с другой — особенностью, характеризующие только данный диалект или говор. И диалектная, и литературная речь имеют как бы один синтаксический костяк, однако между ними и немало различий.

Проведенные нами исследования разговорной речи позволяют по-новому подойти к вопросу диалектного синтаксиса⁵⁶. Синтаксис диалектной речи представляет собой тесное переплетение особенностей синтаксиса разговорной речи и собственно диалектного синтаксиса. К особенностям, связанным с речевым функционированием диалектов, в первую очередь принадлежат относящиеся к коммуникативной структуре предложения, к порядку слов и изменениям в нем. Так, присоединение, отмеченное диалектологами как синтаксическая особенность того или иного говора⁵⁷, или изменение порядка слов в предложении, отмечающееся всеми диалектологами⁵⁸, так же как синтаксические особенности диалектов — не являются собственно диалектными особенностями, ибо обусловлены экстралингвистически и характерны как для диалектной, так и для литературной речи; они существуют не только в одном диалекте или языке, но во многих языках и их диалектах.

Собранный богатый материал по диалектам, например, татарского языка и проведенное нами сопоставление синтаксических особенностей этих диалектов позволяют сделать вывод, что по сравнению с имеющимися явными фонетическими, лексическими и морфологическими различиями, татарские диалекты и их говоры в синтаксическом отношении довольно единообразны⁵⁹. Оказалось, что сохранение первого типа изафета, аффиксов сказуемости, особенностей управления глаголов, наличие диалектных средств связи между словами, преобладание паратаксиса над гипотаксисом, употребление вопросительной частицы перед аффиксом сказуемости, а также присоединение вопросительной частицы к слову, смысл которого выясняется, и т. д. — характерны для всех диалектов и говоров татарского языка. Последние различаются в основном степенью и частотностью проявления указанных синтаксических особенностей, которые по-разному и в разной степени реализуются и функционируют в различных говорах, являясь отличительными признаками диалектного синтаксиса.

⁵⁶ Ф. С. Сафиуллина. О диалектном синтаксисе. — «Советская тюркология», 1978, № 4, стр. 63—71.

⁵⁷ Д. Г. Тумашева. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень). Канд. дисс. М., 1952, стр. 157—158; Э. Әфләтунов. БАССР-ның көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарларның тел үзенчәлекләре. Канд. дисс. Казань, 1960, стр. 230—232.

⁵⁸ См. литературу, указанную в кн.: «Синтаксис татарской разговорной речи», стр. 33 (сноска 114-я); см. также: М. Чәфәрзadə. Азәрбајҗан диалект вә шивәләриндәки сәрбәст сөз сырасы һаггында. «Известия АН Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1973, № 3, стр. 58.

⁵⁹ Ср. положение, высказанное М. Ш. Ширалиевым (см.: М. Ш. Ширалиев. Диалектологический атлас азербайджанского языка. — В сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань. 1960, стр. 56).

Таким образом, при изучении синтаксиса разговорной речи в диалектном материале можно выделить два типа явлений: устно-речевые и собственно диалектные. Первые имеются в любой разговорной речи и фактически находятся на уровне речевых универсалий; другие — противостоят нормам литературного языка и характеризуются различной степенью активности, системности, частотности употребления и в этом смысле являются реализацией синтаксических особенностей говора или диалекта.

Исследования синтаксиса как тюркской разговорной речи, так и диалектов и говоров тюркских языков позволяют поставить вопрос об общетюркских моделях разговорной речи. Однако этот вопрос может быть решен только при условии четкого определения понятия «разговорная речь» и самого объекта исследования. Накопленный материал вполне достаточен для сравнения отдельных моделей, но разнородность привлекаемого материала исключает возможность формулирования окончательных выводов. Обратимся к примерам. Наличие реплик-повторов зафиксировано в узбекской⁶⁰, татарской⁶¹, казахской⁶², азербайджанской⁶³ разговорной речи. В работе Б. Уринбаева упоминаются реплики-повторы, хотя роль их как структурно-грамматического средства связи между репликами до конца не выявляется. В книге Р. С. Амирова реплики-повторы исследованы как один из стилистических приемов — прием повторения основы. При этом, однако, не раскрыто их функционирование в диалогической речи. В исследовании Ф. М. Агаевой реплики-повторы представлены как одна из разновидностей единиц диалогической речи наряду с репликами-подхватами и репликами-вопросами. Таким образом, одна и та же модель оказывается рассмотренной с различных точек зрения.

Особый интерес представляет вопрос о месте разговорной речи в системе языка. Многие исследователи относят ее к функциональным стилям литературного языка⁶⁴. Авторы «Русской разговорной речи» считают, однако, что «разговорная речь представляет собою особую систему, имеющую специфический набор единиц и специфические законы их функционирования и противопоставленную КЛЯ (кодифицированному литературному языку) в пределах литературного языка»⁶⁵. Е. А. Земская в «Проспекте» к вышеназванной монографии отмечает даже, что разговорная речь и кодифицированный литературный язык — суть две языковые системы и представляют собой вид двуязычия⁶⁶. Разговорная речь в рассмотренных нами работах чаще определяется как одна из функционально-стилистических разновидностей языка⁶⁷. Необходимо отметить, что тюркологии еще предстоит описать разговорную речь как систему. Чаще всего выявляются отдельные особенности той или иной разговорной речи. Было бы, разумеется, ошибочным считать разговорную речь и литературные тюркские языки разными языками. Ведь большинство структур, встречающихся в разговорной речи, построено по синтак-

⁶⁰ С. Халдаров. Указ раб.: Б. Уринбаев. Указ. автореф., стр. 19—21.

⁶¹ Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи, стр. 44—90.

⁶² Р. С. Амиров. Указ. раб., стр. 15—30.

⁶³ Ф. М. Агаева. Указ. раб., стр. 10.

⁶⁴ А. Н. Васильева. Разговорная речь как функциональный стиль. — В сб. «Вопросы стилистики в преподавании русского языка иностранцам». М., 1972; Ю. М. Скребнев. Общелингвистические проблемы ...; Э. А. Столярова (Клочкова). Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1972.

⁶⁵ «Русская разговорная речь», стр. 23.

⁶⁶ Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 9.

⁶⁷ Р. С. Амиров. Указ. раб., стр. 9; Б. Уринбаев. Указ. автореф., стр. 1.

сическим моделям, являющимся общими для синтаксиса национального языка в целом.

В тюркологии остается не выясненным до конца и отношение понятия «разговорная речь» к устной и диалогической речи, к письменно-литературному языку разговорного типа.

Одной из значительных проблем следует считать также исследование синтаксических особенностей разговорной речи в письменных памятниках, в языке художественной литературы. Вероятно, в первых письменных памятниках нашла какое-то отражение разговорная речь соответствующей эпохи. В истории тюркских языков известны также периоды, когда разговорная речь и литературный язык далеко отстояли друг от друга, хотя тенденция к их сближению существовала всегда⁶⁸. С формированием национального языка разговорные элементы стали все активнее включаться в литературный язык, в язык художественной литературы.

Перед тюркологами в настоящее время стоит важная и актуальная задача: изучить живую разговорную речь во всем ее многообразии и богатстве.

⁶⁸ М. З. Закиев. Особенности развития литературного языка в различных социально-экономических условиях. — «Конференция по татарскому языковедению, посвященная 50-летию Союза ССР» (Тезисы докладов). Казань, 1972, стр. 7—8.

Х. АЛИМУРАДОВ

ОБ ОДНОЙ ФОРМЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В НИЖНЕСУРХАНДАРЬИНСКОМ ГОВОРЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Исследуемый говор относится, по классификации А. К. Боровкова, к шейбанидо-узбекским или «джекающим» диалектам узбекского языка и имеет много специфических форм¹. В этом говоре функционирует форма множественности, этимология которой до настоящего времени не выяснена². Приведем примеры: *Sizaqtyqqajam kepketippä?* 'И к вам приходил?'; *Sećinir alyşqa tuşingizaq* 'Раздевайтесь и приступайте к борьбе'; *Hamra palvanga birävingizäm suyalmadyingizaqqo* 'Ведь никто из вас не смог противостоять Хамра-палвану'; *Vözingizaq/vözläringiz kördingizaq bojumbomajarty* 'Вы же сами видели, не соглашается'.

Совершенно очевидно, что *-(a)q* выражает здесь множественность.

А. Н. Кононов в специальном исследовании подробно рассматривает функционирование аффикса *-q/-k, -γ/-g* как личного показателя 1-го лица множественного (и двойственного) числа в различных спрягаемых формах глагола и показателя собирательности во всех алтайских языках³. В ряде работ уже высказывалось мнение, что названный аффикс выражает множественность⁴. На наш взгляд, данный аффикс обладает специфическими функциями, и его употребление существенно отличается от случаев, описанных в упомянутых выше исследованиях. Так, указанный аффикс:

1) прибавляется к местоимениям *siz* 'вы' и *biz* 'мы'. *Sizaqty kelättep ketälmäi votyryppan* 'Не могу уйти, так как жду вашего прихода'; *Bi-zaqty ajtmaj ketipqarty* 'Он ушел, даже не предупредив нас';

2) прибавляется к местоимению *ozingiz* 'вы/сами' в форме 2-го лица со значением вежливости: *ozingizaq kiringizaq* 'проходите, пожалуйста, сами', *ozingizaq kengizaq* 'приходите, пожалуйста, сами';

3) прибавляется к повелительной форме глагола во 2-м лице с выражением значения вежливости: *Ujgä kiringizaq* 'Войдите, пожалуйста, в дом', *Qahlägäpnäringizcä alaberingizaq* 'Берите, пожалуйста, сколько

¹ К нижнесурхандарьинскому говору относятся говоры Джаркурганского, Ленин-юльского, Термезского, Ангорского и Гагаринского районов.

² См.: Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. Морфология. М., 1956, стр. 12.

³ А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969, стр. 9—15.

⁴ См.: А. Маматкулов. Шеробод район желовчи шевасида сон категорияси. — Журн. «Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1960, № 5, стр. 71—72; Х. Алимуродов. Сурхондарё область кунғирот шеваларида куплик категорияси. — Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1974, № 4, стр. 65—67.

вам угодно', Tang žaryšmastan žönängizaq 'Отправляйтесь, пожалуйста, до рассвета'.

Аффикс $-(a)q$, прибавляясь к глаголу в форме 2-го лица повелительного наклонения (*köringiz*), соединяется с препозитивным аффиксом лица-числа образуя с ним неразрывное единство: *köringizaq* 'посмотрите, пожалуйста', *alyngizaq* 'берите, пожалуйста', *kelingizaq* 'придите, пожалуйста'. В нижнесурхандарьинском говоре нет форм *koringiz*, *alyngiz*, *kelingiz*, имеющих в узбекском литературном и в некоторых тюркских языках.

Приведем образцы спряжения во 2-м лице в бахмальском и нижнесурхандарьинском говорах:

Бахмальский говор

ketting 'ты ушел'
kettingis 'Вы ушли'

kettilaring 'вы ушли'

kettilaringis 'Вы ушли'

Нижнесурхандарьинский говор

ketting 'ты ушел' (единственное число, простая форма),
kettingiz 'Вы ушли' (единственное число, форма вежливости),

kettingär
kettingnär } 'вы ушли' (множественное число, простая форма)
kettiläring

kettingizlär
kettingizäq } 'Вы ушли' (множественное число, форма вежливости).
kettiläringiz
kettiläringizäq

Наличие во 2-м лице наряду с формами вежливости и простой формы позволяет сделать вывод, что исследуемый нами говор близок к бахмальскому⁵ говору, хотя и имеет большое количество форм, отличающих его от этого и других говоров.

Форма спряжения во 2-м лице множественного числа *-tingizaq*, *-tiläringizaq* до настоящего времени ни в одном из говоров узбекского языка не зафиксирована и характерна только для исследуемого говора.

Из вышеприведенной схемы спряжения видно, что в этом говоре аффикс множественности *-z* в конце глагола в настоящее время в качестве показателя множественности не употребляется, а указывает лишь на форму вежливости в единственном числе. Например, слово *kettingiz* 'Вы ушли' для выражения значения множественности должно принять еще аффиксы *-lar* или $-(a)q$.

Значение не меняется от того, какой аффикс будет принят, так как множественность выражается в любом случае. Нюансы здесь имеют только стилистический характер: *Qosyqty jekävingiz bilä ajttyngyzaq* 'Вы вместе (вдвоем) пели эту песню'; *Qosyqty jekävingiz bilä ajttyngyzlar* 'Вы вместе (вдвоем) пели эту песню'; *Sizlär çaptyngyzlar* 'Вы бегали'; *Sizaq çaptyngyzaq* 'Вы бегали'.

Очевидно, в прошлом для выражения множественности использовались обе формы: *-lar*, $-(a)q$. В словах типа *kettingizaq* выступает удвоенный аффикс множественности: *-z*, $-(a)q$ (грамматический плеоназм). Причина присоединения последнего $-(a)q$ заключается в том, что *-z* употребляется уже лишь в форме вежливости, а не множественности.

Форма $-(a)q$ присоединяется и к словам типа *kettiläringiz*, выражающим значение множественности и вежливости, усиливая первое значение: *Paxtany qyjirdan terdiläringizaq?* 'Вы где собирали хлопок?'; *Muš-lašajatqanda innämädiläringizaq endi çabasyzaq* 'Когда они дрались, вы молчали, а теперь забегали'. Форма множественности здесь троекратная: *-lar*, *-z*, $-(a)q$. Такое употребление встречается редко. Следова-

⁵ Х. Данияров. Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975, стр. 162.

тельно, форма $(-a)q$ выражает множественность, когда присоединяется к словам на $-z$ со значением единичности (единственного числа) — *kettingiz*; если же присоединяется к словам на $-z$ со значением множественности — *kettilāringiz*, то усиливает это значение.

Аффиксы $-lar$ и $(-a)q$ различаются по своему употреблению: границы употребления последней формы уже и более специфичны. Она встречается в речи носителей джекающих говоров кишлаков Узункишлак, Кайран, Кизилкарвон Ангорского района, Намуна Термезского района, Исмаилтепа, Минор, Сокчи, Тупкора Джаркурганского района, Таллимаран, Такия Лениньюльского района, совхоза имени А. Набиева Гатгаринского района.

Происхождение и связь данной формы с другими формами множественности представляют особый интерес. Никакая языковая форма не может существовать в изолированном от других форм виде. Если обратиться к используемому в говоре аффиксу $(-a)q$ с этой точки зрения, то нужно будет признать, что он имеет общие черты с формами множественности в тюркских языках.

Несомненно, данный аффикс родствен аффиксу первого лица множественного (или двойственного) числа в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках: узб. *aldyq* 'мы взяли', *alsaq* 'если бы мы взяли', азерб. *alaguu* 'мы возьмем' и т. д.⁶

Однако в отличие от других тюркских языков в рассматриваемом говоре он используется не только в обычных функциях, но и присоединяется к личным местоимениям *biz*, *siz*, *oringiz* и к форме второго лица множественного числа как показатель множественности-алломорфы множественного числа.

⁶ А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках, стр. 9.

В. И. КОТЛЕЕВ

АКУСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЧУВАШСКОГО СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ

Чувашское ударение с точки зрения его расположения в слове впервые было описано И. Я. Яковлевым¹ и Н. И. Ашмариным². В чувашском разговорном языке различают три разновидности ударения, характерные для диалектов и говоров: низового диалекта, верхового диалекта и некоторых верховых говоров.

В низовом диалекте в изолированно употребляемых словах ударение всегда, независимо от состава гласных данного слова, тяготеет к последнему слогу, хотя в связной речи оно подчиняется той же системе правил, что и в верховом диалекте³.

В верховом диалекте, а также в литературном языке, узаконившем систему ударения верхового диалекта, место ударения зависит от состава гласных. В словах, включающих гласные *a, e, u, ü, y, i*, условно называемые долгими, ударение всегда падает на последний слог: *šagák* 'сорока', *šagagá* 'сороке' и т. д. Если слово включает так называемые краткие гласные *ä, ě*, то ударение приходится на первый слог: *pädä** 'каша', *t'ėd'ēm* 'дым', *s'ėf'ėg'ė* 'его шапка' и т. д. Если же слово содержит и долгие, и краткие гласные, то ударение падает на последний долгий гласный: *pädá* 'гвоздь', *pädabá* 'гвоздем', *kävagáržān* 'голубь', *kaládär* 'я говорю', *kälär* 'я скажу' и т. д.

В составе верхового диалекта встречаются говоры, в которых наблюдается тенденция сохранения ударения на первом слоге слова, что особенно заметно в связной речи⁴.

Отмеченные правила акцентуации в чувашских говорах достаточно очевидны и не вызывают сомнений⁵, однако исследователям чувашской фонетики до последнего времени мало было известно об акустических характеристиках чувашского ударения.

На основе некоторых кимографических данных У. Ш. Байчура пришел к заключению о преимущественно силовом характере чувашского ударения и о существовании в верховом диалекте музыкального (тони-

¹ И. Я. Яковлев. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки. Казань, 1880.

² Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.

³ Л. П. Сергеев. Чувашские народные говоры (на чув. языке). Чебоксары, 1969, стр. 44.

⁴ Там же, стр. 36.

⁵ Некоторая неясность существует только в отношении распределения ударных и безударных слогов в потоке связной речи, где, как известно, не все слова имеют собственное ударение.

* Здесь и далее гласная, на которую падает ударение, либо отмечается специальным надстрочным знаком, либо набрана курсивом. (Прим. ред.).

ческого) ударения⁶. Кимографические исследования, безусловно, сохраняют еще свое значение, но они не позволяют получить данные по всем компонентам акустических характеристик ударных и безударных слогов и звуков. В частности, по кимограммам невозможно судить о качестве звуков, об относительной интенсивности ударных и безударных гласных. Между тем современная экспериментальная фонетика располагает необходимыми совершенными приборами. Мы в своих исследованиях пользовались осциллографами типа Н-102 и Н-115 и динамическим спектрографом типа «Видимая речь». Эти приборы позволяют получить более полную картину изучаемого фонетического явления.

Кроме того, нельзя не отметить, что у У. Ш. Байчуры эксперименты проводились в довольно ограниченных рамках в отношении материала и числа привлеченных дикторов. Для того, чтобы уверенно говорить о типе ударения в том или ином языке, совершенно необходимо привлечение большого фактического материала.

Приступая к экспериментальному исследованию, мы учитывали, что по акустическим признакам ударение в чувашском языке едва ли будет существенно отличаться от ударения других тюркских языков, достаточно изученного, в том числе и экспериментально⁷. Не исключалась, однако, возможность расхождений, ибо, во-первых, чувашский язык, как известно, по своей фонетике в семье тюркских языков стоит несколько особняком, во-вторых, этот язык находился в длительных контактах с теми неродственными языками, в частности с финно-угорскими и русским, с которыми у других тюркских языков контактов было значительно меньше, или они вообще отсутствовали.

Словесное ударение в разных тюркских языках — его фонетическая природа и место в структуре слова — и существующие мнения по этому вопросу подробно рассмотрены в обобщающей работе А. М. Щербака⁸. Его собственная точка зрения сводится к следующим двум основным положениям: 1) «в слове столько ударений, сколько слогов», 2) «тюркское ударение — силовое (экспираторное), часто, но не всегда, сопровождаемое повышением тона».

Обобщая результаты собственных экспериментов на материале чувашского языка, мы исходили из нижеследующего. Акустическими признаками ударности слога, прежде всего его гласного компонента, могут быть такие физические характеристики, как длительность, интенсивность и высота основного тона. Кроме того, ударность в противопоставлении безударности может проявляться в качестве звуков, о чем в акустических исследованиях можно судить по спектральным картинам. Тип словесного ударения того или иного языка определяется по ведущему, то есть наиболее постоянному из этих признаков и сравнительно менее связанному с побочными факторами.

Для экспериментального исследования чувашского ударения нами был подобран материал в объеме около 500 слов. Помимо записи этого материала на осциллографах и спектрографе, ставились специальные фонетические опыты с участием приглашенных испытуемых. Записи делались в Лаборатории экспериментальной фонетики им. Л. В. Щербы Ленинградского университета. Фонетические опыты проводились в фо-

⁶ У. Ш. Байчура. О характере чувашского ударения. — Сб. «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 47, 53.

⁷ В числе значительных экспериментальных исследований ударения последнего времени следует отметить работы А.-К. Орусбаева (см.: А.-К. Орусбаев. Из материалов экспериментального исследования киргизского ударения. — «Советская тюркология», 1972, № 4).

⁸ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 110—122.

нетическом кабинете Чувашского пединститута. В качестве дикторов и испытуемых выступали студенты, научные работники, преподаватели вузов и артисты.

Как уже отмечалось, признаки ударности отражаются прежде всего на акустических характеристиках гласного компонента слога, поэтому далее речь будет идти в основном о гласных.

В чувашском языке по проявлению ударности (безударности) гласные делятся на две группы: в одну группу входят звуки *a, e, u, ü, y, i*, в другую — *ä, ё*. У гласных первой группы ударность проявляется, прежде всего, в их длительности. В ударном слоге эти гласные всегда бывают более долгими, нежели аналогичные безударные гласные (см. табл. 1, 2, рис. 1; в табл. 2 обобщены все данные по признаку длительности).

Таблица 1

Зависимость длительности гласных от ударности—неударности (диктор П.).

Слова	Длительность гласных (в мс)		
	1-й слог	2-й слог	3-й слог
ágă	300	150	
agă	210	260	
agabă	100	115	265
k'el'ë	230	240	
	100	260	
k'el'ëb'ë	70	95	305

Таблица 2

Средняя длительность ударных и безударных гласных по данным дикторов М. и А. (соответственно см. строчки).

Гласные	Предударные слоги				Ударный слог	Заударные слоги	
	IV	III	II	I		I	II
а		90	103 133	119 142	219 238		
ä		35 65	40 66	75 82	177 128	138 112	105 55
u		70	80 100	123 181	243 190		
y		60	60 65	130 100	240 140		
e		90	96 85	122 121	215 250		
ё		20 55	40 59	85 81	163 102	149 118	110 100
ü		70	95 110	155 139	275 180		
i	60	62	76 74	130 106	209 187		

В какой-то мере эта тенденция проявляется и у гласных *ă, ě*, но здесь нет регулярности: в некоторых случаях, будучи даже безударными, эти гласные могут быть длительнее ударных, в том числе и так называемых долгих гласных *a, e, u, ū, y, i* (см. табл. 1 и 5). Следовательно, можно

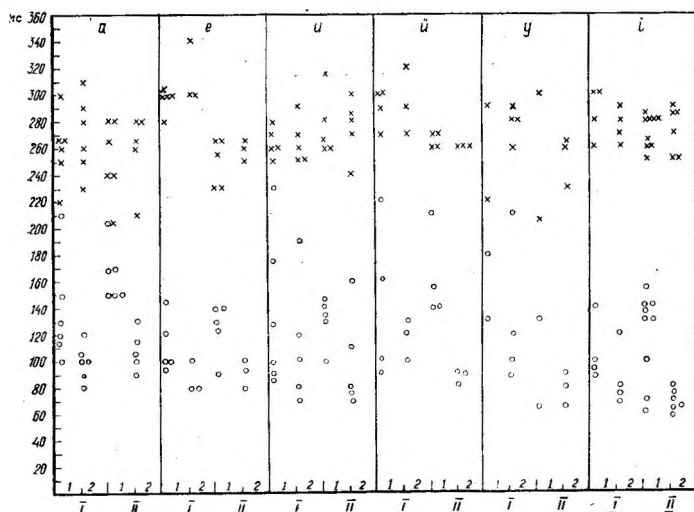

Рис. 1. Длительность безударных гласных в сравнении с длительностью ударных: *o* — указанный гласный находится в предударных слогах; *x* — ударные гласные в тех же словах; 1 — перед одиночными согласными; 2 — перед геминатами и сочетаниями согласных; I, II — дикторы.

полагать, что для ударности гласных *ă, ě* признак длительности не является существенным. Поэтому в отношении гласных *a, e, u, ū, y, i* необходимо отметить, что длительность, хотя и является здесь существенным признаком их ударности, однако это не единственный признак. Дело в том, что данные гласные в ударном положении характеризуются большей длительностью только по отношению к безударным гласным своей группы, что регулярно наблюдается лишь в словах типа: *udăt* 'он шагает', *kalazû* 'разговор', *k'ıl'ũ* 'твой дом' и т. д. (см. рис. 1). В словах же с гласными как первой, так и второй группы, как уже отмечалось, безударные *ă, ě* могут быть протяженнее ударных *a, e, u, ū, y, i*. Так, например, подобное соотношение по длительности бывает в словах типа *ădă* 'сапог', *t'ib'ě* 'сухой' и т. п. Следовательно, выделение ударных *a, e, u, ū, y, i* должно основываться еще на каком-то существенном акустическом признаке. Таким признаком может быть интенсивность. Как показывают осциллограммы, ударные гласные действительно нередко бывают интенсивнее безударных (см. табл. 3).

Однако встречаются случаи, когда безударный гласный оказывается более интенсивным. На рис. 2 видно, что в слове *agă* 'сев' в произношении диктора I большей интенсивностью характеризуется второе *a*, а в произношении диктора II — первое *a*, хотя и тот, и другой дикторы акцентировали один и тот же второй гласный⁹.

⁹ Для осциллографического исследования соотношения ударных и безударных гласных по интенсивности могут быть использованы только такие слова, в которых и в ударной, и в безударной позиции выступает один и тот же гласный, например: *agă* 'сев', *ricũ* 'собрание', *t'ed'ě* 'брат' и т. п. В словах с разными гласными невозможно проследить реальное соотношение между ударностью и безударностью по интенсивности, ибо каждая гласная имеет свою абсолютную (собственную) интенсивность.

Результаты фонетического опыта (по данным диктора II). Акцентуация по нормам литературного языка

Слова	Обычная акцентуация			Подчеркнутая акцентуация		
	Длительность (в мс)	Интенсивность (в услов. ед.)	Высота основного тона (в Гц)	Длительность	Интенсивность	Высота основного тона
tagá tábār tägát'	120—240 217— 60 50—150	18,5—18,8 31 —15,6 10 —23	162—162 180—200 173—175	105—200 220— 30 60—150	14,2—26 38 —18,8 9 —28	166—200 175—200 160—216
t'ed'ě t'éd'ěp' šed'ět'	100—250 220— 45 75—190	6 —20 9 — 9,3 9,5—12,2	162—187 140—177 207—175	100—230 190— 40 65—165	5,5—24 13,5— 4 4,5—17,3	150—208 192—150 157—211
tuzú túbār părú	125—230 180— 70 125—190	5 —11,2 12,9—20,5 17,5—10,5	162—200 171—200 160—206	120—230 180— 80 120—200	5,3—14 16,4—11,2 14 —14	162—216 206—133 160—216
süd'ü süd'ēr' k'éd'ü	100—240 190— 80 70—250	4,1— 8,5 6 —13,3 7,4— 5	175—197 214—162 166—200	90—240 180— 80 65—200	5 — 5,8 8 — 7 5,5— 7	185—241 242—140 166—240
t'iy'i t'ib'ě k'eb'i	110—230 155—150 90—230	5 — 6,5 8 —16 7 — 6	185—200 181—200 166—200	80—200 145— 95 80—200	3,8— 7,8 9 — 8,2 7 — 6,6	166—235 216—137 166—214
pýdār pydār	200— 60 50—216	16,5—17 5,3—26	212—175 200—175	185— 40 90—180	12 —18 7,8—34	238—200 166—228
šādāk šed'ěk'	100— 80 65— 50	13,8—20,8 7,8—10	162—212 180—200	90— 45 90— 70	32 —12,5 16,8—11,2	216—150 233—175
āžāx ēžep'	110—100 150— 50	10 —26 9,7— 9	162—214 170—195	130— 80 145— 40	37 —12 22,5— 8	216—162 230—150

Меньшая интенсивность ударного гласного может встретиться как в словах, состоящих из гласных группы *a, e, u, ŷ, y, i*, так и из *ä, ё*. Иначе говоря, это явление встречается как в словах типа *tagá* 'баран', *t'ed'él'* 'невод', так и в словах типа *äžä* 'тепло', *t'ëg'ë* 'подпорка'. Непосредственно отсюда следует вывод: в чувашском языке признак интенсивности не является единственным существенным признаком ударности гласного. При выделении ударного гласного с помощью признака длительности интенсивность может и не проявлять себя, но в необходимых случаях вполне может обеспечить ударность.

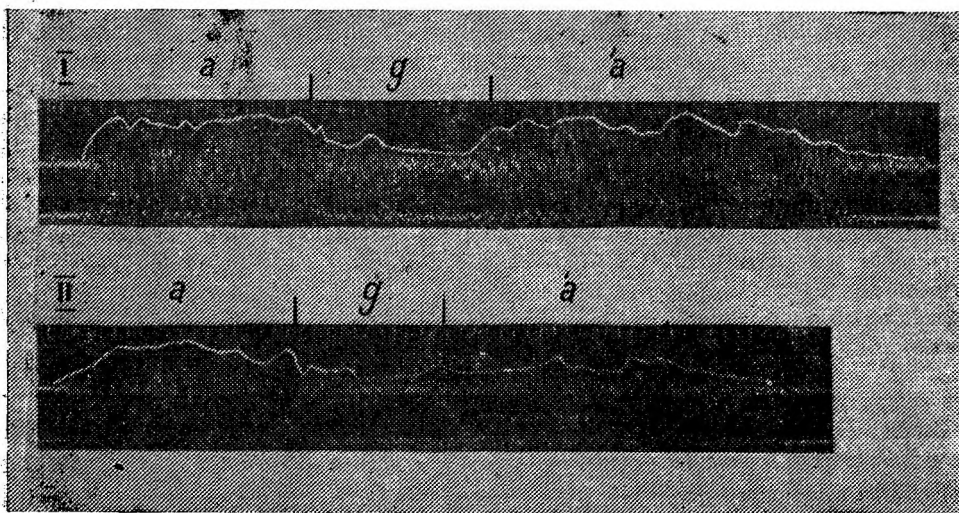

Рис. 2. Осциллограммы слова *agá*: I — д. Ч., II — д. Л.

Мы провели такой фонетический опыт с участием нескольких испытуемых. Специально подобранный список слов первоначально дикторы читали (для записи на осциллографе) с обычной акцентуацией, при втором же чтении им было предложено ударные слоги акцентировать более четко (разумеется, без искусственного «усиления звуков», «увеличения длительности» и т. п.). Во втором случае нас интересовали изменения по длительности и интенсивности в акустической природе гласных, особенно находящихся под ударением. Результаты опыта для одного диктора обобщены в таблице 3.

В целом наблюдается следующая картина. При подчеркнутой акцентуации, по сравнению с обычной, интенсивность гласных *a, e, u, ŷ, y, i* возрастает в среднем на 21%, а длительность, наоборот, сокращается в среднем на 9%. Данное обстоятельство говорит о том, что для чувашского словесного ударения интенсивность имеет такое же существенное значение, как и длительность, хотя в обычном произношении она не всегда характеризует ударный гласный. Длительность и интенсивность для ударных гласных являются как бы «взаимовыручающими» признаками, которые в определенных ситуациях могут заменять друг друга (скажем, так называемое логическое ударение осуществляется за счет повышения интенсивности обычного словесного ударения).

Гласные *ä, ё* в этом фонетическом опыте обнаружили несколько иные особенности: при чтении с подчеркнутым ударением их интенсивность возрастает в среднем на 200%, немного увеличивается и длительность (в среднем на 7%; как было отмечено выше, у других гласных она,

наоборот, сокращается). Следовательно, у гласных *ă*, *ê* длительность и интенсивность на ударении сказываются иначе, чем у так называемых долгих гласных. Увеличение длительности параллельно с усилением интенсивности свидетельствует о том, что у этих гласных длительность является лишь сопутствующим, фонетически зависимым признаком, а единственно существенным и определяющим компонентом ударения оказывается признак интенсивности. Поэтому в обычном (без подчеркнутой акцентуации) произношении, как отмечалось выше, ударные *ă*, *ê* по признаку длительности неустойчивы и нередко в слове могут быть короче безударных гласных.

Иногда встречаются случаи, когда в словах с гласными *ă*, *ê* в обычном, без подчеркнутой акцентуации, произношении ударный гласный и по признаку длительности, и по признаку интенсивности почти не отличается от безударного или даже уступает ему. Объективно такие слова являются как бы безударными, однако психологически при их восприятии функцию ударения выполняет мелодика. В частности, при чтении слов списками, благодаря мелодическому сходству с другими словами списка, имеющими физически выраженное ударение, они воспринимаются как нормальные слова с ударением (очевидно, в связной речи они выступали бы как проклитики или энклитики). У одного из дикторов встретились такие данные:

Слова	Длительность (мс)	Интенсивность (в услов. ед.)	Высота тона (Гц)
<i>ăžă</i>	255—190	11,2—10	113—143
<i>p'êd'ê</i>	190—220	9,6—11,3	114—143

Хотя у слова *p'êd'ê* 'кончится' первый гласный уступает второму и по длительности, и по интенсивности, тем не менее он воспринимается как ударный, ибо по мелодическому рисунку это слово в списке аналогично другим словам, в частности слову *ăžă* 'тепло'.

Вполне закономерен вопрос: не является ли в чувашском слове высота тона признаком ударности гласного? В литературе такое предположение уже высказывалось (см. выше).

Результаты экспериментов показывают, что высота тона для чувашских гласных не может быть признаком ударности — безударности. Как видно из таблицы 4, данные о высоте основного тона ударных гласных весьма противоречивы: в словах с одинаковой фонетической структурой ударные гласные могут иметь очень большую разницу в высоте тона; в одном и том же слове разные дикторы ударный и безударный гласные могут произносить в разных частотных соотношениях, и, наконец, тот же диктор один и тот же гласный в одном и том же слове может произнести с разной высотой тона. Тем не менее все подобные гласные воспринимаются как ударные. Следовательно, в чувашском языке мелодика слова не связана непосредственно с ударением; очевидно, она представляет собой функцию явления более высокого порядка, чем слово. Специальные фонетические опыты подтвердили эту мысль.

Один из опытов был проведен следующим образом. Одни и те же слова дикторы читали в середине списка, в конце списка и совершенно изолированно — с отдельных карточек. Оказалось, что при чтении слова в конце списка, а также при изолированном произнесении оно имеет нисходящий мелодический рисунок. При чтении слова в середине списка его

мелодика восходящая. Поскольку при этом ударение неизменно сохраняется на одном и том же слоге, что подтверждается обычным слуховым анализом, можно заключить, что мелодика слова, то есть соотношение высоты тона ударного и безударного гласных, определяется, прежде всего, не ударностью и безударностью, а интонационной картиной синтагматической цепи в целом (в середине списка слова читаются перечислительной интонацией, а в конце списка и с отдельных карточек — назывной и завершающей интонацией).

Таблица 4

Движение основного тона в некоторых наиболее характерных двухсложных словах (в Гц). Акцентуация по нормам литературного языка.

Слова	Диктор П.	Диктор М.	Диктор И.
tagá	162—162 200—150	191—185 200—157	157—174 140—165
t'ed'ě	162—187 200—156	183—193 200—162	163—175 157—127
tuzú	162—200 175—168	175—216 230—181	
süd'ü	175—197 187—188	250—180	
t'iy'i	185—200 185—193	255—200	
pärü	160—206	237—210	162—169 151—167
k'ed'ü	166—200	210—206	164—175 173—164
üdä	154—193	200—192	183—172 183—170
üzě	168—174 194—183	216—210 203—207	
süd'ēr'	214—162		182—171 177—170
tägá	171—157		150—169 155—154
šädás		216—177	
šed'és		187—207	
k'ëb'i	166—200		150—177 145—175
äzä	168—175 170—176	225—208 200—183	200—225 200—187

Примечание: В большинстве случаев сделано по две записи в разное время.

Разумеется, может быть некоторый параллелизм между ударностью гласного и частотным значением его основного тона. Например, слова, включающие гласные *a, e, u, ü, y, i*, при изолированном произнесе-

нии (с карточек), благодаря назывной интонации, показывают понижение тона на ударном (последнем) гласном. Этот параллелизм ошибочно можно приписать акустической природе ударения, то есть в число признаков ударения включить и признак высоты тона.

Таким образом, в чувашском литературном языке, а также в верхнем диалекте существуют два типа ударения: у гласных *a, e, u, й, y, i* оно долготно-силовое, а у гласных *ä, ё* — только силовое. Иначе говоря, у одной группы гласных ударность определяется двумя акустическими признаками (как по отдельности, так и в совокупности), у другой группы — только одним признаком.

В низовом диалекте, где гласные *ä, ё* в смысле ударенности и неударенности в структуре слова и признаков проявления ударенности ведут себя так же, как все остальные гласные (то есть никогда не бывают в ударных слогах, ибо ударение падает на них всегда в конечных слогах слова), в ударенном положении всегда имеют большую длительность, чем в неударенном, и в фонетических опытах с намеренным подчеркиванием ударения показывают увеличение интенсивности. Здесь следует

констатировать существование только одного — долготно-силового типа ударения¹⁰.

В тех языках, у которых ведущими компонентами словесного ударения являются длительность и интенсивность, в связи с ударностью и безударностью слогов возникает вопрос о качестве гласных. В чувашском языкознании с давних пор существует мнение, согласно которому чувашские гласные в безударном положении не подвергаются качественной редукции¹¹. Чтобы экспериментально проверить эту точку зрения, параллельно с осциллограммами с того же материала мы снимали динамические спектрограммы типа «Видимая речь».

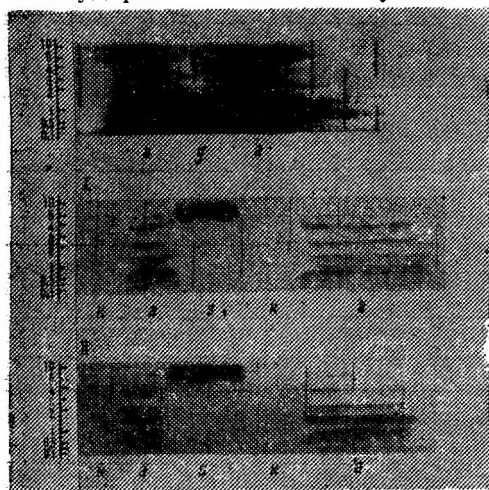

Рис. 3. Спектрограммы слов *aqä* (д. Ч), *kaskä* (I — д. И., II — д. А.).

Таблица 5

Характеристики ударных и безударных гласных (по данным дикторов А., П., И.). Акцентуация по нормам литературного языка.

Слова	Длительность (в мс)	Интенсивность (в услов. ед.)	Высота основного тона (в Гц)
<i>šāngärǰāp</i>	45—80—60	12—22—19	200—216—250
<i>k'ēl'ē</i>	230—240	18—22,5	172—187
<i>k'ēl'ē</i>	200—210	30,2—33,5	168—185
<i>šāmā</i>	155—200	15,8—21	166—190
<i>ēp'x'ē</i>	123—225	13—44	166—190

¹⁰ В настоящей статье говорится об ударении в словах, взятых вне связной речи. Что касается ударения в словах в потоке речи, то оно, разумеется, требует специального исследования.

¹¹ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., стр. 7—32.

Анализ спектрограмм показал, что акустические характеристики так называемых долгих гласных *a, e, u, ŷ, y, i* в безударных слогах и ударных слогах никаких существенных отличий не имеют. На рисунке 3 приводятся несколько спектрограмм, на которых видно, что формантные картины как ударных, так и безударных гласных одинаковы, то есть все форманты имеют одинаковые высотные значения. Следовательно, эти гласные действительно не знают (или почти не знают) качественной редукции; в безударном положении они подвергаются только количественной редукции.

Несколько иную картину обнаруживают гласные *ă, ě*. В безударном положении, особенно в заударных слогах, по спектральным характеристикам они (в первую очередь гласный *ă*) иногда значительно отличаются от соответствующих ударных звуков (см. рис. 4). Например, в спектре слова *ăktă* 'язь' безударное *ă* имеет более высокое положение F1 и F2 (ср. с формантами ударного *ă* в слове *tără* 'чистый'). Согласно известной акустической теории это свидетельствует о более передней и открытой артикуляции гласного.

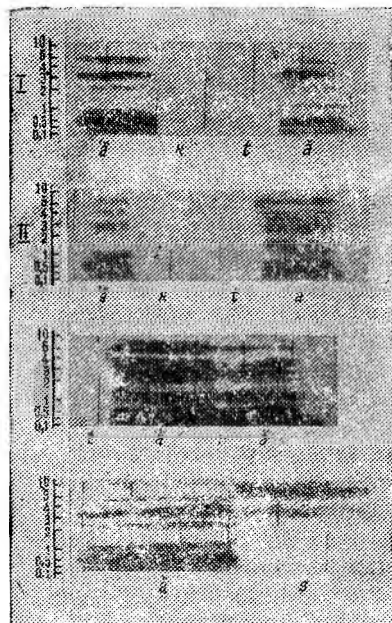

Рис. 4. Спектрограммы слов *ăktă* (I — д. И., II — д. А.), *tără* (д. А.), *ăs* (д. И.).

Однако качественная редукция гласных *ă, ě* не носит последовательного и регулярного характера: в одних и тех же условиях она иногда у одного диктора проявляется, у другого не проявляется, что связано с природой этих гласных.

С артикуляционно-акустической точки зрения в системе гласных чувашского языка эти звуки занимают центральное (то есть нейтральное, индифферентное) положение, поэтому при их произнесении мышцы органов речи почти не напрягаются; в целом эти гласные по артикуляции близки к состоянию покоя органов речи. По этой причине стремление к четкости их произнесения всегда требует некоторого напряжения, иначе они легко могут перейти в состояние качественной редукции (к тому же, в количественном отношении они характеризуются краткостью, что, по теории Л. В. Щербы, также способствует качественной редукции). Следовательно, тщательное их произнесение может предотвратить качественную редукцию, а свободное произнесение в потоке речи обычно располагает к такой редукции. В научных экспериментах, которые чаще всего проводятся в условиях лаборатории, дикторы обычно стремятся к четкости произношения, речь в таких случаях характеризуется некоторой нарочитостью и искусственностью, чем и объясняется отмеченная выше нерегулярность качественной редукции *ă, ě*.

С фонетической природой гласных *ă, ě* связаны и силовой характер их ударения, и то, почему словесное ударение в большинстве говоров чувашского языка, не подвергшихся влиянию иноязычной акцентуационной системы, в словах, состоящих только из *ă* или *ě*, падает всегда на начальный слог: с точки зрения коммуникации в таких словах важно сохранить четкость, прежде всего, начальных звуков. Что касается низово-

го диалекта, где вне связной речи ударение всегда падает на последний слог слова, в том числе и в словах с *ă*, *ě*, есть серьезные основания полагать, что это связано с влиянием татарского языка.

Наконец, следует сказать о том, почему гласные *ă*, *ě*, находясь в заударных слогах, нередко бывают длительнее ударных гласных. Причины здесь две: во-первых, из-за нейтральности и индифферентности артикуляции они предрасположены к сильной инерционности, во-вторых, стремясь сохранить их качественную определенность, говорящие часто несколько повышают их силу и увеличивают длительность.

Таким образом, в современном чувашском языке у большинства гласных безударность не связана с изменением качества; только у двух упомянутых гласных наблюдается факультативная качественная редукция.

А. НУРМУХАММЕДОВ

О НЕКОТОРЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКАХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА)

В настоящее время в литературе, посвященной фонетическим исследованиям, звонкие и глухие согласные принято различать по одному лишь признаку — наличию или отсутствию голоса при произнесении того или иного согласного. В ряде работ подчеркивается, что звонкие согласные характеризуются участием в их образовании шума и голоса, а глухие — только одного шума¹. Вместе с тем некоторые ученые, в частности А. П. Поцелуевский, А. Аннануров и другие, рассматривают звонкие согласные, как соответствующие глухие с добавлением голоса². Против последней точки зрения имеются определенные возражения, представляющие несомненный интерес для исследователя-фонетиста. К тому же отсутствие в литературе полного перечня акустических признаков различения звонких и глухих согласных свидетельствует о своевременности и актуальности изучения этой проблемы.

Опыты фонетистов, основанные на современных методах исследования звукового строя языка, показывают, что разделение согласных на звонкие и глухие по одному лишь из указанных признаков, то есть по наличию или отсутствию голоса, является недостаточным³ и носит отнесительный и односторонний характер.

Относительность заключается в том, что и при произнесении глухих согласных, как указывает Г. Фант, голосовые связки приходят в колебания, не превосходящие 30 гц, то есть не выходят за пределы довольно низких основных частот⁴. К сказанному можно добавить, что эта частота

В основу статьи положен доклад, прочитанный на III Всесоюзной тюркологической конференции в Ташкенте (сентябрь 1980 г.). См. также: А. Нурмухаммедов. О некоторых дифференциальных признаках согласных фонем (на материале туркменского языка). — В сб.: «Языкознание». Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1980, стр. 172—173.

¹ М. Geldijif ve Alpaarç. Turkmen diliniň qbramatbbqasý. Asqabaat, 1929, стр. 24; А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936; его же. Фонетический строй туркменского языка. — В сб.: «Избранные труды». Ашхабад, 1975, стр. 30; М. Н. Хыдыров ве К. Бегенжов. Хэзирки заман туркмен дили. Фонетика. Ашгабат, 1960, стр. 8—16; А. Аннануров. Фонетика дил билиминиң бөлүмидир. Ашгабат, 1959, стр. 32—33; Т. Тэчмырадов, М. Худайгулыев. Хэзирки заман туркмен эдеби дилиниң фонетикасы. Ашгабат, 1970, стр. 34.

² А. П. Поцелуевский. Фонетический строй туркменского языка, стр. 30; А. Аннануров. Указ. раб., стр. 32—33.

³ Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем. — «Вопросы языкознания», 1966, № 1, стр. 12.

⁴ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 30; М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и связи. М., 1963, стр. 29.

колебания голосовых связок активизируется и усиливается в речи там, где глухие произносятся в соседстве с гласными, особенно в позициях ГСГ и ГС в слове.

Полученные нами спектрограммы, а также осциллограммы показывают, что в структурах звуко сочетаний ГСГ и ГС при произнесении глухих щелевых ϕ (f), c (ϕ), $ш$ ($\check{s}$), x , h также присутствует частота основного тона, но слабой интенсивности. При этом в позиции ГСГ частота основного тона глухих согласных интенсивнее, чем в позиции ГС, и присутствует на протяжении всей длительности согласного. В позиции же ГС характер присутствия основного тона у глухих фрикативных слабее, чем в сочетании ГСГ. В данной позиции в спектре и в осциллограммах глухих щелевых этот тон сопровождает в большинстве случаев половину или две трети части всей длительности звука. В таких случаях (в структурах ГСГ и ГС) создаются трудности в различении на спектрограммах и на осциллограммах глухих и звонких щелевых согласных по признаку присутствия или отсутствия голосового источника. Здесь, как нам кажется, определяющую роль должен сыграть другой качественный признак — относительная интенсивность присутствующей частоты основного тона и шумовых составляющих. Известно, что у глухих фрикативных частота основного тона в указанных позициях слова носит менее интенсивный, а частоты шумовых составляющих — более интенсивный характер. Напротив, у соответствующих звонких интенсивность частоты основного тона в большинстве случаев максимально увеличивается и становится доминирующей в их спектре, а интенсивность частоты шумовых составляющих слабеет.

Признак наличия или отсутствия периодических колебаний голосовых связок, фиксирующихся в области низких частот спектра, вполне может быть использован для разграничения звонких и глухих согласных в том случае, когда они произносятся перед гласным в начале слова (то есть в позиции СГ). Присутствие или отсутствие основного тона в позиции СГ является достаточным признаком для того, чтобы определить, каким является начальный фрикативный согласный — глухим или звонким⁵. Однако и в этой позиции не исключена возможность озвончения под влиянием последующего гласного глухого согласного в безударном положении. В некоторых экспериментальных данных, относящихся к глухим согласным туркменского языка в позиции СГ, наблюдались случаи, когда в спектрограмме начального h' при произнесении двусложного слова *хөвес* (*höwəφ*) 'желание' на протяжении большей части длительности согласного присутствовала частота основного тона (но с минимальным значением), а в спектрограммах *ш* ($\check{s}$) в двусложных словах *шаха* (*šaxa*) 'ветвь', *шахер* (*šäher*) 'город' — основной тон с минимальной интенсивностью прослеживался лишь во второй половине длительности звука. Необходимо отметить, что присутствие основного тона в указанных или аналогичных им примерах в позиции СГ — явление редкое, не носящее общего характера, так как в остальных спектрограммах указанных согласных частота основного тона в позиции СГ вообще отсутствует.

Присутствие частоты основного тона и усиление ее интенсивности у глухих согласных в связной речи в позициях ГСГ и ГС можно объяснить влиянием сочетающихся гласных в процессе их артикуляции. Именно в непрерывной речи окружающие гласные (особенно в позиции ГСГ) активно способствуют озвончению глухих согласных. Иначе говоря, слабобибрирующие голосовые связки при раскрытии голосовой щели (при

⁵ Л. В. Бондарко. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. Автореф. докт. дисс. Л., 1969, стр. 20.

произнесении глухих согласных под воздействием предыдущих и последующих артикуляторных программ, характерных для гласных) активизируются.

Таким образом, предположение, что все звонкие согласные могут быть определены как соответствующие глухие, но только с добавлением голоса, результатами современных экспериментальных исследований не подтверждается⁶. Односторонность этого предположения заключается в следующем. Во-первых, проведенные Л. А. Варшавским и И. М. Литваком опыты получения из синтетических глухих фрикативных *s*, *š*, *f* соответствующих звонких *z*, *ž*, *v*, посредством добавления к первым частоты основного тона голоса, не дали ожидаемых результатов (образовывались совсем другие звуки, не похожие на *z*, *ž*, *v*)⁷. Во-вторых, это не подтверждается всеми теми согласными, которые имеют свои пары и отличаются друг от друга лишь по признаку звонкости/глухости. Поэтому приведенное предположение может быть отнесено, как правильно отмечают Л. В. Бондарко и Л. Р. Зиндер, лишь к взрывным согласным⁸. У фрикативных же согласных наблюдается иная картина. Как уже отмечалось выше, наличием или отсутствием частоты основного тона могут различаться лишь начальные фрикативные согласные, а в остальных позициях в слове указанный признак для различения звонких и глухих согласных недостаточен⁹. Наличие голоса является довольно существенным отличием звонких фрикативных от соответствующих глухих. В связи с этим Л. В. Бондарко и Л. Р. Зиндер пишут: «Прежде всего возникает заметная неоднородность звучания в результате появления сильновокализованных участков в начале согласного и в конце, непосредственно перед гласным... Далее, очень существенным является и то, что уровень шума в звонких согласных значительно слабее, чем в глухих. В результате появления вокализованных участков и ослабления шума звонкий шумный согласный может приобрести характер сонорного, как это и происходит, например, с губно-зубным *v* перед гласным или в окружении гласных, т. е. в условиях, наиболее благоприятных для сонантизации...»¹⁰. Далее эти авторы заключают: «...фонетические различия между звонкими и глухими согласными не могут быть сведены к одному признаку — наличию или отсутствию основного тона голоса»¹¹.

Здесь можно сослаться и на другой эксперимент, проведенный А. В. Венцовым по изучению степени шума и голоса звонких и глухих согласных. Исходя из общего положения о том, что интенсивность и характер шума связаны с величинами внутриречевого давления и объемной скорости выдыхаемого через рот потока воздуха, он измерил аэродинамические величины некоторых соответствующих глухих и звонких пар щелевых согласных русского языка и пришел к тому же выводу. Получен-

⁶ См.: Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем, стр. 10—14.

⁷ Л. А. Варшавский, И. М. Литвак. Исследование формантного состава и некоторых других физических характеристик звуков русской речи. — В сб.: «Проблемы физиологической акустики», т. III. М.—Л., 1955, стр. 5—17. См. также: Л. Р. Зиндер. Основные задачи развития физиологической фонетики. — «Труды кафедры общего языкознания Тбилисского университета», т. 3. Фонетический сборник, в. I, Тбилиси, 1959, стр. 195.

⁸ Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем, стр. 12.

⁹ Этот признак может быть также применен и к изолированно произносимым согласным. Многие исследователи в прошлом при определении звонких и глухих согласных, полагаясь лишь на собственный слух, экспериментировали в основном с изолированно произносимыми согласными. Следует отметить, что дифференциальные признаки фонем обычно выявляются в связной речи, то есть в слове, слове и т. д., а не изолированно.

¹⁰ Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер. О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем, стр. 12.

¹¹ Там же.

ные им цифровые величины показывают, что сопротивление давлению потока воздуха в полости рта у глухих щелевых больше, чем у соответствующих звонких¹².

Выводы о том, что уровень шума в звонких согласных слабее, чем в глухих, подтверждаются и экспериментальными материалами туркменского языка. Как показывают полученные нами спектрограммы, при идентичных фонетических положениях уровень шума (в цифровых значениях) оказывался всегда больше у глухих фрикативных *с* (*θ*), *ш* (*ʃ*), *х*, *ф* (*f*), чем у соответствующих звонких *з* (*ð*), *ж* (*ʒ*), *г* (*ɣ*), *б* (*β*). Кроме того, следует заметить, что в благоприятных условиях звонкие согласные, имеющие четкую формантную структуру, в основном вокализируются. Среди звонких согласных междугубной, плоскощелевой *б* (*β*), междузубной *з* (*ð*) и средненёбной *г*' (*ɣ'*) в интервокальном положении выступают уже не как соответствующие звонкие минимальных пар глухих *ф* (*f*), *с* (*θ*), *х*, а как их соответствующие сонанты.

Следовательно, можно сделать следующие заключения об относительных уровнях интенсивности основного тона и шума, характерных для сонорных, звонких и глухих согласных звуков. У сонорных звуков максимально выражена интенсивность основного тона, интенсивность же их шумовых составляющих выражается крайне слабо. У глухих согласных соотношение интенсивности шума и голоса диаметрально противоположно. У звонких согласных интенсивность обоих составляющих характеризуется средневыраженными величинами, то есть звонкие согласные по степени интенсивности частоты основного тона и шума занимают срединное положение между сонорным и глухим согласными.

Некоторые специалисты по описательной фонетике различают сонорные и звонкие согласные в зависимости от степени преобладания либо шума, либо голоса: у сонорных голос преобладает над шумом, а у звонких — шум преобладает над голосом¹³.

Экспериментальные данные подтверждают мнение, что у сонорных звуков голос преобладает над шумом, если иметь в виду относительную интенсивность этих составляющих. С уверенностью можно утверждать, что у многих звонких согласных интенсивность основного тона и низких частот спектра в определенной степени преобладает над интенсивностью их шумовых составляющих. Однако иногда под «преобладанием» понимают не качественный фактор, а количественный рост, что следует признать ошибочным¹⁴. Спектральные и осциллографические данные дают показания, несколько расходящиеся с последним заключением. В спектрограммах глухих и соответственно звонких парных согласных изменяется, главным образом, интенсивность основного тона и формант составляющих шума. Таким образом, основной тон и форманты, образующие конкретный звук в указанных типах согласных, количественно не изменяются, как это полагают некоторые авторы.

Остановимся и на других моментах, относящихся к характеристике звонких и глухих согласных. Полученные нами многочисленные экспериментальные данные указывают на наличие таких акустических свойств звонких и глухих согласных, с которыми нельзя не считаться при их интерпретации. В наших материалах, как правило, практически отсутст-

¹² А. В. Венцов. Некоторые параметры аэродинамической модели щелевых согласных. — Сб.: «VI Всесоюзная акустическая конференция». М., 1968.

¹³ М. Н. Хыдыров ве К. Бегенжов. Хэзирки заман түркмен дили. Фонетика, стр. 26; А. Аннануров. Фонетика дил билиминиң белүмидир, стр. 30—31; Т. Тэчырадов, М. Худайгулыев. Хэзирки заман түркмен эдеби дилиниң фонетикасы, стр. 33; их же. Фонетика. — В кн.: «Грамматика туркменского языка», ч. I. Фонетика и морфология, Ашхабад, 1970, стр. 43.

¹⁴ Там же.

вовали частоты основного тона (ЧОТ) и первой форманты (F_1) глухих согласных $с$ (θ), $ш$ (ξ), $х$, h в спектрограммах в позиции СГ, то есть в начале слова. Но они всегда присутствовали в спектрах звонких согласных $з$ (δ), $ж$ (ζ), $г$ (γ), $в$ (ψ) в той же позиции.

То, что у глухих согласных заглушается первая форманта в позиции СГ, отмечалось еще Г. Фантом на материалах русского языка. По данному поводу он пишет: «...Голосовая щель может быть раскрыта и может оказывать заметное влияние на частоту формант и их затухание. Если площадь голосовой щели велика, первая форманта повышается по частоте и сильно демпфируется. Это общее положение относится ко всем звукам, которые образуются полностью или частично за счет источника, расположенного выше голосовой щели, то есть к взрывным, аффрикатам и щелевым»¹⁵. Это мнение подтверждается и материалами туркменского языка, что свидетельствует об общем характере указанного акустического свойства глухих согласных, могущего служить одним из признаков для различения глухих и звонких согласных при спектральном анализе речи. Наряду с этим звонкие согласные отличаются и тем, что у них первая форманта оказывается всегда ниже по частоте на 100—200 $гц$, чем у соответствующих глухих.

Приведем сравнительную таблицу частот первой форманты (F_1) некоторых звонких и глухих согласных туркменского языка, произнесенных в срединной и конечной позициях слова.

Таблица 1

Частота F_1 согласных в позиции ГСГ и ГС в туркменском языке

Звонкие звуки	F_1 в $гц$	Средняя частота в $гц$	Глухие звуки	F_1 в $гц$	Средняя частота в $гц$
з (δ)	300	300	с (θ)	500	500
з' (δ')	300—350	325	с' (θ')	400—500	450
ж (ζ)	300—350	325	ш (ξ)	300—500	400
г (γ)	300—655	447	х	500—780	640
б' (b')	300—350	325	ф' (f')	400—500	450

Данные таблицы 1 убедительно свидетельствуют о том, что частота F_1 глухих согласных выше, чем у соответствующих звонких. Указанная особенность согласных может сыграть дополнительную роль при их различении в спектрограммах, так как она подтверждается и материалами других языков¹⁶.

Следует остановиться еще на одном акустическом свойстве, различающем звонкие и глухие согласные, хотя оно и не является определяющим признаком. Как известно, измерения длительности согласных разных языков указывают на различную длительность звучания звонких и глухих согласных. Причем, по общему мнению, глухие согласные имеют большую длительность, чем звонкие в идентичных фонетических положениях¹⁷.

¹⁵ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования, стр. 165.

¹⁶ Г. Фант. Анализ и синтез речи. Новосибирск, 1970, стр. 107.

¹⁷ Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер. Зависимость временной характеристики согласных от их фонетического положения. — «Вопросы радиоэлектроники», серия XI, в. 3, 1960, стр. 123; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. Ч. II. Казань, 1961, стр. 144—145; Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. Просодические характеристики речи. М., 1970, стр. 27; А. Б. Кошкарров. Спектральный анализ фрикативных согласных казахского языка в структурах типа СГС, ГСГ (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 21 и др.

Подобное заключение подтверждается также проведенными нами экспериментами на материалах туркменского языка¹⁸. Для наглядности приведем сравнительные данные абсолютной и относительной длительности некоторых согласных, указанных в таблице 2.

Таблица 2

Средняя абсолютная и относительная длительность некоторых звонких и глухих согласных в туркменском языке (единицей сравнения служат данные звонких пар соответствующих глухих согласных)

Согласные звуки	В начале слова		В середине слова			
	Средняя длит. в м/сек.	Относительная длительность	В конце слога		В начале слога	
			Средняя длит. в м/сек.	Относительная длительность	Средняя длит. в м/сек.	Относительная длит. в м/сек.
ж (ž)	—	—	167	1	—	—
ш (š)	—	—	199	1,13	—	—
з (ž)	142	1	110	1	87	1
с (š)	172	1,21	195	1,77	139	1,60
з' (ž')	150	1	157	1	86	1
с' (š')	182	1,21	199	1,26	147	1,70
х (x)	—	—	120	1	93	1
г (γ)	—	—	195	1,54	119	1,28

Из таблицы 2 следует, что глухие звуки в начале слова произносятся в 1,2 раза дольше, нежели соответствующие звонкие. В середине слова длительность глухих также возрастает по сравнению со звонкими в пределах от 1,13 до 1,77 раза, в зависимости от характера согласных и от их фонетических условий.

Данные таблицы 2 показывают, что во всех случаях длительность глухих согласных превышает длительность звонких, это позволяет сделать вывод, что звонкие и глухие согласные характеризуются еще и различной длительностью произнесения.

Итак, на основе установленных фактов можно сделать вывод, что звонкие и глухие согласные дифференцируют следующие акустические признаки¹⁹:

- 1) наличие или отсутствие частоты основного тона в позиции СГ;
- 2) наличие или отсутствие первой форманты (F_1) согласных в спектре в позиции СГ;
- 3) расположение первой форманты (F_1) на частотной шкале спектра;
- 4) степень шума, то есть усиление или ослабление интенсивности частот нижней и верхней области спектра;
- 5) длительность звучания согласных.

¹⁸ А. Нурмухаммедов. Длительность фрикативных согласных в туркменском языке. — «Известия АН ТССР. Серия общественных наук», 1970, № 3, стр. 67; *его же*. Фрикативные согласные звуки в туркменском языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1974, стр. 32; *его же*. Туркмен дилинц сүйкеш чекимсиз сеслери. — В кн.: А. Нурмухаммедов, С. Куренов. Туркмен дилинде сүйкеш ве сонорлы чекимсизлер. Ашгабат, 1979, стр. 180.

¹⁹ См.: А. Нурмухаммедов. О частоте основного тона и ее роли в дифференциации согласных по звонкости — глухости в туркменском языке. — «Известия АН ТССР. Серия общественных наук», 1973, № 2, стр. 62—63; *его же*. Фрикативные согласные звуки в туркменском языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1974, стр. 28.

Таким образом, звонкие согласные отличаются от соответствующих глухих пар следующими свойствами: основной тон и первая форманта (F_1) звука присутствуют в их спектре во всех позициях слова; первая форманта (F_1) в них по частоте ниже на 100—200 гц и отличается меньшей степенью шума (то есть интенсивность частоты спектральных составляющих максимально увеличивается в нижней части и уменьшается в верхней части спектра звонких) и меньшей длительностью звучания.

Глухие же согласные в отличие от соответствующих звонких пар характеризуются противоположными особенностями: основной тон и первая форманта (F_1) звука отсутствуют в их спектре в позиции СГ слова; первая форманта (F_1) глухих расположена выше по частоте на 100—200 гц, чем у соответствующих звонких, отмечается большая степень шума (то есть, интенсивность частоты уменьшается в низкой и усиливается в верхней части спектра глухих) и большая длительность звучания.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в определении звонких и глухих согласных качественным дифференцирующим признаком служит не только наличие или отсутствие частоты основного тона согласного, но и другие свойства, в том числе присутствие и расположение в спектре частоты первой форманты, степень шума и длительности звучания. Определяющие признаки — наличие или отсутствие частоты основного тона (ОТ) и F_1 в позиции СГ, а также степень шума. Другие признаки при различении звонких и глухих согласных фонем являются второстепенными.

Указанные акустические признаки, дифференцирующие звонкие и глухие согласные туркменского языка, могут быть использованы при спектральном и осциллографическом анализе артикуляции согласных звуков и в других тюркских языках.

М. ХУСАИНОВ

ИЗ ОПЫТА СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЧАСТОТНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В 1932 году по инициативе и под непосредственным руководством первого президента Турецкой Республики Кемаля Ататюрка началось проведение языковой реформы. Для осуществления ее необходимо было решить сложную задачу: освободив язык от избытка иностранных заимствований, способствовать формированию общенародного национального литературного языка. Используя существующие в языке средства, методы и способы словообразования, турецкие лингвисты создали значительное количество неологизмов. Следует отметить, что употребляемый здесь термин «неологизм» не всегда применяется в своем прямом значении, поскольку многие слова, введенные Турецким лингвистическим обществом в качестве неологизмов, были привлечены из диалектов турецкого языка или из родственных языков, а также из тюркоязычных литературных памятников. Поэтому они именуются нами функциональными или относительными неологизмами. Однако наряду с последними в годы реформы были созданы также новые слова, образованные по законам турецкого языка и соответствующие по своим функциям неологизмам. Таким образом, термин «неологизм», охватывающий все указанные выше категории вводимых в турецкий язык слов, толкуется в данной статье весьма широко.

Вопрос о том, сколько неологизмов было создано в турецком языке за сорок с лишним лет с начала языковой реформы, сколько из них закрепилось в языке, до сих пор еще окончательно не решен. Бесспорно одно: за эти годы, в результате осуществления языковой реформы, в турецком языке и прежде всего в его лексическом составе произошли определенные сдвиги. Так, турецкий языковед Эмин Оздемир пишет: «Сегодня мы употребляем в устной и письменной речи вместо заимствованных слов: *tektep—okul* 'школа', *muhacir—göçmen* 'переселенец', *muallim—öğretmen* 'учитель', *arzıhal—dilekçe* 'заявление', *intihab—seçim* 'выборы', *müntehib—seçmen* 'избиратель', *mahsul—ürün* 'урожай', *inhisar—tekel* 'монополия', *alâka—ilgi* 'отношение', *hadise—olay* 'событие', *hususî—özel* 'специальный', *istihsal etmek—üretmek* 'производить'; можно привести сотни других примеров»¹.

Исследования в области лингвистики с применением статистических методов и прежде всего изучение языка современных турецких писателей, лексики периодической печати и, наконец, современной живой ту-

¹ *Emin Özdemir. Öz Türkçeden ne anlıyoruz? — «Türk Dili», 1967, № 188.*

речкой речи дали бы возможность более или менее достоверно установить сдвиги в словарном составе турецкого языка, происшедшие за годы реформы. Несмотря на то, что появление определенного слова в определенном месте текста может рассматриваться иногда как случайность, изучение частотности употребления слов, соотношения их и другие характеристики позволяют выявить некоторые общие закономерности в структуре словаря и текста. Согласно положениям математической статистики², для того чтобы сделать какой-либо вывод о языке, необходимо извлечь определенные части из цельных текстов, отражающих язык данного периода, ибо они позволяют получить вполне адекватное представление о целом, о совокупности.

Экспериментальной основой нашего исследования послужили периодическая печать современной Турции, газета «Cumhuriyet» (апрель, 1979) и сборник рассказов Азиза Несина «Az gittik uz gittik» («Жили-были»).

Упомянутая газета, отмечавшая в мае 1974 года свой пятидесятилетний юбилей, была основана Юнусом Нади вскоре после провозглашения Турецкой республики.

Названные источники были выбраны нами в соответствии с задачей эксперимента — исследования статистической характеристики частоты употребления неологизмов в газетных текстах и в языке художественной литературы. Газета «Cumhuriyet» одна из наиболее читаемых в стране. По своей политической ориентации она является умеренно левым органом, поэтому сотрудничающие в ней журналисты не впадают ни в пуристическую, ни в консерваторскую крайности, что как раз и требовалось для нашего исследования. На первых трех-четыре страницах этого издания печатаются материалы, посвященные жизненно важным проблемам внутренней и внешней политики, экономики, социальным вопросам. На остальных страницах публикуются реклама, объявления, спортивная информация; лексика этих материалов обычно изобилует арабско-персидскими и западноевропейскими заимствованиями.

Таблица 1

Наименование источника	Количество экземпляров	Среднее количество слов на единицу источника	Минимальное количество неологизмов на единицу источника	Общее количество выявленных неологизмов	Средняя частота употребления неологизмов в %
Газета «Cumhuriyet»	30	10700	12,2	333	0,01
Азиз Несин (сборник рассказов)	1	10920	—	132	—

Писатель Азиз Несин является последовательным, но умеренным сторонником реформы языка и в своих произведениях никогда не пользуется неустоявшимися неологизмами. Язык Азиза Несина по общему признанию считается в турецкой литературе одним из самых образцовых, отличающимся выразительностью, образностью, самобытностью.

² См.: В. Фукс. Математическая теория словообразования. — В сб.: «Теория передачи сообщений». М., 1957, стр. 221; Р. М. Фрумкина. Статистическая структура лексики Пушкина. — «Вопросы языкознания», 1960, № 3, стр. 78; Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. К вопросу о применении статистики в языкознании. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6, стр. 120.

Для подсчета частоты употребления неологизмов в газете «Cumhuriyet» мы пользовались колонками текстов, помещенных на первых трех-четырех ее страницах. Из номеров газеты, выпущенных в течение месяца, было извлечено 333 неологизма, при общем числе словоупотреблений 288900. Количество слов в одном номере соответственно составляет 10700 единиц. В сборнике рассказов Азиза Несина насчитывается 132 неологизма и 10920 словоупотреблений. Таблица 1 отражает общую характеристику исходных данных исследуемых объектов.

С помощью элементов статистической выборки нами были составлены частотные словари неологизмов. В частотном словаре слова располагаются в алфавитном порядке и соответственно нумеруются. В таблице 2 показана зависимость частоты употребления неологизмов от их количества на основе анализа лексики газеты «Cumhuriyet».

Таблица 2

Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
68	1	43	2	31	6	20	5	10	10
61	1	42	5	30	3	19	7	9	14
60	1	41	1	29	5	18	6	8	10
58	1	40	3	28	5	17	13	7	15
57	1	39	2	27	7	16	7	6	14
55	3	37	1	26	5	15	12	5	14
52	2	36	2	25	6	14	5	4	13
51	3	35	1	24	5	13	16	3	17
50	2	34	2	23	4	12	7	2	22
49	1	33	4	22	5	11	8	1	15
47	4	32	2	21	7				5

Таблица 2 начинается наиболее часто употребляющимся в источнике исследования словом под № 1: özel (hususî)³ 'специальный', которое встречается 68 раз. Вторым по частоте употребления является неологизм neden (seber) 'причина', отмеченный 61 раз. Третьим наиболее часто употребляющимся неологизмом является bölge (mintaka) 'район', встречается 60 раз. В число часто встречающихся входят также слова konu (mevzu) 'тема' (58 раз), görev (vazife) 'обязанность' (57), gerek-mek (icabetmek, lâzım gelmek) 'быть необходимым' (55), sözcü 'обозре-ватель' (52), başbakan (başvekil) 'премьер-министр' (51), karma (muh-telif) 'смешанный' (50).

В таблице 3 отражена статистическая структура неологизмов в художественной литературе (сборник Азиза Несина). Начинается таблица наиболее часто встречающимся словом yazar (muharriр) 'писатель', оно использовано автором 17 раз.

В группе слов, частота использования которых, отмечена в таблице 3, цифрами 13, 12, 11 (2), 10 (2), 9, 8 (2), 7 (2) в нашем словаре неологизмов значатся: öğretmen (muallim) 'учитель' (13 раз), sayın (muhte-rem) 'уважаемый' (12), öğrenci (talebe) 'ученик', 'студент' (11), söz (kelime) 'слово' (11), okul (mekteр) 'школа' (10), taşıt (nakliye) 'тран-

³ Здесь и далее в круглых скобках указаны старые эквиваленты неологизмов.

спорт' (10), basin (matbuat) 'печать' (9), konu (meyzu) 'тема' (8), uzman (mühassis) 'специалист' (8), bayan 'госпожа' (7), dolmuş — примерно соответствует русскому терминологическому словосочетанию «маршрутное такси» (7).

Таблица 3

Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов	Частота	Количество слов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
17	1	14	0	11	2	8	2	4	7
16	9	13	1	10	2	7	2	3	20
15	0	12	1	9	1	6	3	2	31
						5	2	1	50

Таким образом, таблицы 2 и 3 отражают статистическую структуру исследуемых источников и переходную стадию для выявления зависимости частотности неологизмов от вероятности их употребления в тексте исследуемого материала. На основе анализа случаев употребления различных неологизмов можно определить вероятность наличия в тексте нового слова и частоту его употребления. Для этой цели нами вводятся ряд условных обозначений: P — частотность слова, K — количество слов с данной частотой, B — вероятность наличия в тексте слов с данной частотой, D — длина текста. Вероятность наличия в тексте нового слова (B) определяется из отношения $\frac{P \cdot K}{D}$. При составлении таблицы зависимости частотности неологизмов от вероятности их употребления в качестве типичного случая взяты слова с частотой равной единице (эта частота принимается за абсолютную величину). В таблице 4 приводится такой расчет для газеты «Cumhuriyet».

Таблица 4

P	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
K	5	15	22	17	13	14	14	15	14	10	8	7	16	5	12	7	18	6	7	5
B	0.015	0.091	0.20	0.21	0.197	0.25	0.296	0.363	0.392	0.302	0.266	0.255	0.630	0.212	0.545	0.339	0.927	0.327	0.403	0.203

В данном случае длина текста (D) берется из частотного словаря неологизмов и определяется (согласно этому словарю) равной для газеты — 333 единицам.

Эта же зависимость в художественной литературе (сборник Азиза Несина) представлена с использованием известных обозначений в таблице 5.

Длина текста (D) для этой таблицы равна 132. Она взята из частотного словаря неологизмов, составленного на основе анализа рассказов Азиза Несина.

Таблица 5

Р	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
К	50	31	20	7	8	3	2	2	1	2	2	1	1	0	0	0	1
В	0,38	0,47	0,45	0,21	0,30	0,23	0,11	0,12	0,07	0,15	0,16	0,09	0,09				0,13

По данным таблиц 4 и 5 можно составить графическое изображение зависимости частоты употребления неологизмов от вероятности их использования в исследуемых текстах. В системе прямоугольных координат на оси ОХ откладывается частота (Р) слов, а на оси ОУ — вероятность (В) наличия в текстах слов с данной частотой. Необходимые данные для построения графиков берутся из таблиц 4 и 5. При соединении отмеченных точек на графике получаются ломаные линии. В первом случае (рис. 1) эти линии стремятся к оси ОУ, а во втором (рис. 2) — к оси ОХ.

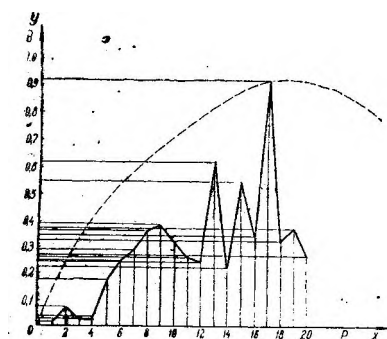

Рис. 1

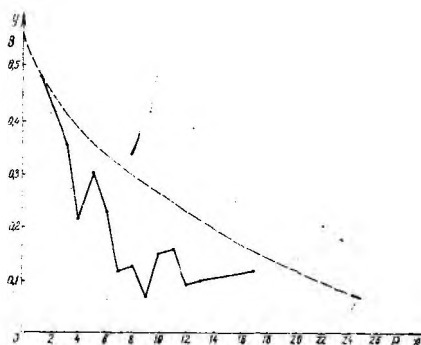

Рис. 2

Графическое изображение функции $y = f(x)$ позволяет сделать следующий вывод. В газетных текстах частота употребления неологизмов прямо пропорциональна вероятности их использования. В литературном произведении частота употребления неологизмов обратно пропорциональна вероятности их появления в тексте. Если в литературных произведениях локальные максимумы искажают точную картину обратной зависимости частоты от вероятности (точки 3, 5, 8, 11 — рис. 2), то в газетных текстах эти максимумы (точки 2, 9, 13, 15, 18, 19 — рис. 1), напротив, подтверждают наличие прямой зависимости данных компонентов.

Определение частотности употребления различных неологизмов в современном турецком литературном языке методом математической статистики позволяет оценить результаты, достигнутые реформой в области лексики. Частотность употребления указывает на целесообразность сохранения в языке того или иного неологизма. Например, в языке газеты «Cumhuriyet» такими редкими словами являются: *aymazlık* (*gaflet*) 'опрометчивость', *ayırnak* (*sınır, hudut*) 'граница', *arıtma* (*tasfiye*) 'очищение', *dördül* (*murabba*) 'квадрат', *duyuru* (*ilân*) 'объявление'; в рассказах А. Несина — *çoğul* (*cemi*) 'множество', 'множественное число', *gizenli* (*esrareniz*) 'таинственный', *kıpırdak* (*cevval*) 'под-

вижный', *onur* (*haysiyat*) 'достоинство', 'честь', *uyum* (*ahenk*) 'гармония'.

Статистический метод анализа употребительности неологизмов в печати дал возможность составить частотные словари с применением методов статистической группировки, выборки и вариации. Однако для небольших по объему художественных произведений, каковыми являются рассказы А. Несина, метод выборки не может быть применен.

Итак, в современном турецком языке в зависимости от характера текста отмечаются существенные различия в частоте употребления неологизмов. Анализ лексики подтверждает, что язык художественной литературы и периодической печати в разной степени обогащается новыми турецкими словами, заменяющими заимствования. Об этом говорится, в частности, и в предисловии Омера Асыма Аксой к словарю неологизмов Али Пюскюллюоглу. Омер Аксой пишет, что за прошедшие 34 года турецкий язык обогатился тремя тысячами новых слов, которые составляют одиннадцать процентов словаря из 27 тысяч слов. Из этих трех тысяч неологизмов в языке утвердилось около 1200, из них примерно 500 слов вошло в разговорный язык, а остальные приходятся на долю терминов из области науки и техники⁴. Новые слова вводятся в современный турецкий язык и с помощью средств массовой информации.

Результаты примененного статистического анализа подтверждают наличие определенных сдвигов в области лексики современного турецкого литературного языка послереформенного периода.

⁴ См.: *Ömer Asim Aksoy* (önsüzüyle). *Öz Türkçe Sözcükler ve terimler sözlüğü*. Ankara, 1970.

Л. Ш. АРСЛАНОВ

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «АСТРАХАНСКИХ КАРАКАЛПАКАХ» И ИХ ЯЗЫКЕ

Говором астраханских каракалпаков называют говор астраханских и уральских каракалпаков-татар, проживающих в настоящее время в основном в Палласовском, Старополтавском районах Волгоградской области, на станциях Палласовка, Гмелинка, Сайхын, Кайсацкая, Нижний Баскунчак.

Астраханские каракалпаки, или калпаки, стали объектом внимания исследователей начиная со второй половины XIX века. Именно к этому времени относится довольно значительная научная литература о них.

По данным переписи в 1926 году насчитывалось всего 845 представителей этой этнической группы¹. Точных данных относительно ее численности в настоящее время не имеется, так как часть татар-каракалпаков официально записывается казахами, каракалпаками и татарами.

Следует отметить, что имеющаяся научная литература о татарах-каракалпаках носит большей частью этнографический характер. Об их языке же, который не подвергался специальному исследованию, можно найти лишь отдельные высказывания. Отсутствие в научном обиходе языкового материала привело к противоречивым суждениям и о происхождении татар-каракалпаков.

Астраханские каракалпаки стали известны в научной литературе благодаря «Очеркам Волжского Низовья» П. И. Небольсина². Автор не указал точного места проживания этих каракалпаков, ограничившись общим замечанием, что они живут недалеко от Черного Яра. По-видимому, П. И. Небольсин имел в виду баскунчакских каракалпаков, ибо в настоящее время в Черноярском районе и на прилегающих к нему территориях каракалпаки не проживают.

По данным П. И. Небольсина «...в Приволжье каракалпаки появились около 1817 года, а существование и пребывание их сделалось гласным всем с 1827 года, когда некто именующийся киргизцем по имени Мухамед Биктимиров, от имени четырех семей, состоящих из шестидесяти одной души, просил о записании его в кундровские татары»³. Речь здесь, очевидно, идет о каракалпаках, живших недалеко от Черного Яра, то есть в окрестностях озера Баскунчак (к тому времени каракалпаки жили и в других местах, например, на территории современной

¹ Г. Н. Дроздов. Территория и население. Уральский округ и его районы. Вып. I. Уральск, 1929, стр. 12.

² П. И. Небольсин. Очерки Волжского Низовья. — «Журнал Министерства внутренних дел». Ч. 32, СПб., 1852.

³ Там же, стр. 189.

Волгоградской области и Казахстана, в частности в Уральской области, о них П. И. Небольсин, вероятно, не знал). В 1847 году, по данным П. И. Небольсина, каракалпаков насчитывалось «67 душ мужского и 66 душ женского пола». Эти сведения касаются, по-видимому, каракалпаков, кочевавших на казахских землях, однако численность их была, несомненно, значительно больше.

О происхождении каракалпаков П. И. Небольсин пишет: «По наружному виду их нельзя отличить от казанских татар, с давних времен поселившихся очень немногими деревнями в Низовой стороне, начиная от Сарпы, пониже которой есть село Чапурники, где целая половина населения состоит из казанских татар и до самых Мочагов, где ими заселено село Зензели»⁴. О языке каракалпаков автор ничего не сообщает.

Таким образом, именно эта небольшая группа татар стала называться «астраханскими каракалпаками», или «калпаками».

Некоторые сведения, касающиеся этих каракалпаков, приводит А. Терещенко. Он пишет о тех каракалпаках, которые проживали «около черты Баскунчакского озера», и считает, что «они суть выходцы из разных мест России, смешались здесь с татарами, забыли свой язык и приняли магометанство»⁵. О каких татарах пишет автор — непонятно. О языке каракалпаков А. Терещенко никаких данных не приводит. Не обосновано и не убедительно мнение автора и относительно происхождения каракалпаков.

А. П. Хорошхин пишет о «30 семействах... на берегу Большого Узеня»⁶, приписанных к Уральскому казачьему войску. Кроме них автор упоминает каракалпаков, живших среди киргизов. А. П. Хорошхин отмечает, что «уральские каракалпаки — полукочевники и по языку, по одежде и образу жизни отличаются от живущего с ними бок о бок другого, чисто кочевого, узбекского колена казакъ (киргизы Внутренней орды)» и подчеркивает: «исследование их очень интересно»⁷. Сведений о языке в этой работе нет.

Специальный раздел посвятил каракалпакам в книге «Киргизы Букеевской Орды» А. Харузин⁸, выделивший в Букеевской орде две антропологические группы «каракалпаков собственно и каракалпаков лишь по названию». Последние, по мнению А. Харузина, «суть не что иное, как пришельцы из разных стран, принадлежащие к разным национальностям: татарам, бухарцам, хивинцам и др.»⁹.

В отличие от других авторов, А. Харузин приводит новые сведения о расселении каракалпаков. Он, в частности, отмечает, что каракалпам хан Джангер выделил место для кочевков на «Баскунчакском выгоне»¹⁰. Часть их была переселена на земли солянских татар (ныне — с. Солянка Наримановского района Астраханской области) на урочище Биштубе, другая часть осталась и «выхлопотала свободное от кочевья урочище Сарбаста (современный Сарыбаш. — Л. А.) в числе 50 киби-

⁴ П. И. Небольсин. Указ. раб., стр. 189.

⁵ А. Терещенко. Следы Дешт-и Кипчака и внутренняя киргиз-кайсацкая орда. — Журнал «Москвитин», 1853, № 21, стр. 51—77.

⁶ А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 497.

⁷ Там же.

⁸ А. Харузин. Киргизы Кукеевской орды (Антрополого-этнологический очерк), вып. I. — «Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», том 63. М., 1889.

⁹ Там же, стр. 39.

¹⁰ Там же.

ток»¹¹. Третья часть «с Баскунчакского выгона была переселена в Старшинство № 1 Таловской части на урочище Сегир-Кудук»¹².

Сведения, приводимые А. Харузиным, вполне согласуются с преданиями, бытовавшими среди жителей сел Биштубиновка и Новая Кучергановка Астраханской области. Действительно, в село Новая Кучергановка были переселены так называемые «калпаки», часть их поселилась затем в селе Зензели, о чем свидетельствует наличие каракалпакских родов и поныне живущих в селе Зензели Лиманского района Астраханской области. Перечисленных выше каракалпаков А. Харузин называет «мнимыми каракалпаками». По нашим данным, последние в основном были носителями мишарского диалекта.

А. Харузин указывает и на каракалпаков «настоящих». Численность их, пишет он, около 80 кибиток. Они живут в Торгунской части (15 кибиток) и в Таловской части¹³. Здесь имеются в виду, несомненно, каракалпаки, жившие до революции в селе Бурсы на Торгуне и в урочище Карасу современного Казталовского района Уральской области Казахской ССР.

В настоящее время каракалпаки в этих урочищах не живут. Они переселились в совхозы и колхозы Старополтавского и Палласовского районов Волгоградской области.

А. Харузин отмечает, что киргизы называют каракалпаков «„калпаками“, киргизами не считают, признают их отдельной народностью» и при этом подчеркивает, что каракалпаки тяготеют к татарам и «резко отличаются по типу от киргизов: они среднего роста, волосы их русые с рыжеватым оттенком, глаза серые»¹⁴. В заключение А. Харузин пишет: «Но сомнения быть не может, что недалеко то время, когда каракалпаки, сблизившись с киргизами и утратив свое родное, сольются с ними до неузнаваемости»¹⁵.

Это предположение автора не оправдалось. Каракалпаки, испытав определенное влияние в области материальной, духовной культуры и языка со стороны казахов, сохранили все признаки татарской нации в языке и в самобытной культуре.

Некоторые сведения о татарах-каракалпаках имеются и в работе И. Л. Щеглова¹⁶. Так, например, упоминаемые им «казавчиевы роды», или «киргизы», восемьдесят семей которых в 1790 году присоединились к тухменам, имеют непосредственное отношение к астраханским каракалпакам. По мнению автора, «„эта группа казакчи“ (то есть каракалпаки. — Л. А.) образовала особый род казакчиев, переделанный, по-видимому, затем в казанцев. Часть родов казакчиев, или казанцев, поселена в ауле Камыш Бурун Ставропольского края»¹⁷.

Данные И. Л. Щеглова позволяют заключить, что татары-каракалпаки появились в Букеевской орде не в 1817 году, а гораздо раньше, примерно во второй половине XVIII века (около 1790 года).

Г. Н. Дроздов высказал мнение, что каракалпаки — это «остатки некогда многочисленной народности, жившей в нынешнем Уральском округе и числившейся еще в сороковых годах XVIII столетия в подданстве России и затем переселившейся на низовья рек Сыр-Дарья и Аму-

¹¹ А. Харузин. Указ. раб., стр. 39.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 40.

¹⁵ Там же, стр. 41.

¹⁶ И. Л. Щеглов. Тухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Том I, Ставрополь, 1910, стр. 111.

¹⁷ Там же, стр. 128.

Дарьи»¹⁸. В подтверждение своего предположения автор никаких данных не приводит. По сведениям Г. Н. Дроздова, численность каракалпаков в Уральском округе составляла 845 человек, в Таловском районе — 595, в Джаныбекском — 247.

По переписи 1926 года демографическая характеристика каракалпаков в процентном отношении выглядела следующим образом:

<i>Казахов</i>	<i>Каракалпаков</i>
мужчин — 52,1	— 58,5
женщин — 47,9	— 41,4.

Статистические данные, приводимые Г. Н. Дроздовым, свидетельствуют о том, что относительно низкий процент женщин (41,5%) по отношению к мужчинам (58,5%) способствовал росту числа смешанных каракалпакско-казахских семей, которые еще более сблизили татар-каракалпаков с казахами.

О языке татар-каракалпаков Г. Н. Дроздов также ничего не сообщает.

Н. А. Баскаков, говоря о каракалпакском народе, выделяет астраханских каракалпаков, тем самым признавая их каракалпаками, а не татарами¹⁹.

О каракалпаках астраханской и уральской групп упоминает и Д. С. Насыров²⁰. Астраханскую и уральскую группы каракалпаков автор, ссылаясь на П. И. Небольсина, А. П. Хорошхина, А. Харузина и Г. Н. Дроздова, относит к локальной северо-западной группе каракалпаков²¹ и пишет о них следующее: «Эта группа осталась жить здесь, на прежних местах обитания, с тех времен (вторая половина XVI века), когда каракалпаки выделились из состава Больших Ногаев и — в массе своей — переселились из бассейна Урала и Волги на Нижнюю и Среднюю Сырдарью»²².

Д. С. Насыров утверждает, что каракалпаки уральской группы ассимилировались среди казахского населения, «сохраняя, однако, четкое представление о своем каракалпакском происхождении»²³.

Автор относит язык астраханской и уральской групп каракалпаков к западной группе говоров казахского языка²⁴.

В рецензии на монографию Д. С. Насырова У. Д. Доспанов пишет, что «... вторая группа говоров, распространенных среди астраханской, уральской и туркестанской групп каракалпаков, может предположительно рассматриваться в составе западной и южной групп говоров казахского языка»²⁵.

Таким образом, большинство исследователей считало татар-каракалпаков локальной группой каракалпаков, испытавших влияние казахского и татарского языков, хотя некоторые ученые и обратили вни-

¹⁸ Г. Н. Дроздов. Территория и население. Уральский округ и его районы. Вып. I. Уральск, 1929.

¹⁹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 251, 300.

²⁰ Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус—Казань, 1976, стр. 123—124, 127, 129—130, 289, 306—307, 355.

²¹ Там же, стр. 123—124.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 306—307.

²⁴ Там же, стр. 355.

²⁵ У. Д. Доспанов, Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. — «Советская тюркология», 1978, № 2, стр. 86.

мание на их этнографическую и антропологическую близость к казанским татарам.

В 1978—1979 годах нами был собран интересный материал по языку и фольклору каракалпаков (в Кумысолечебнице, на ферме № 3 совхоза «Фурманов» Палласовского района, на станции Палласовка и в селе Савинка того же района Волгоградской области).

До революции, по словам местных жителей, татары-каракалпаки жили в селе Бурсы (Торгунская группа) Джаныбекского района, в селе Карасу Казталовского района Уральской области, вблизи станции Сайхин (Сарбашская группа), на Нижнем Баскунчаке (Баскунчакская группа) и в других местах на территории Уральской области Казахской ССР.

Так, например, в селе Бурсы располагались аулы Болекбай, Каугабаш, Абдрахман, Зёпяр, Баттал. Каждый аул состоял не менее чем из двадцати домов.

Что касается происхождения каракалпаков, или калпаков, то они, по свидетельству самих жителей и согласно собранным нами фольклорным и языковым материалам, являются настоящими казанскими татарами — носителями среднего диалекта татарского языка. В настоящее время большинство каракалпаков записано казахами, остальные — каракалпаками и татарами.

Появление каракалпаков в Букеевской орде местные жители объясняют следующим образом: предки их были беженцами-переселенцами, которые, не выдержав притеснений со стороны царского правительства, насильственно насаждавшего православие, тягот двадцатипятилетней солдатской службы, покинули свои родные места, нашли убежище в казахских степях и поселились среди казахов. Однако они не слились с последними и сохранили родной татарский язык и самобытную культуру. Своей прародиной татары-каракалпаки считают Бугульминский и Белебеевский уезды Уфимской и Бузулук Оренбургской губерний, что подтверждается и языковыми материалами.

Вероятно, первые переселенцы-татары, в целях безопасности, часто неправильно называли свои имена и фамилии, сёла, откуда они переселились. «Каракалпаками», или «калпаками», их называли казахи лишь потому, что они носили черные войлочные шляпы.

Живя долгое время среди казахов, татары-каракалпаки стали двуязычными. Наличие же билингвизма способствовало проникновению в язык татар-каракалпаков казахских языковых элементов, прежде всего в лексику и морфологию. Что касается фонетической системы, то она оказалась относительно более устойчивой и подверглась лишь незначительным изменениям под влиянием казахского языка.

Говоря о языке татар, обитающих на обширных территориях Северного и Западного Казахстана, Л. Ю. Тугушева²⁶ присоединяется к утверждению Ж. Вандриеса, что «изолированные языковые островки, разбросанные случайно среди населения, говорящего на другом языке, не выдерживают напора и быстро поглощаются»²⁷.

В отношении татар-каракалпаков и их языка это суждение Ж. Вандриеса не кажется нам справедливым.

У каракалпаков, или калпаков, сохранились образцы самобытного устного народного творчества. Широко распространены байты «Сак-Сок», песни и мелодии «Жизнэкэй», «Баламишкин», «Карурман», «Зил-эйлук» и др. До сих пор бытует легенда о Шурале (Лешем) и т. д.

²⁶ Л. Ю. Тугушева. О языке романа Г. Ибрагимова «Казак кызы» (К вопросу о смешении языков). — Сб. «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 258.

²⁷ Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, стр. 256—260.

В семье в общении между собой татары-каракалпаки пользуются татарским языком, который считают родным, называют себя татарами. Язык их близок к среднему диалекту татарского языка, если не считать особенностей, связанных с казахским влиянием в лексике и частично — в морфологии.

Судя по языковым данным, в формировании говора татар-каракалпаков основную роль сыграли, по-видимому, носители среднего диалекта, причем различных его говоров. В состав татар-каракалпаков влились и носители мишарского диалекта, большей частью из сел Лятошинка Старополтавского и Царев Ленинского районов Волгоградской области, что подтверждается наличием в говоре татар-каракалпаков мишарских вкраплений.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЕНИСЕЙСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В данной статье рассматривается ряд доселе неизвестных енисейских надписей. Все памятники обнаружены на территории Хакасско-Минусинской котловины.

1. Надпись на горе Озерной. Сулекская писаница (по-хакасски *Пичиктиг хая*), находящаяся в Северной Хакасии, известна уже давно. Изучены и основные рунические надписи, начертанные между ее скальными рисунками¹. Установлено, что надписи и рисунки относятся к периоду IX—X веков².

В 1975 году археолог Минусинского музея Н. В. Леонтьев обнаружил новую руническую надпись, начертанную одной горизонтальной строкой на верхнем ярусе обнажений сопки Сулекских гор, обрывающейся к соленому степному озеру. Местные русские жители называют озеро «Сульфатным», а сопку «Озерной». Скала отстоит от берега озера на 1,5—2 км к юго-юго-западу. По данным красноярских художников В. Ф. Капелько и М. М. Бирюкова, в 1977 году копировавших Сулекскую писаницу, надпись нанесена на камень выше покрывающих всю его поверхность изображений людей, всадников, лошадей и т. д. Рисунки выполнены тонкой гравировкой. Можно предположить, что они сделаны древними хакасами, владевшими именно этой техникой нанесения изображений на скалы. Сама надпись также нанесена легкими линиями, прочерченными тонким острием.

29 августа 1975 года Н. В. Леонтьев передал нам для изучения и издания прекрасно выполненную прорисовку надписи (рис. 1). Предлагая здесь первый вариант ее прочтения, выражаем ему свою искреннюю благодарность.

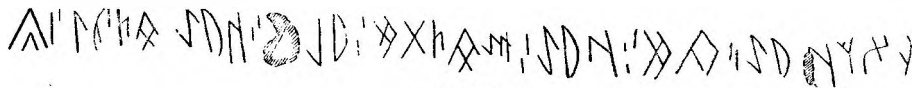

Рис. 1. Надпись на горе Озерной. Прорисовка.

Новая сулекская надпись состоит из 35 знаков (6 из них — слово-разделители) и читается справа налево. Длина строки 1 м, высота знаков от 3,6 до 5,3 см (в среднем, около 4 см), ширина их около 2 см³.

¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 68 (Е 39). Надписи Сулека прочитаны по неточным прорисовкам. Оригиналы в настоящее время сильно повреждены.

² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 119, Е 39, стр. 110, рис. 14.

³ Возможно, эта надпись вошла в общий список Д. Д. Васильева (см. Д. Д. Васильев. «Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала». — «Советская тюркология», 1978, № 5) как Е 138. Однако там указаны две строки текста.

Транслитерация:kzš¹qj¹a: učm: qj¹a :qab²t²d²m : j¹l¹t¹ : qj¹ab²t²gi : t¹**Транскрипция:**

keʒ uʃ qaja učum qajaja bitidim jalt qaja bitigi aty

Перевод:

‘На очень мглистой скале, на (в высоте) парящей скале я написал: название (ее) — «Отвесная Скала с Письменами»’.

Комментарий

1. Слово kez (‘сильный, крепкий; очень; крепко, основательно; обильный’), насколько нам известно, впервые встречается в руническом тексте. Принимая во внимание нормы литературного языка того времени, имевшего *d*-признак, следовало ожидать употребления здесь другого фонетического варианта ked⁴. Однако в науке утвердилось представление, что разговорный язык древних хакасов, создавших большинство памятников енисейской письменности, отличался от литературного койне и относился к *z*-языкам⁵. Предлагаемое прочтение первого слова полностью согласуется с содержанием надписи (судя по местоположению во фразе, оно относится ко второму слову — uʃ), в случае обнаружения в новых енисейских надписях слов с тем же признаком — *z*, это может расцениваться как подтверждение гипотезы, выдвинутой Э. Р. Тенишевым.

2. Слово uʃ ‘копоть, сажа; дымка, туман, мгла’⁶ в этом тексте служит определением к последующему qaja и может переводиться как ‘туманный, мгlistый, покрытый дымкой’. Значение слова усиливается предыдущим kez ‘очень’. В рунических текстах uʃ в этом значении также пока не встречалось.

3. Третье, пятое и восьмое слово надписи qaja ‘скала’⁷ хорошо известно по предыдущим сулекским надписям в том же написании⁸. Трижды встречается это слово и в «Гадательной книге» из Дуньхуана⁹. В новой надписи во втором случае qaja стоит в дательном падеже, употребленном, видимо, в значении места; он может передаваться с помощью предлогов «на», «по» (как и в примере «Древнетюркского словаря»: kedin jer-kä sučysu ‘граница, пролегающая по западной стороне’¹⁰). В данном случае использование дательного падежа вызвано наличием глагола bitidim. Как и во многих других рунических надписях, падежный аффикс отделен здесь от корня словоразделительным знаком (к тому же аффикс начертан мелкими рунами, по размерам вдвое меньшими соседних).

4. Четвертое слово надписи служит определением к qaja. По-видимому, это отглагольное существительное, образованное при помощи аффикса *-ит* от основы *иç-* ‘летать, парить’¹¹. Исходя из этимологии основы, словосочетание učum qaja, вероятно, следует переводить как «в зысь вздымающаяся скала» или «в высоте парящая скала»¹². В пользу этого говорит и контекст. Učum qaja однородный член предложения

⁴ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 305, 292.

⁵ Э. Р. Тенишев. О языке кыргызов уезда Фууй (КНР). — «Вопросы языкознания», 1966, № 1, стр. 95—96; Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 9; М. И. Боргояков. К истории языковых отношений в Саяно-Алтайском регионе (IX—XII вв.). — В кн.: «Тюркологический сборник. 1974». М., 1978.

⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 220.

⁷ Там же, стр. 406.

⁸ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 68.

⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 410.

¹⁰ «Древнетюркский словарь», стр. 661.

¹¹ Там же, стр. 603.

¹² Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I. М., 1974, стр. 612—613.

(обстоятельство), как и *kez uŝ qaja*, также подчеркивает высоту скалы — мгlistой, туманной, то есть с покрытой облаками вершиной. Гора Сзерная, к которой относятся эти определения, возвышается над водной поверхностью не менее чем на 80 м, господствуя над окружающей ее степной долиной. В Хакасии дождевые облака часто задевают вершины подобных сопков.

Следует отметить и явное, намеренное, возвеличивание данной скалы в средневековой надписи. Первое подтверждение этому — сам факт существования надписи. Смысловые повторы *qaja* — *qaja*, обрисовка образа за счет последующего уточнения данной в первой части фразы характеристики (*kez uŝ* — *uŝım*) и, наконец, определенное ритмическое единство, выразившееся в равнотактности обоих словосочетаний и расположении ударных слогов, — все это позволяет предположить использование в надписи устойчивого, вероятно, фольклорного мотива, своего рода эпического «штампа», столь характерного для героических сказаний. Подобная близость к фольклору некоторых выражений енисейских наскальных надписей уже отмечалась при анализе другого памятника IX века¹³.

5. Шестое слово надписи — глагол *biti-* стоит в прошедшем времени, первом лице, единственном числе. Различные его формы часто встречаются в рунических текстах. Девятое слово публикуемой надписи — его производное *bitig*, оформленное аффиксом принадлежности третьего лица. Оно образует изафетную конструкцию со словом *qaja*. Хотя в большинстве текстов *bitig* и означает «надпись», в данном случае, на наш взгляд, его лучше переводить как «письмена, знаки, начертания». Скала, как уже говорилось, покрыта не надписями, а рисунками. К тому же хакасы называют Сулукскую скалу *Pičiktiŝ haxa* (отсюда русское название местной речки — Печище). Хакасы так называют и другие сопки с наскальными рисунками и тамгами, в том числе и не имеющие надписей. Видимо, так повелось издавна, и древние хакасы употребляли слово *bitig* в том же значении. Во всяком случае, судя по публикуемой надписи, и тысячу лет назад местные сопки назывались так же, как сейчас их называет хакасское население.

До сих пор в енисейских текстах были известны лишь два случая употребления данного слова. В одном случае (на изваянии из Знаменки) оно написано в форме *bičig*, в другом — *bitig*, как и в рассматриваемой здесь надписи¹⁴.

6. В изучаемой надписи гора не просто названа «Скалой Письмен», но имеет определение *jalt* 'отвесная'. Слово это не встречалось в рунических надписях, но в других древнетюркских текстах оно употреблялось именно по отношению к скалам¹⁵. Хотя скальный выход сопки действительно обрывист, надо полагать, что она не носила столь пышного названия — *jalt qaja bitigi* (к тому же, оно слишком литературно, чтобы быть топонимом). По всей вероятности, это такое же определение — восхваление скалы, как и *kez uŝ* и *uŝım*. В нашей надписи последний знак слова сильно поврежден, хорошо видна лишь его левая косая черта.

¹³ И. Л. Кызласов. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века. — «Советская археология», 1979, № 3. О средневековом фольклоре и енисейских памятниках см. Л. Р. Кызласов. О литературе и фольклоре средневековых хакасов. — «Вестник Московского университета. История», 1968, № 2; М. А. Унгуицкая. К вопросу о фольклорных источниках енисейской письменности. — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», XVIII. Абакан, 1973.

¹⁴ Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия). — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 61.

¹⁵ «Древнетюркский словарь», стр. 230.

7. Последнее слово надписи ат 'имя, название'. Аффикс принадлежности третьего лица единственного числа здесь не обозначен. Предположить его присутствие позволяет содержание надписи.

Остается отметить некоторые палеографические особенности. Словоразделительные знаки надписи имеют вид не двух вертикально размещенных точек, а пары недлинных линий. Характерно написание t^1 в виде «шалашика» (стороны нижнего угла значительно короче, чем верхнего; их основание — одна мысленная линия). В имеющейся единственной работе по рунической палеографии такое написание не отмечено¹⁶. Руна для ξ^1 (s^1) также своеобразна: ее левый «рог» не перечеркнут дополнительным штрихом, короткая линия лишь примыкает к основной. Однако, если сама идея перечеркивания «рога» выдвигается как датирующий признак текстов, созданных позднее второй половины VIII века¹⁷, то манера примыкающего штриха, возможно, еще более поздняя, производная. Так или иначе, но до разработки палеографии всех рунических текстов эта надпись с наибольшей вероятностью может быть датирована по окружающим рисункам и особенно по личным тамгам древних хакасов.

II. Фыркальская надпись. Как и предыдущая, находится в Северной Хакасии. В 1,5 км к западу-северо-западу от озера Фыркал на правом берегу реки Белый Июс стоят три скалы в 2,5 км к юго-западу от улуса Усть-Фыркал (по-русски деревня Фыркалы). Фронт скал обращен на восток-юго-восток к озеру и перпендикулярен берегу реки. Северная сопка называется *Абаях хая*, средняя *Крес хая*, название южной утрачено. Публикуемая надпись находится на Крес хая, посредине скалы (в 1,5 км от озера к северо-западу, между малым озерцом у ее подножия и дорогой на мост через р. Белый Июс), на втором ее прилавке, на высоте 25—30 м. Скальная грань (размером 1,45×0,25 м) обращена на юго-юго-запад. На ней (рис. 2) тонким резцом глубокими наклонными бороздами вырезана тамга в виде кружка (диаметром 9 см) с точкой внутри и двумя раскрыльями сверху (размах их 15,5 см). Общая высота тамги 13,5 см. В 8 см справа от тамги идет четко выбитая пунсоном надпись из семи знаков в одну строчку длиной 17 см (высота рун 2—3 см). Сохранность памятника очень хорошая.

Впервые эта надпись была обнаружена в 1940 году П. И. Каралькиным, бывшим в то время директором Хакасского областного краеведческого музея. В мае 1965 года ее осмотрел археолог Я. И. Сунчугашев. В 1975 и 1978 годах надпись была осмотрена и зафиксирована археологической экспедицией Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова¹⁸. До сих пор не публиковавшаяся надпись внесена в списки рунических памятников как Е 137 по упоминанию в печати А. М. Щербак¹⁹.

Исходя из того, что надпись очень короткая и завершается личной тамгой, вполне возможно считать ее начертанием собственного имени владельца этого тамгового знака. Прекрасно сохранившаяся, ясная надпись транслитерируется вполне определенно:

b' r' mč u(o) r' η' (nt)

¹⁶ И. В. Кормушин. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — «Советская тюркология», 1975, № 2.

¹⁷ Там же, стр. 39.

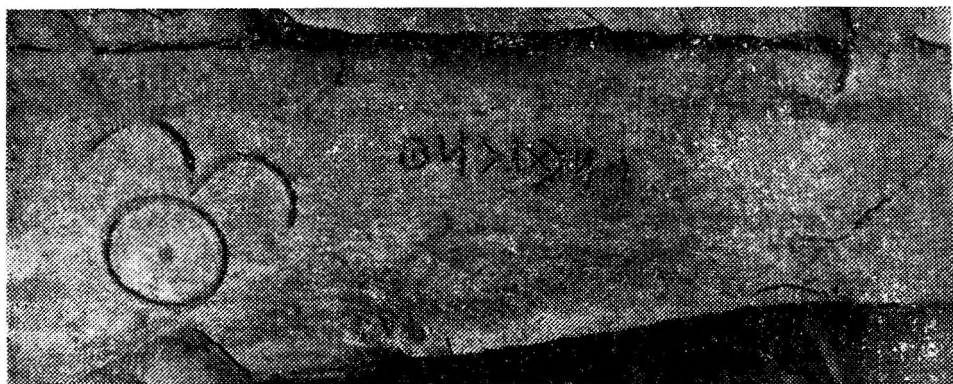
¹⁸ Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Раскопки средневекового замка в Хакасии. — «Археологические открытия 1975 года». М., 1976, стр. 256.

¹⁹ См.: Д. Д. Васильев. Указ. раб., стр. 94; А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970, стр. 117.

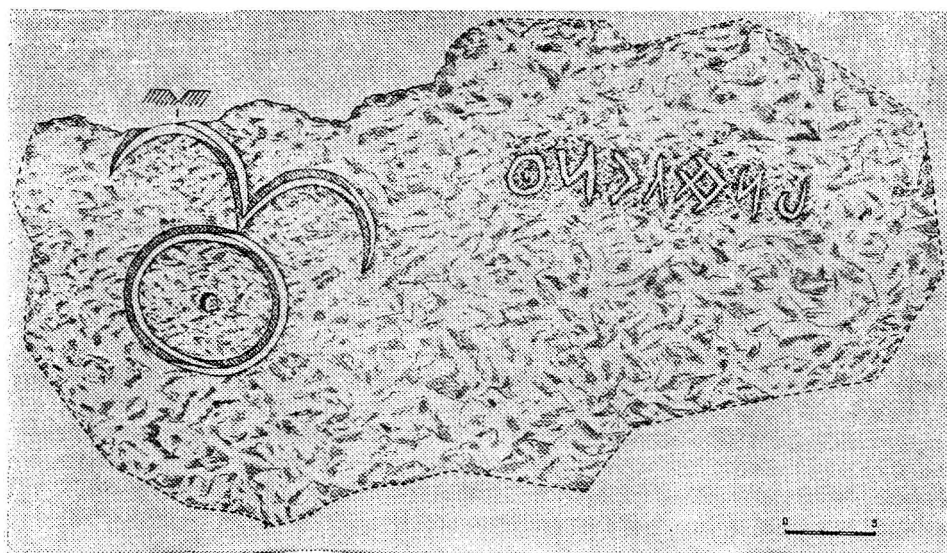
Однако она трудна для прочтения. Можно предложить немало вариантов транскрипции надписи, так как она почти сплошь состоит из рун, передающих согласные звуки, и не имеет словоразделителей. На основе известных компонентов средневековых имен тюркоязычных народов разберем три варианта прочтения:

- 1) b^aγ^um č^ur
- 2) b^aγ^umč^u ug^uη^u
- 3) b^aγ^umč^u ug^uη^u

В первом случае остается необъясненным последний знак η (nt). И если второй компонент предполагаемого имени обычен, то первый по

а

б

Рис. 2. Надпись на горе Крес хая; а — вид скальной плоскости с надписью; б — прорисовка надписи.

написанию может сопоставляться с baγum 'скот, имущество', хорошо известным по енисейским надписям²⁰. Однако данное слово в составе имен собственных ни разу не встречалось. Все это позволяет отказаться от такого прочтения.

²⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 104.

Во втором случае — сходная ситуация. Второй компонент вполне отождествим с распространенной в енисейских и восточно-туркестанских (миранских) рунических памятниках частью мужских имен — *игиңи*. В пользу этой гипотезы свидетельствует, во-первых, обычное расположение *игиңи* в заключительной позиции в именах, лишенных титула (типа *alp игиңи*, *kedim игиңи* и т. д.)²¹, и, во-вторых, обычное написание этого слова в енисейских памятниках через круг или ромб с точкой (знак для *η*¹), то есть так же, как и в фыркальской надписи²². Однако приходится допустить пропуск обычно писавшейся для звука *и* руны в конце слова (подобный случай отмечен С. Е. Маловым для памятника Уйбат III, строка 15)²³. В составе имен собственных не встречалась до сих пор форма *bagutçu*. Отказаться от второго варианта прочтения, пожалуй, следует еще и потому, что в этом случае приходится допустить и пропуск *у* в аффиксе *-çu*, что маловероятно.

С нашей точки зрения, наиболее вероятным является третий вариант прочтения. В нем первый компонент представляется отыменным словообразованием от *bag* (в первоначальной именной основе, а не в предикативной функции этого слова)²⁴, образованном при помощи аффикса *-таç*²⁵. Возможность прочтения второго компонента имени уже показана, однако сложность состоит в том, что мы здесь впервые встречаемся в рунических текстах с подобным производным. В целом, принимая предложенный вариант, читаем значимое имя собственное типа «Владелец (зажиточный, состоятельный и т. д.) Уруну». Поскольку *игиңи* — компонент аристократических имен, первая часть прочитанного имени вполне соответствует и второму компоненту, а в целом высеченное на скале имя соответствует присутствующей здесь же древнехакасской тамге — знаку феодальной собственности.

Появление изучаемой надписи на фыркальской скале, по-видимому, следует отнести к концу IX—началу X века. Такая датировка прежде всего подтверждается аналогичной енисейской надписью из Ховд-сомона МНР, опубликованной В. М. Наделяевым²⁶. Она сопровождается древнехакасской тамгой рубежа IX—X веков²⁷. Эта надпись типологически наиболее близка фыркальской: на скале также начертаны имя и тамга древнехакасского феодала. Датировку подтверждают и наблюдения над белоюсским тамговым материалом. По имеющимся в настоящее время данным, обычай высекать свои личные тамги на эпитафиях, курганных камнях и скалах был особенно характерен для древнехакасских феодалов в IX—X веках. Уже в XI веке эта традиция угасает.

На той же Крес хае (северо-северо-восточная оконечность) на скальной плоскости, обращенной к озеру Фыркал, точками выбита аналогичная знаку при надписи тамга, однако без точки в центре. Учитывая известные закономерности изменения личных тамговых знаков, ее, видимо, следует считать формой более ранней, чем тамга с надписью. По данным Я. И. Сунчугашева, в окрестностях озера Фыркал различные

²¹ «Древнетюркский словарь», стр. 615—616.

²² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 25 (Е 10, 5, 6) и стр. 38 (Е 16, 1).

²³ Там же, стр. 63, 64.

²⁴ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. II. М., 1978, стр. 61—62.

²⁵ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977, стр. 108.

²⁶ В. М. Наделяев. Древнетюркская надпись из Ховд-сомона МНР. — В кн.: «Бронзовый и железный век Сибири». Новосибирск, 1974, стр. 163—166.

²⁷ Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3, рис. 4.

тамги подобного типа высечены и на камнях древних тагарских курганов. Район распространения тамг этого типа, однако, гораздо обширнее. Наибольшее их скопление зафиксировано на курганных камнях вокруг озера Шира А. П. Ермолаевым в 1913 году²⁸. Многие тамги этого района изданы Э. Р. Рыгдылоном²⁹. А. В. Адрианов встретил подобную тамгу на левом берегу Белого Июса выше впадения реки Тихтерек³⁰. Л. Р. Кызласов аналогичные тамги зафиксировал в 1959 году в районе Черного озера и близ деревни Знаменки³¹. Таким образом, по имеющимся данным, основной ареал тамг типа фыркальской надписи занимает пространство по правому берегу Белого Июса между озерами Фыркал и Шира. Единичные экземпляры попадают на левом берегу Белого Июса и к югу от Батеневского кряжа.

Этот тамговый материал позволяет впервые определить границы крупного феодального владения в Северной Хакасии. Нет сомнения, что это такой же феодальный надел, передаваемый по наследству от отца к сыну, как и баги, выявленные в Туве, относящиеся к периоду ее вхождения в древнехакасское государство³². Все это вполне соответствует значению начертанного на Крес хае имени, носитель которого, несомненно, принадлежал к господствующему слою древнехакасского общества. Для отнесения надписи к рубежу IX—X веков имеет значение тот факт, что фыркальская тамга не первая и не последняя в типологическом ряду подобных известных знаков.

С какой же целью была нанесена на скалу исследуемая надпись? Вероятнее всего, тамга была использована здесь по своему прямому назначению как знак собственности. Уже приходилось отмечать, что именами и личными тамгами на скалах и межевых камнях древнехакасские феодалы метили свои земельные владения и их границы³³. Это обстоятельство позволяет в настоящее время при картографировании тамгового материала определять расположение и размеры багов, систему землепользования и ее конкретные изменения от поколения к поколению, порядок наследования и т. д. Все это делает средневековые тамги и краткие надписи с обозначением собственных имен феодалов ценным источником для изучения социально-экономического строя древнехакасского государства. Сбор материала и работа в этом направлении — одна из важных задач изучения древней истории Южной Сибири.

Значение фыркальской надписи заключается еще и в том, что она подтверждает связь памятников енисейской письменности с тамговым материалом, доказывая тем самым его принадлежность древним хакасам.

²⁸ «Корочки» А. А. Спицина. Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ф. 5, д. № 311, л. 285, 286, 289.

²⁹ Э. Р. Рыгдылон. Писаницы близ озера Шира. — «Советская археология», XXIX—XXX, 1959, табл. II, рис. 7, 1; табл. V, рис. 3, 7—10; табл. VI, рис. 3, 3; табл. VII, рис. 2, 2; табл. VIII, рис. 11; табл. IX, рис. 14, 4; рис. 17, 2; табл. X, рис. 10; табл. XII, рис. 8, 16.

³⁰ А. В. Адрианов. Отчет по обследованию писаниц Ачинского округа. — «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии», 1910, № 10, стр. 45, рис. 8. В верховьях Белого Июса на современных картах обозначена река Пихтерек, на довоенных — река Тихтерек.

³¹ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 14, 10. Пользуясь случаем, выражаю признательность Л. Р. Кызласову за предоставленные материалы по тамгам.

³² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности; *его же*. О датировке памятников енисейской письменности.

³³ Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия), стр. 64.

III. Надпись на зеркале из Минусинска. В фондах Минусинского музея хранится фотография (№ 215) гладкого металлического зеркала квадратной (со скругленными углами) формы с одной петлей в центре оборотной стороны. По типологии Е. И. Лубо-Лесниченко экземпляр относится к типу III 38 (рис. 3) и, судя по аналогии, может быть датирован VIII—IX веками³⁴. Зеркало хорошей сохранности. На фотографии видна наклеенная на него этикетка с надписью «Минусинск 1905 г.», а у петли прямо по металлу тушью нанесена цифра 2. Имеются сведения, что зеркало находилось в собрании И. П. Кузнецова³⁵, но где оно хранится сейчас неизвестно. Фотография была нам показана 29 августа 1975 года Н. В. Леонтьевым. На снимке совершенно ясно видна небольшая руническая надпись, вырезанная вдоль края от угла к середине (рис. 3). Строка состоит из небольшой черточкой в начале и пяти рун, читающихся справа налево:

$s^1(\tilde{s}^1)u(o)r^1q\check{c}$

Рис. 3. Надпись на зеркале из Минусинска. Прорисовка фотографии.

Предлагаем первый вариант прочтения и перевода надписи:

$asur q\check{c}$ — асурий, удались!

1. Первое слово может читаться и как $asuri$ — все это соответствует различным вариантам бытования в лексике средневековых тюркоязычных народов санскритского по происхождению термина $asura$, обозначавшего в буддистских верованиях класс демонических существ³⁶. В рунических надписях термин встречен впервые и, возможно, является первым буддийским термином, обнаруженным в памятниках енисей-

³⁴ Е. И. Лубо-Лесниченко. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975, стр. 64.

³⁵ См.: Д. Д. Васильев. Указ. раб., стр. 93, Е 127.

³⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 61.

ской письменности. Принадлежность публикуемой надписи к енисейским еще нуждается в доказательстве. Зеркало не относится к местным изделиям, предметы такого рода в равной степени ценились всеми тюркоязычными народами средневековья, употреблявшими руническую письменность. Однако особенности написания рун позволяют заключить, что изучаемая надпись близка к уйгурской или енисейской рунике (эти же особенности помогают установить, что надпись не могла быть начертана ранее второй половины VIII века, и это согласуется с датировкой по типологии Е. И. Лубо-Лесниченко)³⁷. Местный адрес позволяет уверенно говорить о енисейской принадлежности исследуемой надписи.

2. Второе слово читается нами как глагол *qač* — 'убегать, бежать; избегать, сторониться, избавляться; удаляться, уходить, проходить'³⁸, стоящий в повелительном наклонении, во 2-м лице единственного числа. Употребление этого глагола зафиксировано как для орхонских³⁹, так и для енисейских памятников⁴⁰.

Предлагаемое прочтение надписи на металлическом зеркале в отрыве от всех особенностей конкретно-исторической обстановки енисейского средневековья может показаться лишенным всякого смысла. Для объяснения этого варианта предлагаем учесть некоторые черты шаманистических представлений и культа коренного населения Южной Сибири. Религиозные представления бурят изучены значительно лучше, чем других народов этого района. По имеющимся сведениям, «по рождению, иногда еще до рождения ребенка, по выбору приглашают шамана быть у семьи, вернее у ребенка, найжи (покровителем), в чем всегда получают согласие со стороны шамана. Обязанность найжи (современное написание — найжа. — И. К.) состоит в том, чтобы охранять ребенка от анахаев и бохолдоев (злых духов. — И. К.) и от происходящих от них болезней и смерти... В знак того, что в этом доме он найжи, он оставляет в нем „гхагюгхан“⁴¹, какой-нибудь предмет, например, **толи (металлическое зеркало, употребляемое в шаманстве)**; если зеркала не имеет, то нагайку, колоколец, шкурки хорька и т. п.»⁴² (выделено нами. — И. К.). Сроком опеки обычно считается один год, после чего амулет возвращается шаману и используется им в следующем семействе. При этом следует учитывать, что подобных приглашений у шамана было немало: «Почти все „профессиональные“ шаманы, имеющие соответствующее посвящение, являлись опекунами-найжами десятков детей (преимущественно мужского пола), от родителей которых они получали вознаграждение деньгами, скотом, продуктами питания»⁴³.

Пока ребенок не достигал семилетнего возраста, шаман оставался ответственным за его судьбу.

Важно отметить, что вещественным атрибутом такого покровительства служило металлическое зеркало (и лишь, когда его не было, другие предметы), возвращавшееся шаману по истечении определенного срока.

³⁷ А. М. Шербак. Енисейские рунические надписи, табл. 2; И. В. Кормушин. К основным понятиям тюркской рунической палеографии, стр. 39.

³⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 400.

³⁹ Там же.

⁴⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 38.

⁴¹ Современное написание см. И. А. Манжигеев. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978, стр. 93.

⁴² П. П. Баторов. Бурятские поверия о бохолдоях и анахах. — В кн.: «Шаманские поверия инородцев Восточной Сибири. Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества по этнографии». Т. II, вып. 2. Иркутск, 1890, стр. 11 и сл.

⁴³ И. А. Манжигеев. Указ. раб., стр. 59.

Близость шаманистических представлений и обычаев бурят к воззрениям народов Саяно-Алтайского нагорья хорошо известна⁴⁴.

Публикуемая руническая надпись на металлическом зеркале вполне согласуется с основными чертами описанного шаманистического обряда. Тысячу лет назад это зеркало так же могло служить знаком покровительства избранного шамана над ребенком. В этом случае надпись только подчеркивала бы назначение предмета и его силу в борьбе со злыми духами, изгонять которых брался шаман. Переходя из семьи в семью, такое зеркало становилось необходимым «инструментом» деятельности шамана.

Присутствие буддийского термина в надписи шаманистического, как мы предполагаем, содержания вполне допустимо. Примером подобного смешения и переработки религиозных представлений и терминов служит та же духовная культура бурят недалекого прошлого⁴⁵. Что собой представляли асурии буддийского пантеона, подробно выяснить не удалось. Среди средневековых тюркоязычных текстов этот термин, по данным «Древнетюркского словаря», встречался лишь в одном переводе буддийской сутры *Tiṣastvustik*, выполненном уйгурским письмом. По всей видимости, асурии считались духами, способными причинить зло: «*asuri garudylyar ... ol kişikā neṇ tytyr ada qyly umazlar* — асурии, гаруда... [или другие живые существа] не могут причинить этим людям никаких препятствий и бед»⁴⁶.

Таким образом, исходя из содержания надписи, употребление в ней буддийского термина не может свидетельствовать о распространении в среде ее создателей буддизма, а указывает лишь на существование шаманизма. Население же было в той или иной степени знакомо с буддизмом, вероятно, через литературу. Здесь уместно вспомнить сообщение об одном из представителей древнехакасской аристократии, занимавшемся в IX веке переводом и перепиской буддийских сочинений с китайского на тибетский язык⁴⁷.

Публикуемый памятник енисейской письменности позволяет выдвинуть рабочую гипотезу о широком использовании в прошлом металлических зеркал и их обломков при совершении несомненно древнего обряда, связанного с естественным стремлением людей защитить детей от болезней и смерти. Это предположение может изменить представления археологов о причинах длительного использования не только металлических зеркал, но и их обломков древними и средневековыми народами Южной Сибири. С нашей точки зрения, дело здесь не только в дороговизне и утилитарной ценности таких изделий, привозившихся издалека. Хорошо известно распространение у многих народов поверья о магической роли зеркала, которое должно учитываться и при изучении археологического материала на территории Саяно-Алтая.

Проверке предлагаемой гипотезы мог бы способствовать анализ известных рунических надписей на металлических зеркалах. Имеющиеся в литературе данные далеко не охватывают весь материал⁴⁸. Между тем

⁴⁴ Т. М. Михайлов. Опыт сравнительно-исторического изучения шаманизма бурят и тюркоязычных народов Сибири. — В кн.: «Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тезисы докладов». Ереван, 1978, стр. 164—166.

⁴⁵ И. А. Манжигеев. Указ. раб.

⁴⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 61.

⁴⁷ Л. Р. Кызласов. О литературе и фольклоре средневековых хакасов, стр. 80; его же. История Тувы в середине века. М., 1969, стр. 127.

⁴⁸ «Древнетюркский словарь» фиксирует четыре надписи (стр. XXV—XXVI), Е. И. Лубо-Лесниченко — пять (указ. раб., №№ 21, 67, 72, 99, 103 — стр. 123—125), Д. Д. Васильев — восемь (указ. раб., стр. 93); нам известны одиннадцать обломков и целых зеркал с руническими знаками, найденных в Хакасско-Минусинской котловине и Туве.

совершенно ясно, что по содержанию публикуемая надпись отличается от надписей на двух других известных зеркалах (из коллекции Д. Мессершмидта и Минусинского музея, увезенной в Стокгольм Ф. Мартином)⁴⁹. Те две надписи подтверждают принадлежность зеркал определенным лицам и, вероятно, сделаны их владельцами.

Представляет интерес эпиграфическая особенность надписи на зеркале. Текст здесь начинается с небольшого вертикального штриха, по высоте почти равного половине последующих рунических знаков. Понятно, что эта линия не влияет на чтение надписи и, вероятно, не имеет фонетического значения. Нам уже приходилось фиксировать подобную особенность еще одной енисейской надписи на металлическом предмете — кинжале из собрания Минусинского музея⁵⁰. Вполне вероятно, что такая черточка, характерная для надписей на предметах, обозначала начало надписи, порядок ее прочтения. Это предположение нуждается в проверке при анализе рунических надписей на средневековых изделиях.

В заключение хотелось бы отметить еще одно значение публикуемой надписи на зеркале. Она не только является новым доказательством грамотности достаточно широких слоев населения древнехакасского государства, но и указывает на употребление рунической письменности в религиозных обрядах для создания надписей магического содержания.

Публикуемые памятники рунической письменности не велики по размеру, но они очень ярко демонстрируют значение мелких надписей. Для правильного воссоздания сложного исторического пути, пройденного коренными народами Южной Сибири, необходим строгий учет всех без исключения эпиграфических памятников их предков.

⁴⁹ W. Radloff. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. SPb., 1895, s. 346, а, b; H. N. Orkun. Eski türk yazıtları. II. Istanbul, 1939, s. 171.

⁵⁰ И. Л. Кызласов. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века.

РЕЦЕНЗИИ

Ж. М. ГУЗЕЕВ. ОСНОВЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ОРФОГРАФИИ

ИЗД-ВО «ЭЛЬБРУС». НАЛЬЧИК, 1980, 171 стр.

Рецензируемая книга Ж. М. Гузеева посвящена основам карачаево-балкарской орфографии. Выход ее в свет совпал со временем работы в Карачае и Балкарии комиссии по усовершенствованию карачаевской и балкарской орфографий.

Книга «Основы карачаево-балкарской орфографии» включает предисловие, введение, семь разделов и заключение.

В предисловии говорится об актуальности темы, целях и задачах исследования, теоретической и практической его значимости.

Основываясь на последних достижениях советской лингвистики в разработке алфавитов и орфографий языков народов СССР, автор критически рассматривает карачаево-балкарский алфавит, действующие орфографические правила и существующие орфографические словари. Он указывает на настоятельную необходимость замены двузначных букв *кэ, гэ, нэ, дж* однозначными *к, г, н, ж* и восстановления в алфавите буквы *й*, передающей билабиальный, щелевой сонорный согласный, по недоразумению изъятый из алфавита в 1964 году. Тщательное изучение свода правил орфографии позволило автору выявить в нем двенадцать параграфов, не имеющих отношения к правописанию, а также раскрыть противоречия, объясняющиеся неправильным истолкованием отдельных фактов языка.

Весьма несовершенны, по мнению автора, и школьные словари. Так, например, в них включены грамматические формы, орфографирование которых не вызывает никаких сомнений, в то время как формы, правописание которых затруднено, отсутствуют. Вопрос этот заслуживает серьезного внимания, ибо ошибки балкарских школьных словарей повторяются и в изданном в 1980 году карачаевском школьном словаре.

При несомненных достоинствах введения в нем почему-то не нашли отражения исследования У. Д. Алиева по орфографии карачаево-балкарского языка, опубликован-

ные в 1928—1930 годах. С нашей точки зрения, спорны и некоторые выводы автора.

Следующий раздел посвящен основным принципам орфографии. Ж. М. Гузееву удалось обобщить принципы правописания, предложенные многими исследователями в качестве основополагающих для тюркских языков. Автор приходит к заключению, что карачаево-балкарская орфография должна строиться на основе морфологического, фонетического и исторического принципов. Подавляющее большинство действующих правил орфографии основывается лишь на первых двух принципах.

Правописание слов, заимствованных из русского языка, видимо, не следует подгонять под исторические написания. При их написании, как нам кажется, нужно руководствоваться фонетическим и морфологическим принципами.

Вполне убедительны предложения автора об аналитическом написании гласных букв: *е, ё, ю, я*, то есть — *йе, ёо, йу, йа*, ибо при существующей практике затемняется морфологический состав слова: звуки корня и аффикса на стыке как бы получают недифференцированное буквенное обозначение и т. д.

Одним из актуальных вопросов орфографии карачаево-балкарского языка является вопрос о степени отражения фонетических явлений на письме. Этому вопросу посвящен специальный раздел рецензируемой книги (стр. 28—50). На богатом языковом материале Ж. М. Гузеев исследовал фонетические особенности карачаево-балкарского языка: небный сингармонизм, явления протезы, редукции и выпадения гласных, гаплогогии, вставки и выпадения согласных, ассимиляции, озвончения глухих согласных и метатезы. Анализируя все эти особенности, автор приходит к весьма убедительному выводу: при отражении того или иного фонетического явления в орфографии карачаево-балкарского языка необходимо исходить из фонематического (морфологического) принципа правописания.

Богатый и разнообразный материал вошел в главу «Отражение закона небного сингармонизма в орфографии» (стр. 50—70). Здесь, наряду с действием небного сингармонизма в словах, слогах и аффиксах, исследованы случаи нарушения этой закономерности в исконных словах. В связи с этим Ж. М. Гузеевым даны вполне оправданные рекомендации: закрепить твердый вариант орфографирования в словах типа: *uɣpaɣ—iɣpaɣ* 'верить', *ɕuɣaɣ—ɕiɣaɣ* 'лампа, свеча' и т. д.; арабо-персидские заимствования, по его мнению, следует писать в соответствии с их фонетическим освоением, из трех вариантов аффикса *-al, -äl, -el* закрепить на письме *-al*; аффикс *-raq, -rek* писать в соответствии с законом сингармонизма; при аффиксации аббревиатур учитывать характер гласного в них, а при отсутствии гласного — произношение последнего согласного и т. д.

В главе «Правописание согласных» (стр. 70—92) автор останавливается на орфографировании карачаевцами и балкарцами парных согласных по глухости — звонкости: *б—п, г—к, д—т, ж—ч, з—с*; непарных согласных: *б—м, п—ф, н—нг, кь—х, ч—ш*; согласных сочетаний. Необходимость в этом возникла в связи с существующим разнообразием в написании слов с указанными согласными в аналитной и интервокальной позициях в произведениях балкарских и карачаевских авторов, что главным образом объясняется устоявшейся традицией.

Многие выводы и рекомендации исследователя с успехом могут быть использованы при совершенствовании карачаево-балкарской орфографии.

В разделе «Правописание русских заимствований» (стр. 92—100) автор предлагает орфографирование русских заимствований производить на более прочных научных основах. Русские заимствования подразделяются автором на устные (старые) и письменные (новые). При орфографировании последних рекомендуется учитывать следующие факты: 1) практику функционирования русского языка как языка межнационального общения, 2) распространяющееся русско-карачаево-балкарское двуязычие, 3) параллельное изучение в школе русского и родного языков, 4) возможность

получения среднего и высшего образования на русском языке. Автор полагает, что там, где это возможно, правописание заимствованных русских слов должно соответствовать русской орфографии.

В шестом разделе «Раздельное, слитное и дефисное написание» (стр. 100—119) Ж. М. Гузеев отмечает, что существующее правописание сложных существительных, прилагательных, наречий и союзов недостаточно обосновано, сложные частицы и некоторые наречия вообще не охвачены сводом правил орфографии. Все рекомендации автора в этом разделе заслуживают самого пристального внимания. Подавляющая часть их, безусловно, направлена на усовершенствование карачаево-балкарской орфографии. Отдельные же предложения, такие, например, как слитное написание сложных слов с ударением на втором компоненте и раздельное написание сложных слов с ударением на первом компоненте (стр. 100), с нашей точки зрения, спорные. Мы полагаем, что сложные слова, независимо от того, на какой компонент это ударение приходится, должны писаться слитно: *qaraqâş* 'чернобровый', *belibau* 'пояс', *önbir* 'одиннадцать' и т. д.

Страницы работы 119—138 посвящены правописанию сложных имен. Фактически эта часть орфографии на научных основах Ж. М. Гузеевым излагается впервые. Все рекомендации автора по орфографированию простых личных имен (выделено восемь групп), сложных личных имен (выделено пять групп), фамилий, географических названий, названий учреждений, организаций и предприятий отвечают требованиям основных закономерностей карачаево-балкарского языка и вполне приемлемы.

В заключении автор обобщает свои рекомендации, включающие тридцать восемь новых орфографических правил и восемь их усовершенствований. К работе приложен орфографический словарь, что повышает практическую ценность работы.

Рецензируемый труд Ж. М. Гузеева несомненно окажет большое влияние на совершенствование орфографии карачаево-балкарского языка и будет, думается, небесполезным и для орфографов других гюркских языков.

М. А. Хабицев

У. ДОСПАНОВ. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО «КАРАКАЛПАКСТАН», НУКУС, 1980, 200 стр.

Актуальность проблемы, поставленной в монографии У. Доспанова, определяется тем, что диалектная лексика всегда была и остается одним из основных источников обо-

гащения и развития лексического состава литературного языка. Изучение диалектной лексики каракалпакского языка имеет большое научное и практическое значение еще и

потому, что каракалпакский литературный язык начал развиваться только после победы Великого Октября, и в настоящее время процесс его лексической нормализации все еще продолжается.

Изучение диалектной лексики любого языка — сложная проблема, и успешное решение ее во многом зависит от правильного выбора методов анализа исследуемого материала. В своей монографии У. Доспанов пользуется методом системно-монографическим с привлечением лингвогеографии, что позволяет автору выявить различные изоглоссы и регионы распространения диалектных слов. Такой методический подход обусловлен поставленными в книге задачами: дать общую характеристику диалектной лексики (просторечие и книжная лексика, их отличие от диалектной лексики, типы диалектных слов; противопоставленные, непровоставленные и семантические диалектизмы, виды диалектных различий — непроводные, производные, семантические и лексико-фонетические диалектизмы, полисемия и т. д.); показать особенности лексики диалектов в их отношении к литературному языку (некоторые особенности диалектных изоглосс, их отношение к литературному языку и другим категориям; вопрос диалектно-литературных дублетов и т. д.); выяснить состав лексики диалектов по происхождению (лексические пласты диалектов); раскрыть отношение материалов «Древнетюркского словаря» к диалектам каракалпакского языка; охарактеризовать состояние лексики заимствованной из арабского, иранского, монгольского, русского и из родственных тюркских языков и т. д. Все эти вопросы получили в книге У. Доспанова убедительное и полное освещение.

В первой главе изложена история изучения диалектной лексики каракалпакского языка. Историография охватывает все узловые вопросы; например, первый раздел главы посвящен истории изучения лексики диалектов в системно-монографическом плане; во втором разделе весьма подробно изложена история изучения лексики диалектов в лексикографическом плане. В этом разделе дается высокая оценка трудам С. Е. Малова, Е. Д. Поливанова, Н. А. Баскакова. Как известно, собранные этими учеными материалы служили богатейшим источником при составлении диалектного словаря каракалпакского языка. Автор особо выделяет научные заслуги Н. А. Баскакова, собранный и упорядоченный которым лексический материал лег в основу диалектологического словаря. Вместе с тем У. Доспанов указывает на определенные недостатки диалектного словаря, приложенного Н. А. Баскаковым к его «Каракалпакскому языку» (т. I. Материалы по диалектологии: тексты и словарь. М., 1951). Так, в словаре мало примеров, подтверждающих предложенную интерпретацию значения диалектного слова; слова в реестре не сопровождаются примерами; не всегда разграничиваются слова каракалпак-

ского литературного языка и принадлежащие диалектной лексике и т. д.

В первой главе автором подробно излагается сегодняшнее состояние изучения диалектов и говоров каракалпакского языка. При этом особое внимание уделяется изучению диалектной лексики (стр. 33—43). Определенный интерес представляет сделанный им вывод о роли диалектной лексики в истории каракалпакского литературного языка: «Имеет и свои закономерности процесс перехода того или иного диалектального слова в литературный язык. Такое явление характеризуется тем, что если в каком-либо новом понятии, возникшем в литературном языке, невозможно передавать его содержание другим, то диалектальное слово является помощником, появляется необходимость строго ограниченного употребления его в литературном языке. Например, синонимами литературных слов *тез*, *шаққан*, *жылдам*, в южном диалекте могут служить *апалак-жапалак* ('быстро, проворно'), вместо литературных слов *улкен*, *ең* в южном диалекте встречается слово *эйдик* ('большой, широкий') и т. д.». Далее автор резюмирует: «Разумное использование таких диалектальных синонимов, безусловно, могло бы обогатить литературный язык за счет своих ресурсов, расширить функции и, в некоторой степени, нормализовать их употребление» (стр. 41—42).

В третьем разделе первой главы У. Доспанов останавливается на состоянии изучения лексики диалектов в лингвогеографическом аспекте и на вопросах, связанных с составлением «Диалектологического атласа каракалпакского языка» (стр. 52—54).

Во второй главе книги дается общая характеристика диалектной лексики каракалпакского языка (стр. 55—96). Автор справедливо указывает, что до настоящего времени в диалектологической науке нет ясного определения понятия «диалектное слово». При этом он напоминает высказывания по данной проблеме видных языковедов: Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова, Ф. П. Сороколетова, Ш. Ш. Сарыбаева и др. У. Доспанов считает, что для выделения диалектного слова необходимо: установить территорию его распространения, то есть его географический ареал, очерченный изоглоссой; определить отношение слова к литературному языку, ибо с этих же позиций выделяются и так называемые синтаксические диалектизмы — слова, отличающиеся от соответствующих слов литературного языка по своим значениям. Следует заметить, что такое истолкование диалектизмов принимается большинством современных диалектологов.

В этой же главе рассматриваются отличия просторечной и книжной лексики от диалектной. В связи с этим автор в начале раздела дает подробную характеристику просторечной и книжной лексики. Он указывает, что книжная лексика не одинакова по своему составу, в ней выделяются несколь-

ко стилистических групп: лексика официально-деловая, научная, производственно-техническая, общественно-публицистическая, лексика художественной литературы и т. д. Автор дает краткий анализ таких письменных памятников, как «Каракалпакские присяги» («Қаракалпақ антлары»), образцы письменного-деловых бумаг, относящихся к XVIII—XIX векам, и т. д.

У. Доспанов в своей монографии различает следующие виды диалектизмов в каракалпакском языке: 1) непроезженные диалектизмы, представляющие собой группу корневых слов, неупотребляющихся в литературном языке, но имеющих эквиваленты в нем, ср.: *көк көйлек* 'одежда женщин преклонного возраста', *қол шатыр* 'зонтик', *кийкилик/кийкиман* 'альчик дикого горного козла' (сев. диал.), *култә* 'сноп', *дүткәш* 'труба' (южн. диал.) и др.; 2) производные диалектизмы, к которым относятся слова, образовавшиеся на базе диалектных и литературных слов. Словообразующие модели по характеру отношения к литературному языку делятся на два типа: а) «диалектное слово + литературный аффикс»: *қоқтасын-лы* 'человек, который живет зажиточно' (сев. диал.); б) «литературное слово + литературный аффикс»: *қалтырат-па* 'название болезни у людей' (сев. диал.), *қар-та* 'поле, где засеивается хлопок' (южн. диал.) и т. д.; 3) семантические диалектизмы, по выражаемому значению отличающиеся от соответствующих слов литературного языка; например, слово *айым* в северном диалекте и в литературном языке выражает уважительное отношение к женщине, а в южном диалекте в форме *пашша* дополняется новым значением 'царица'; 4) лексико-фонетические диалектизмы; включающие слова, употребляющиеся только с фонетическими различиями: сев. диал. *көйленке* (лит. *көленке* 'тень'), *патлы* (лит. *пәтли* 'сильный, могучий'); южн. диал. *қорқызуу* (лит. *қорқытуу* 'устрашать'), *пазә* (лит. *пазна* 'лемех, сошник') и др.

В этой же главе подробному анализу подвергаются такие явления, как полисемия диалектной лексики (стр. 70—77), диалектные омонимы и омоантонимы (стр. 77—84), диалектные архаизмы (стр. 84—93) и неологизмы (стр. 93—96).

Третья глава монографии посвящена анализу особенностей лексики диалектов в их отношении к литературному языку. Автор считает, что в формировании и развитии каракалпакского литературного языка особенно большая роль принадлежит говорам северного диалекта, и лишь, частично — южному диалекту. Вопрос отношения диалектной лексики к литературному языку У. Доспановым рассматривается в следующем плане: 1) диалектные слова, имеющие

семантические отличия от слов того же значения в литературном языке; 2) слова, близкие по форме к словам литературного языка, но отличающиеся от них фонетическим обликом; 3) слова, отличающиеся от слов литературного языка по своей семантике и функциям употребления; 4) слова южного диалекта, отличающиеся от слов литературного языка и северного диалекта; 5) установление особенностей взаимоотношения южного и северного диалектов и их отношение к литературному языку; 6) о переходе некоторых диалектных слов в литературный язык; 7) критерии целесообразности использования диалектных слов в литературном языке. Данный план изучения взаимоотношений диалектных слов и лексики литературного языка основан на обширном фактическом материале. Автору удалось раскрыть сложную систему отношений диалектного слова к литературному языку. Каждый тезис подкреплен многочисленными примерами. Об этом свидетельствуют примеры, приведенные автором на страницах 99—104, таблицы на страницах 113—116, а также диалектные слова на страницах 140—143.

Четвертая глава монографии посвящена анализу состава лексики диалектов по их этимологии. Автор рассматривает такие вопросы, как «Древнетюркский словарь» и диалекты каракалпакского языка, заимствованные слова в составе диалектной лексики, тюрко-монгольские параллели в диалектной лексике каракалпакского языка, и т. д.

В заключении, завершающем монографию, характеризуются отличительные черты диалектов каракалпакского языка и их лексического состава, в частности, указывается, что слова, связанные с бытом, занятиями, обычаями народа, наиболее распространены в северном диалекте; в южном диалекте много слов, обозначающих продукты питания, названия растений; общие слова для обоих диалектов — это названия предметов домашнего обихода, термины хлопководства, рисоводства, животноводства, ирригации и т. п.

Как справедливо отмечает автор, материалы диалектной лексики каракалпакского языка свидетельствуют о наличии огромных внутренних ресурсов языка для обогащения словарного состава литературного языка (стр. 143). К сожалению, автор при этом не дает конкретных рекомендаций, указывающих критерии выделения и пути вовлечения диалектных лексических единиц в практику литературного языка.

Монография У. Доспанова имеет научное и практическое значение как пособие; материалы ее, несомненно, будут использованы и в тюркской компаративистике.

В. Ш. Псянчин

С. Ф. МИРЖАНОВА. ЮЖНЫЙ ДИАЛЕКТ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1979, 270 стр.

Башкирскими диалектологами проведена значительная работа по монографическому изучению отдельных говоров и диалектов башкирского языка. Однако южный диалект до сих пор не являлся объектом специального исследования, хотя по отдельным его говорам имеются публикации Дж. Г. Кнекбаева, Т. Г. Баишева, Н. Х. Ишбулатова, Н. Х. Максutowой, Х. Г. Юсупова, У. М. Яруллиной и др.

Южный диалект башкирского языка распространен в 25 из 54 районов Башкирской АССР и 13 районах Оренбургской, Саратовской и Куйбышевской областей.

В книге С. Ф. Миржановой впервые в башкирском языкознании дается полное монографическое описание всех говоров южного диалекта как целостной системы, рассматривается проблема становления этого диалекта и формирования его территориальных говоров, определяется место южного диалекта в системе диалектов башкирского языка, а также отношение его говоров к тюркским языкам урало-поволжского, западносибирского и других регионов.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. В качестве приложения приведены тексты, отражающие особенности всех говоров и подговоров южного диалекта с переводом на русский язык, карты родо-племенного состава носителей южного диалекта и распространения говоров, а также карты-схемы диалектной системы башкирского языка.

Во вводной главе автор прослеживает историю изучения башкирских говоров и диалектов, освещает проблемы их классификации, подробно характеризует южный диалект, останавливаясь на его отличиях от восточного диалекта и письменного литературного языка. Автор отмечает, что научные классификации диалектов и говоров башкирского языка, данные Дж. Г. Кнекбаевым, Т. Г. Баишевым и другими, в основном правильно отражают языковую систему башкирских говоров. Как и другие диалектологи, С. Ф. Миржанова выделяет в башкирском языке три диалекта: 1) восточный, 2) южный и 3) северо-западный. Однако, в отличие от Дж. Г. Кнекбаева, Н. Х. Ишбулатова и других исследователей башкирских диалектов, считающих язык северо-западных башкир промежуточным говором в системе южного диалекта, С. Ф. Миржанова определяет его как самостоятельный диалект: «Специальное монографическое исследование языка северо-западных башкир, взаимодействующего с говорами татарского, а также финно-угорских языков, показало, что данная языковая зона, во-первых, состоит из группы говоров, которые в своих исторических истоках взаимосвязаны с говорами восточного и южного диалектов башкирского языка и, территориально составляя неразрывный

единый лингвистический ареал, органически входят в его диалектную систему, и, во-вторых, вполне может соответствовать определению самостоятельного диалекта в территориально-географическом, историко-этнографическом и языковом планах» (стр. 15).

Исходя из этого, автор в системе южного диалекта оставляет три говора: ик-сакмарский, средний и дёмский, которым соответственно посвящены три главы монографии.

Язык башкир, проживающих отдельными группами в прилегающих к БАССР районах Оренбургской области (в бассейнах рек Сакмара, Тока и Сурана), а также в районах Куйбышевской и Саратовской областей (в бассейнах рек Иргиза и Камелика), является «смешанным даже в пределах отдельных деревень и отражает особенности трех говоров, носителями которых эти башкиры ранее являлись: ик-сакмарского, среднего, дёмского» (стр. 16). Автор далее заключает, что язык этих групп башкир не представляет самостоятельного говора и его данные рассматриваются им в соответствующих главах монографии (см. стр. 26—29, 171—173, карты № 4, № 6).

Во вводной главе обстоятельно анализируются вопросы становления южного диалекта в связи с историей формирования его носителей. На основе новейших данных башкирской и тюркской этнографии, автор устанавливает, что в формировании и консолидации этнического состава южных и центральных башкир участвовали такие древние башкирские племена, как бурзян, усергян, тангаур/тунгаур, роды кесе, кальсер, тельтим, юматы, бадрак/будряк, кумрук и другие, а также тюрко-монгольские племена табынцев, инзер-китайцев и мингцев, этногенетические истоки последних связаны с древним Приаральем, Сырдарьей и Алтаем.

Основные главы монографии посвящены исследованию фонетических, морфологических и лексических особенностей говоров южного диалекта.

В разделах фонетики характеризуется звуковой состав говоров, рассматриваются особенности в системе вокализма и консонантизма. Диалектные фонетические явления анализируются с учетом закономерностей развития фонетической системы башкирского языка, а также исторических контактов, древних региональных взаимодействий субстратных и суперстратных факторов. Так, в системе вокализма С. Ф. Миржанова выявляет целый ряд звуковых соответствий, отражающих сложные процессы передвижения древнетюркской и общетюркской шкалы гласных в тюркских языках Урало-Поволжья ($\bar{o} \sim u$, $\bar{o} \sim i$, $u \sim \bar{o}$, $i \sim \bar{o}$, $\bar{a} \sim i$, $\bar{a} \sim e$), и возникшие в связи с этим различные фонетические рефлексy в башкирских говорах на сужение и расширение гласных. В башкирском языке и его говорах прослеживаются также явления делябиализации древних лабиальных зву-

ков и развитие бифонемных дифтонгических звуко сочетаний (suq, suwup ~ лит. suwup 'послед'; uuyub ~ лит. uwyub 'молозиво'; mal- tuyaq ~ лит. mal- tyuwar 'скот').

Подробно исследуя закономерности вокализма, С. Ф. Миржанова отмечает, что в южном диалекте четко выражена губная гармония, а действию небной гармонии подвергаются и сложные слова, и нередко словосочетания. Особенности говоров южного диалекта автор считает явление интенсивной «палатализации» в результате которой в диалекте возникают формы: bāškū-nāk < baš kūnāk 'ведерко для доения кобыл', ранее изготовлявшееся из кожи головы лошади; qārsāj < qart āsāj 'бабушка'; ābin < alyp in 'занеси'; Ayidel < aq idel — гидроним; Bājdāwlat < baj dāwlat, Qā-jān < qara jān — топонимы и т. д.

Анализируя сингармонические варианты башкирских говоров, автор отмечает, что они настолько разнообразны и разнохарактерны, что обобщить их происхождение одной (ū — imlaut) или несколькими причинами представляется весьма затруднительным. Определенно можно сказать, по ее мнению, лишь то, что в каждом говоре бытуют свои специфические «мягкие» и «твердые» варианты слов, зачастую возникшие в результате древних языковых контактов (ср. в среднем говоре mālāj, malaj 'мальчик' и mla, melä 'ребенок мужского пола' в языке желтых уйгуров — стр. 34, 104).

Особое внимание автором уделяется таким проблемам, как генезис развития наиболее ярких диалектных явлений, бытующих в говорах южного диалекта. На основе сравнительно-исторического анализа явления «йеканья» и «жекканья» в говорах башкирского языка и в современных кыпчакских языках, а также в языке письменных памятников средневековья, автор приходит к выводу, что несмотря на такие существенные факторы, как территориальный (говоря южного диалекта находятся в окружении «жекающих» кыпчакских языков и восточного диалекта), исторический (в прошлом башкирские кыпчаки с многочисленными родами осели на территории распространения южного диалекта), в южном диалекте устойчиво сохранилось древнее явление «йеканья». Эта особенность объединяет южный диалект с мишарским диалектом, с языком западносибирских татар и сгузскими языками. По мнению автора, многие специфические и реликтовые явления говоров южного диалекта связывают его с указанными языками, а также с древними уйгурскими диалектами. Так, например, консонантные звуко сочетания *rt, lt, mt, nt, nq*, регулярно выступающие в среднем говоре, автор возводит к древнейшим языковым особенностям башкирских говоров. Большой интерес представляют наблюдения автора по дёмскому говору. Анализ диалектных черт этого говора в сопоставлении с северо-западными говорами башкирского языка, с диалектами татарского и чувашского языков, позволяет С. Ф. Миржано-

вой, основываясь на исследованиях Б. А. Серебrenникова и Т. М. Гарипова, сделать вывод, что такие явления дёмского говора, как вариант лабиализованного *ao*, делабиализация, монофтонгизация, характерные также и для диалектов татарского и чувашского языков, могут отражать древние региональные языковые взаимодействия, происходившие когда-то в регионе Урало-Поволжья (стр. 173, 178, 183).

Морфология говоров исследуется по частям речи. Большое внимание уделяется именному и глагольному формо- и словообразованию, способам выражения тех или иных грамматических категорий, служебным словам и междометиям. Наряду с формами, характерными для южного диалекта и башкирского языка в целом, в разделах, посвященных морфологии, выявлены и всесторонне проанализированы диалектные формы словоизменения и словообразования, рассмотрены пути их развития, а также их значения и функции. Так, анализируя аффиксы *-laq, -naq* и *-lyq, -nyq* в сопоставлении с данными других тюркских языков, автор устанавливает, что первоначально эти аффиксы в башкирских говорах не различались по значению и функциям (taṇnaq/taṇnyq 'утренняя заря', qujbaṇnaq/qujbaṇnyq 'непоседа, вертушка', ätläk/ätlek 'растение со съедобным корнем' и др.). В процессе исторического развития их значения и функции постепенно дифференцировались, и в настоящее время эти аффиксы выступают самостоятельно и даже выражают диалектные особенности говоров. Многозначность приобрели также аффиксы: *-qaj/-käj, -saq/-säk, -saj/-säj, -sa/-sä* и др.

Весьма интересный и ценный материал представляют слова-редупликации, парные слова, компоненты которых — синонимы, а их второй компонент, часто непонятный в современном языке, выступает как формальный показатель множественности и собирательности (qart-qamqy 'старика', bal-la-taṇaṇa 'детвора', töqöm-töqöja 'родня', ayas-häier 'лесоматериал').

Особенно подробно анализируется глагол, его своеобразие в формо- и словообразующих аспектах, а также формы инфинитива и имени действия, причастие, деепричастие.

В говорах южного диалекта инфинитив выражен формами на *ar/-är, -yr/-er*, а также *-ywl/-ew, супина* на *-arṇa/-ärṇä, -yrṇa/-ergä* и *-ywlṇa/-ewṇä*.

В среднем говоре основной формой инфинитива выступает *-maṇa/-mägä*, употребляющаяся еще в гайнинском говоре башкирского языка и в говорах татарского языка, ныне не контактирующих со средним говором. Автор считает, что сохранившаяся в говорах башкирского и татарского языков реликтовая форма инфинитива на *-maṇa/-mägä* развилась от древней формы на *-ma/-mä*, ныне представленной в чувашском языке (стр. 140).

В целом С. Ф. Миржанова отмечает такую характерную особенность южного диалекта, как чрезвычайная гибкость и разви-

тость прагматических моделей слово- и формообразования.

Эти внутренние ресурсы и богатые грамматические возможности, по ее наблюдениям, широко используются для образования новых слов и терминов. В говорах активно функционируют аффиксы уменьшительности, ласкательности, формы интенсификации и ослабления качества. Для передачи последнего здесь представлены формы: *-yyl/-gel*, *-šyl/-šel*, *-šin/-sin*, *-hyw/-hew*, *-sa*, *-saj*, *-maq*, *-mat*, *-myq*, *-myr*, *-myrt*, *-mys*, *-sman*, *-sqy* и их варианты, обозначающие различную степень качества. Так, рыба «синец» в ик-сакмарском говоре имеет следующие варианты названий: *kükjöp* (афф. *-jen*, *-žin*), *küken*, *kükäm*, *kukam*, *kükäs*, *küksäj*, *kütäs*, *küktäj*, *sintäj* и др.; название «пескарь» — *qömtörtkös*: *qömtöj*, *qömböj*, *qömöj*, *qömböq*, *qömaj* и т. д.; синоним «пескаря» — *tašbaš*: *tašy*, *tašaryj*, *taštyj*, *tašymtaj* и т. д. Вариантов названий мальков рыб насчитывается до тридцати (стр. 56, 92).

В работе С. Ф. Миржановой обобщен богатый материал, отражающий своеобразие южного диалекта и его говоров, который может быть положен в основу разработки исторической грамматики башкирского языка.

Особо следует сказать о разделах книги, посвященных анализу лексики говоров. До сих пор в диалектологических работах рассмотрение лексики отдельных говоров ограничивалось перечислением некоторых характерных диалектизмов или, в лучшем случае, подачей лексического материала по тематическим классам. С. Ф. Миржанова стремится ввести в круг исследования все слои диалектной лексики от разговорной до малоупотребительной, пассивной, а также этнографическую, топонимическую, фразеологическую лексику. Такой широкий охват материала позволяет автору анализировать его в сравнительно-историческом плане и выделить различные лексические пласты: связанные с историческими и современными контактами, сугубо специфические диалектизмы, восходящие к древнетюркскому периоду. Последние наиболее ярко представлены в среднем говоре и сохранили много архаических черт как в фонетике, так и в морфологии. Многие диалектизмы из древнего слоя лексики ныне трудно объяснить фактами современного башкирского языка. Этимологию их можно раскрыть лишь привлекая материалы из древнетюркского и различных тюркских языков, в частности уйгурских диалектов: *ađat* *hyntyryw* 'появление горба', в тоф., хак. *aza* 'черт', алт. *aza* 'злой дух, демон'; следовательно, *ađat* *hyntyryw* 'злой дух сломал'; *artaq* 'любимчик', желт. уйг. *artaq/arda*q 'миленький; младенец, молодой'; *dörja* 'плотный шелк', др.-тюрк. *torqu* 'шелк', кирг. *torqo* 'шелк', лобнор. *tojqo/tojda* 'шелковые нити'; *ququq-awuq/qıquqlaq* 'горло, гортань', то есть 'издающий голос, звук', *ququqlaw* 'кричать', др.-тюрк. *ququq* 'кричать, звать', уйг. *qaquq-/qaqar-* 'звать, приглашать'; *hil buluw* (инвер.) 'быть ветренным', чув. *s'il*, венг. *sel* 'ветер'; *hil buluw* (зилим.) 'утихнуть'.

Материал по диалектной синонимии собран по специальной программе («Анкета», Уфа, 1961). В говорах южного диалекта представлено огромное количество диалектных синонимов (стр. 240—242), обилие которых связано, по мнению исследователя, со сложными этническими процессами в прошлом и взаимодействием разнохарактерных племенных языков, а также с заимствованиями и т. д. Любопытны выводы автора относительно степени функционирования и употребляемости их в говорах. Из ста диалектных синонимов, собранных в ик-сакмарском говоре анкетным способом, примерно 50 характерны для всего говора, более 25 распределяется по двум зонам (ик-юшатырскому и сакмарскому), около 10—12 локализуется в пределах отдельных подговоров, остальные 10—13 не имеют четкой локализации, пересекают границы подговоров и говора, имеют каждый свою изоглоссу (стр. 77—79).

Лексика говоров исследуется и по тематическим классам, что позволяет наиболее полно представить их диалектную специфику. Хорошо разработаны автором терминология родства и свойства, анатомии, названия болезней, явлений природы, свадебная терминология, хозяйственно-отраслевая и бытовая лексика (домашняя утварь, одежда, украшения, продукты питания и блюда). По каждому говору собраны непреходящие ценности народного языка: пословицы, поговорки и фразеологизмы.

Перед автором рецензируемой работы стоял ряд сложных задач, главными из которых являются следующие: 1) лингвистическое обоснование членения говоров и подговоров, 2) определение этнической основы и формирования носителей диалекта, 3) характеристика наиболее существенных дифференциальных признаков южного диалекта, 4) определение ареала данного диалекта в целом и каждого говора в отдельности. Все эти задачи С. Ф. Миржановой решены на высоком научном уровне. Ее работа — серьезный, тщательно выполненный труд, результат многолетней научно-исследовательской деятельности автора.

Рецензируемая книга С. Ф. Миржановой представляющая собой капитальное исследование по башкирской диалектологии, интересна прежде всего новизной постановки многих проблем, добротностью и надежностью фактического материала, достоверностью наблюдений и убедительностью выводов автора. Обращает на себя внимание стройность композиции, отличный стиль изложения. В этом немалая заслуга ответственного редактора книги, знатока башкирского языка и его диалектов А. А. Юлдашева.

Монография С. Ф. Миржановой, несомненно, является достойным вкладом не только в башкирскую, но и в тюркскую диалектологию в целом.

М. Зайнуллин, Э. Ишбердин,
Ф. Юсупов

Г. А. ДЖАЛАЛОВ. УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС

ТАШКЕНТ, ФАН, 1980, 272 стр.

Общепризнанным основоположником узбекской фольклористики является безвременно ушедший от нас крупный литературовед, знаток узбекской классической литературы, доктор филологических наук Хади Зарифов. Им был собран огромный фольклорный материал самого разнообразного жанра. Х. Зарифов в результате неутомимых поисков нашел многих талантливых сказителей и впервые поставил на научную основу запись и воспроизведение фольклорных произведений. Основной интерес ученого был сосредоточен на сборе, изучении, систематизации и публикации крупных эпических сказаний.

Х. Зарифов выступал за сохранение диалектных и местных особенностей языка фольклорных материалов при их записи и публикации. Одновременно с ним над фольклорным материалом работали его коллеги Буюк Каримов, М. Афзалов, М. Алавия, Д. Кабулниязов и другие. Создание огромного фонда фольклорных материалов, собранных в Узбекистане, которыми ныне с благодарностью пользуются фольклористы республики, — заслуга этой небольшой группы энтузиастов науки. В тот период фольклористы в основном занимались выявлением, записью, систематизацией и первоначальной классификацией материалов по жанрам, а также, по возможности, подготовкой их к публикации.

В Узбекистане научное исследование отдельных жанров фольклора началось в 60-е годы. За короткий срок фольклористами республики было создано немало интересных работ. В одном ряду с ними находится и рецензируемая работа Г. Джалалова, посвященная сказочному эпосу. Эта тема, правда, и ранее освещалась фольклористами. Так, в 1964 году вышла в свет на узбекском языке книга «Об узбекских народных сказках» М. Афзалова, а в 1975 году — работа «Узбекские сатирические сказки» К. Имамова (также на узбекском языке), посвященные анализу идейно-тематической направленности узбекских сказок. М. Афзалов впервые классифицировал узбекские народные сказки по жанрам, определил их основную тематику, проанализировал положительные и отрицательные фольклорные образы.

В упомянутой работе К. Имамова были исследованы как образная система, так и художественные особенности сатирических сказок. В связи с изучением роли узбекских народных сказок в формировании литературного языка возникла необходимость более углубленного исследования как поэтики этих сказок, так и проблемы их генезиса. Этому и посвящены вышедшие в свет в последние годы работы одного из ведущих современных узбекских фольклористов-литературоведов Г. Джалалова: «Поэтика уз-

бекских народных сказок», «Взаимодействие жанров узбекского фольклора» и рецензируемая монография «Узбекский народный сказочный эпос».

В течение многих лет Г. Джалалов изучал фольклорные источники и публикации своих предшественников, исследовал хранящиеся в архивах и фондах неопубликованные и несистематизированные произведения устного народного творчества, сам принимал активное участие в работе фольклорных экспедиций, сопоставлял исследованные им материалы с тюркоязычными, арабскими памятниками, такими, как «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна» и т. д.

В «Поэтике узбекских народных сказок» автор на большом фактическом материале освещает вопросы формирования жанров, тематики, создания образов сказок. Значительное место в этой работе уделяется и поэтике сатирических волшебных сказок.

Во второй книге «Взаимодействие жанров узбекского фольклора» Г. Джалалов исследует взаимовлияние жанров, делает попытку установить генезис известных кочующих сюжетов народных сказок и, таким образом, раскрыть взаимоотношения сказочных и дастанных мотивов.

Рецензируемая монография, посвященная узбекскому сказочному эпосу, состоит из введения, четырех глав и заключения с библиографией. В этой работе глубже, чем в предшествующих книгах, на обширном фактическом материале анализируются разновидности узбекских сказок, главным образом волшебных. Отдельная глава посвящается автором проблеме взаимосвязи и взаимовлияния сказок и других жанров узбекского фольклора. Автор стремится определить границы жанра. До сих пор в работах узбекских фольклористов не затрагивались такие вопросы, как мотивы и образы узбекских волшебных сказок, их сюжет и композиция, поэтика и генезис. Отсутствовала научная классификация разновидностей узбекских волшебных сказок. Г. Джалалов впервые исследует поэтику сказок. В рецензируемой монографии особый интерес представляют разделы, в которых говорится о генезисе и поэтике узбекских сказок. В исследовании, построенном в сравнительно-историческом плане, учитываются этнографические и литературные материалы. Автором прослеживается генезис основных мотивов животного цикла волшебных сказок, их связь с анимизмом и тотемизмом у древних тюрков. Касаясь вопроса об эпическом жанре, Г. Джалалов приходит к вполне правильному выводу, что этот жанр возник на почве мифов и легенд. Что касается бытовых сказок, то они, по мнению автора, зародились в результате синтеза сюжетов и образов дуалистических мифов и смешения их с мифологическими и

бытовыми жанрами. Литературные источники подтверждают правильность таких выводов.

Ценным в исследовании Г. Джалалова является то, что он впервые в узбекском сказковедении сумел убедительно раскрыть и показать истоки узбекских волшебных сказок. Сравнивая последние с соответствующими сказками других народов, автор установил их самобытные особенности. Он пишет, что народные сказки продолжают оказывать влияние на современную литературу, в частности на поэзию. В узбекском сказковедении Г. Джалаловым опять впервые сделана попытка осветить генезис основных мотивов волшебных сказок и охарактеризовать их виды. При

этом автор выявляет различные источники происхождения этих сказок, пути проникновения мигрирующих сюжетов в узбекский фольклор, их национальную специфику.

Заслуживает внимания глава монографии, в которой анализируются основные элементы поэтики волшебных сказок, их морфологическая структура, исследуются вопросы сюжета и композиции, приемы и способы сказочной типизации.

Рецензируемая монография Г. Джалалова, наряду с большим научным, имеет и несомненное практическое значение: она может служить прекрасным вузовским учебным пособием по узбекской фольклористике.

Э. Н. Наджит

PERSONALIA

КАЛКАБАЙ КАЛЫКОВИЧ САРТБАЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

ках». В 1947 году он был утвержден в звании доцента.

В 1950 году К. К. Сартбаев был направлен в докторантуру Института языкознания Академии наук СССР и в 1954 году успешно защитил докторскую диссертацию «Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке». В этом же году он утверждается в ученом звании профессора и избирается членом-корреспондентом Академии наук Киргизской ССР.

Научная и педагогическая деятельность К. К. Сартбаева неразрывно связана с его многолетней работой в Киргизском государственном университете им. 50-летия СССР, с подготовкой высококвалифицированных национальных кадров филологов.

К. К. Сартбаев подготовил более двадцати пяти кандидатов и докторов наук в области киргизского языкознания, сопоставительного изучения русского и киргизского языков, методики преподавания русского и киргизского языков, сравнительного изучения русского и киргизского, а также тюркских языков, истории литературного языка, лексики, стилистики, орфоэпии и методики преподавания киргизского языка.

К. К. Сартбаев совместно с Н. А. Альпиевым в 1947 году составил учебник по грамматике русского языка (морфология) для V—VI классов киргизской школы, выдержавший более тридцати изданий.

Основная сфера научных интересов К. К. Сартбаева — проблемы синтаксиса киргизского языка, которым посвящена его монография «Синтаксис сложного предложения в киргизском языке» (1957). Ряд положений, выдвинутых К. К. Сартбаевым в области сложного предложения киргизского языка, отличается новизной и оригинальностью. Ученый принимал участие в составлении научной грамматики киргизского языка — «Грамматика киргизского литературного языка». Заслуживает быть отдельно отмеченной книга К. К. Сартбае-

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения и пятьдесят лет научно-педагогической деятельности члена-корреспондента Академии наук Киргизской ССР, доктора филологических наук, профессора Киргизского государственного университета им. 50-летия СССР Калкабая Калыковича Сартбаева.

К. К. Сартбаев родился 31 мая 1911 года в местечке Кодопу Джамбульской области (бывшего Аулие-Атинского уезда) Казахской ССР в семье казаха, кочевника-животновода.

Свою трудовую деятельность К. К. Сартбаев начал в 1929 году учителем начальной школы.

После окончания в 1938 году Киргизского государственного педагогического института им. В. М. Фрунзе, а затем аспирантуры К. К. Сартбаев успешно защитил в 1942 году кандидатскую диссертацию «Имя существительное в русском и киргизском язы-

ва «Сравнительная грамматика тюркских языков» (1962), рекомендованная в качестве учебного пособия для студентов вузов. К. К. Сартбаев является одним из основателей методики преподавания киргизского языка. Его первая работа в этой области была написана в 1951 году. Учебник К. К. Сартбаева «Методика преподавания киргизского языка» выдержал шесть изданий (1951—1978).

Перу К. К. Сартбаева принадлежит ряд учебников, учебных пособий для студентов университета и педвузов республики: «В. И. Ленин о языке» (соавтор, 1971), «Словарь синонимов в киргизском языке» (соавтор, 1973), «Языкознание» (учебное пособие, 1975), «Классификация частей речи в киргизском языке» (учебное пособие, 1975), «Методика преподавания киргизского языка» (учебник, 1978); «Введение в языкознание» (соавтор, 1980), «Изучение киргизского языка» (учебное пособие, 1981) и др.

К. К. Сартбаев является одним из составителей вузовской программы по курсу «Современный киргизский язык», первым составителем программы по методике преподавания киргизского языка, по сопоставительной грамматике русского и киргизского языков и сравнительной грамматике тюркских языков. Им написаны статьи, посвященные разработке проблем языка в трудах классиков марксизма-ленинизма:

«В. И. Ленин и вопросы языка», «В. И. Ленин о развитии национального языка», «К. Маркс о языке», «Ф. Энгельс и вопросы национальных языков» и др.

Много сил и энергии отдает К. К. Сартбаев научно-организационной и редакторской работе. Под его редакцией вышло более двадцати пяти монографий, ученых записок, учебно-методических пособий. Он часто выступает оппонентом на защите докторских и кандидатских диссертаций. В течение ряда лет он возглавлял методический совет по киргизской филологии при Министерстве просвещения Киргизской ССР, в настоящее время является членом научно-методического совета по высшему филологическому образованию при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, членом ряда ученых советов.

За плодотворную научно-исследовательскую, педагогическую и общественную деятельность К. К. Сартбаев награжден орденом Дружбы народов и медалями СССР, ему присвоено звание заслуженного учителя Киргизской ССР.

Коллеги, ученики и друзья Калкабая Калыковича Сартбаева сердечно поздравляют его со славным юбилеем и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в научной и педагогической работе.

К. Иманалиев

Х Р О Н И К А

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГИМАДА НУГАЙБЕКА

30-го июня 1981 года в Казани состоялось расширенное заседание Ученого совета Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова (ИЯЛИ) Казанского филиала Академии наук СССР с участием представителей широкой общественности города, посвященное столетию со дня рождения видного татарского ученого-языковеда и журналиста Гимадетдина Шарифзяновича Нугайбекова (литературный псевдоним — Гимад Нугайбек).

Кратким вступительным словом заседания открыл заместитель директора института Я. Г. Абдуллин.

С докладом о жизни и научной деятельности Г. Нугайбека выступил старший научный сотрудник ИЯЛИ М. Г. Мухамадиев. Докладчик ярко охарактеризовал многостороннюю деятельность Г. Нугайбека, видного языковеда, талантливого журналиста и переводчика, внесшего заметный вклад в изучение развития татарской культуры и татарского литературного языка.

Г. Нугайбек вел решительную борьбу за чистоту татарского языка и освобождение его от засилья арабо-персидских и османотурецких элементов, ратуя за развитие национального языка на его народной основе, за реализацию его потенциальных возможностей. Именно с таких позиций написаны его первые оригинальные труды: «Башлангыч» (1911), «Төрлек» (1911) и «Сагынмалык» (1912).

В небольшой по объему книге «Башлангыч» («Начальные правила орфографии») автором поднимался ряд актуальных для его времени вопросов: о количестве гласных звуков в татарском языке, о принципах орфографии и о языковедческих терминах.

Г. Нугайбек присоединился к мнению выдающегося ученого-просветителя Каюма Насыри, разработавшего новую систему гласных в татарском языке, включавшую десять звуков, и предложил обозначения для этих звуков. На этом фактически новом алфавите были изданы его названные

выше книги. Среди этих изданий особое место занимает его грамматика «Төрлек». Основная часть этой работы посвящена вопросам морфологии, рассматриваются в ней также некоторые проблемы фонетики и синтаксиса. Так, например, более полно дана классификация звуков, впервые употреблены термины *ижек* 'слог' и *басым* 'ударение'. Новым для татарского синтаксиса явилось деление грамматических обстоятельств на пять типов: *урын тормышы* 'обстоятельство места', *чак тормышы* 'обстоятельство времени', *рәвеш тормышы* 'обстоятельство образа действия', *сылтау тормышы* 'обстоятельство причины', *теләк тормышы* 'обстоятельство цели'. Подобная интерпретация обстоятельств свидетельствует о прозорливости ученого, ибо именно эта классификация в конце 30-х годов утвердилась в татарских грамматиках.

В разделе морфологии автор во многом отходит от традиционных принципов классификации частей речи, характерных для ранее издававшихся грамматик, включая и грамматические труды К. Насыри, согласно которым части речи, по образцу арабского языка, подразделялись на три группы: *исем*, *фигыль*, *хәреф* (служебные слова).

А. Г. Нугайбек впервые в татарском языкознании выделил девять частей речи.

В целом грамматика «Төрлек», по справедливой оценке Л. Залая, ценный научный труд, который занимает в истории татарского языкознания заметное место, знаменая собой переходный этап от господствовавшего в те годы влияния школы логизма — к формально-логическим принципам, от принципов арабских грамматик — к основам европейского языкознания¹.

Творческое дарование, активная общественная деятельность ученого особенно ярко проявились после Октябрьской революции, которую Г. Нугайбек принял без колеба-

¹ Л. Жәләй. Гыймад Нугайбек. — «Совет әдәбияты», 1941, № 3, стр. 66, Казань.

ний. Сотрудник газеты «Кояш» с 1912 года, в 1917 году он одним из первых профессиональных журналистов порывает с этим рупором контрреволюции и переходит в редакцию большевистской газеты «Кызыл байрак», изданием которой руководил председателем Мусульманского социалистического комитета известный революционер Мулламур Вахитов. Разносторонние знания Г. Нугайбека и его богатый опыт журналиста во многом способствовали успешному изданию газеты «Кызыл байрак». На ее страницах регулярно печатались переводившиеся Г. Нугайбеком статьи из газеты «Правда».

Начиная с 1924 года и до конца своей жизни (умер 8 января 1943 года) Г. Нугайбек работал редактором и переводчиком² Татгосиздата, отдавая много сил и энергии переводам произведений классиков марксизма-ленинизма.

Все эти годы Г. Нугайбек продолжает свои исследования в области татарского языкознания, активно участвует в подготовке перевода татарской письменности на латинскую графику. Этот актуальный вопрос решался в острой борьбе, в самый разгар которой ученый издает книгу «Латинчылыкка күчерүче гамиллар», («Факторы, определяющие переход на латинскую графику» — 1926), в которой обосновывает необходимость коренного преобразования татарской письменности. Последовавшие

одна за другой работы «Яналифга хәреф һәм имла нигезләре» («Основы нового алфавита и его орфографии» — 1927), «Имла нигезләре» («Основы орфографии» — 1928) и другие указывают на ту энергию, с какой Г. Нугайбек стремился форсировать введение нового алфавита. При этом он одновременно создает буквари и книги для чтения на новом алфавите.

В 1939—1940 годах Г. Нугайбек принимает непосредственное и активное участие в переводе татарской письменности на алфавит, созданный на основе уже русской графики.

Как ученый-языковед, Г. Нугайбек ярко проявил себя и в области лексикотграфии. В 1934 году под его руководством была начата подготовка «Русско-татарского словаря». Первое издание его вышло в 1938 году тиражом 10 тысяч экземпляров; второе исправленное и дополненное издание — в 1940 году тиражом 40 тысяч экземпляров; объем словаря составил 80 п. л. Две трети словаря было подготовлено Г. Нугайбеком. Этот капитальный труд стал ценным пособием для изучения русского языка татарам. При участии Г. Нугайбека впервые были изданы «Русско-татарский словарь» (1939) для начальных классов средней школы и словарь «Политико-экономические термины» (1941). Примечательно, что последний вышел в свет в русско-татарском и татарско-русском вариантах.

После доклада выступили М. Х. Гайнуллин, Х. М. Каримов, Х. Р. Курбатов, говорившие о большом значении многогранной деятельности Г. Нугайбека для развития татарской культуры.

В заключение было высказано пожелание издать научный сборник, посвященный памяти Г. Нугайбека, а также сборник его избранных работ.

Г. К. Якупова

² Переводческая деятельность Г. Нугайбека началась в 1907 году. Им была, в частности, переведена пьеса азербайджанского драматурга Наджаф-бека Везирова «Мосыйбәте Фәхретдин» («Горе Фәхретдина»), которая многие годы ставилась на татарских сценах.

НЕКРОЛОГ

РИЗА САЛАХУТДИНОВИЧ ГАЗИЗОВ

4 июля 1981 года на 87-м году жизни скончался видный татарский языковед Риза Салахутдинович Газизов.

Р. С. Газизов родился 28 августа 1894 года в деревне Тураево нынешнего Елабужского района Татарской АССР. Он получил образование в Казанской учительской школе, одном из наиболее прогрессивных в то время учебных заведений. В годы первой империалистической войны Р. С. Газизов был в действующей армии, а после победы Октябрьской революции сражался в первой татарской бригаде командуя ротой, а затем батальоном.

Демобилизовавшись, Р. С. Газизов приступает к активной научно-педагогической деятельности. Он ведет большую работу в области сопоставительного изучения русского и татарского языков, издает несколько сопоставительных грамматик этих языков. Его первая «Грамматика татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка», написанная в соавторстве с С. М. Курбангалеевым, была опубликована в 1924 году. Затем она несколько раз переиздавалась с дополнениями и изменениями.

После Великой Отечественной войны Р. С. Газизов заново переработал этот труд, выдержавший еще три издания (1952, 1966, 1977).

Р. С. Газизов до последних дней своей жизни работал над созданием русско-татарских и татарско-русских словарей. «Татарско-русский словарь», составленный им в соавторстве с С. М. Курбангалеевым, издавался в 1927 и 1932 годах. В 1950 году вышел новый «Татарско-русский словарь», созданный при активном участии Р. С. Газизова и под его редакцией. В 1947 и 1949 годах издавался «Школьный русско-татарский словарь» (составлен в соавторстве с М. Гимадеевым). Р. С. Газизов является одним из составителей и редактором «Русско-татарского словаря», изданного в 1971 году.

Работая в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, он возглавлял авторский коллектив по созданию четырехтомного капитального «Русско-татарского словаря». Ученый плодотворно работал и над созданием учебников и учебных пособий по изучению русского языка. Его «Русский букварь» переиздавался более десяти раз; им написан оригинальный учебник татарского языка для нетатар (1960).

Р. С. Газизовым опубликовано свыше тридцати работ, посвященных различным проблемам сопоставительного изучения татарского языка, в которых также обобщен опыт составления словарей татарского языка, и даны ценные рекомендации.

Свою научно-исследовательскую работу ученый успешно сочетал с преподавательской деятельностью в вузах республики. Очевидец трех революций, активный участник гражданской и Великой Отечественной войн, ветеран народного просвещения, ученый-труженик Р. С. Газизов пользовался большим авторитетом среди своих коллег и педагогической общности республики. Талантливому ученому отличала высокая требовательность к себе, исключительное трудолюбие, личная скромность, простота и доброжелательность в обращении с другими. Светлая память о Ризе Салахутдиновиче Газизове сохранится в сердцах его благодарных коллег, друзей и учеников — всех, кому довелось узнать радость общения с ним.

Ф. Ганиев

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебрянников (Москва). Об основных отличиях истории строевых элементов языка от истории литературного языка 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Б. Х. Султанов (Бухара). Арабско-персидские заимствования в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни 14

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- А. Н. Малехова (Ленинград). К характеристике образной структуры текста в поэме Навои «Лисан ут-тайр» («Язык птиц») 20

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ф. А. Ганиев (Казань). О семантической грамматике тюркских языков 27
К. М. Абдуллаев (Баку). О становлении монопредикативной структуры предложения в азербайджанском языке 32

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Ф. С. Сафиуллина (Казань). Актуальные проблемы изучения синтаксиса тюркской разговорной речи 43
Х. Алимурадов (Карши). Об одной форме множественности в нижнесурхандарьинском говоре узбекского языка 53
В. И. Котлеев (Чебоксары). Акустические признаки чувашского словесного ударения 56
А. Нурмухаммедов (Ашхабад). О некоторых дифференциальных признаках согласных фонем 67
М. Хусаинов (Москва). Из опыта статистического анализа частотности употребления неологизмов в современном турецком литературном языке 74
Л. Ш. Арсланов (Елабуга). О так называемых «астраханских каракалпаках» и их языке 80
И. Л. Кызласов (Москва). Новые материалы по енисейской рунической письменности 86

РЕЦЕНЗИИ

- М. А. Хабицев (Карачаевск). Ж. М. Гузеев. Основы карачаево-балкарской орфографии 97
В. Ш. Псянчин (Уфа). У. Доспанов. Диалектная лексика каракалпакского языка 98
М. Зайнуллин, Э. Нишбердин, Ф. Юсупов (Уфа). С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка 101
Э. Н. Наджип (Москва). Г. А. Джалалов. Узбекский народный сказочный эпос 104

PERSONALIA

- К. Иманалиев (Фрунзе). Калкабай Калыкович Сартбаев 106

ХРОНИКА

- Г. К. Якупова (Казань). К столетию со дня рождения Гимада Нугайбека 108

НЕКРОЛОГ

- Риза Салахутдинович Газизов 110

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- B. A. Serebrennikov* (Moscow). On principal distinctions of history of constructional elements of language from history of literary language 3

LANGUAGES IN CONTACT

- B. Kh. Sultanov* (Bukhara). Arabian and Persian borrowings in «Kutadgu bilig» by Yusuf Balasaguni 14

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- A. N. Malekhova* (Leningrad). Towards characteristics of figurative structure of text in poem by Navoi «Lisan-ut-tair» («Birds' language») 20

DISCUSSIONS

- F. A. Ganiyev* (Kazan). On semantic grammar of the turkic languages 27
K. M. Abdullayev (Baku). On formation of monopredicative structure of sentence in the Azerbaijan language 32

REPORTS, SURVEYS

- F. S. Safiullina* (Kazan). Actual problems of study of syntax of turkic conversational speech 43
Kh. Alinuradov (Karshi). On certain form of plurality in lower surkhandarya subdialect of the Uzbek language 53
V. I. Kotleyev (Cheboksari). Acoustic markers of the Chuvash word-stress 56
A. Nurmukhammedov (Ashkhabad). On some distinctive features of consonant phonemes 67
M. Khusainov (Moscow). From the experience of statistic analysis of frequency usage of neologisms in modern Turkish literary language 74
L. Sh. Arslanov (Elabuga). On the so-called «astrakhan karakalpaks» and their language 80
I. L. Kyzlasov (Moscow). New materials on Yenisei runic written records 86

REVIEWS

- M. A. Khabichev* (Karachaevesk). Ж. М. Гузеев. Основы карачаево-балкарской орфографии 97
V. Sh. Pnyanchin (Ufa). У. Доспанов. Диалектная лексика каракалпакского языка 98
M. Zainullin, E. Ishberdin, F. Yusupov (Ufa). С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка 101
E. N. Nadzhip (Moscow). Г. А. Джалалов. Узбекский народный сказочный эпос 104

PERSONALIA

- K. Imanaliyev* (Frunze). Kalkabai Kalykovich Sartbayev 106

CHRONICLE

- G. K. Yakupova* (Kazan). Commemorating the 100th anniversary of Gimad Nugaibek 108

OBITUARY

- Riza Salakhutdinovich Gazizov | 110

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются

Корректоры Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова

Сдано в набор 20/VIII-1981 г. Подписано к печати 29/I-1982 г. ФГ 09529. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8 Уч. изд. л. 9,4, Заказ 5696. Тираж 2755. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.